

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6
1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6
1978

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Яжборовская И. С.</i> Важная веха на историческом пути польского народа	3
<i>Бромлей Ю. В.</i> Этнографическое изучение славянских народов в СССР	19
<i>Исаева З.</i> Развитие драматургии Югославии в период народно-освободительной борьбы (1941—1945)	24
<i>Сизова Т. И.</i> Журнал «Нове виднокренги» — орган польской прогрессивной эмиграции в СССР (1941—1943)	35
<i>Мананчикова Н. П.</i> Социальная структура морской торговли в XIII — начале XIV в. по данным морского права Дубровника и Задара	48
<i>Габовицкая Антон</i> (ЧССР). О некоторых причинах лексической дифференциации в словацких диалектах.	60
<i>Авксентьева А. Г.</i> Следы древнейших акцентных парадигм во втором полногласии	69

СООБЩЕНИЯ

<i>Воронков В. И.</i> ПСЛ-«Вызволене» и польская конституция 1921 г.	81
<i>Зеленин В. В., Костюшко И. И.</i> «Второе издание» крепостного права и европейский рынок	90
<i>Милов Л. В.</i> К истории текста Закона Судного людем Краткой редакции	97

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Недорезов А.</i> Bejda Vasil. Politika a ideológia. K vývoju v strane a spoločnosti v neďávnom období	102
<i>Парсаданова В. С.</i> У истоков советско-польских экономических отношений нового типа.	104

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Григорьянц Т. М.</i> Kasper. Geschichte der Sorben. В. 3, 1917—1945	105
<i>Поп И. И.</i> Школа европейских стран социализма. Послевоенное развитие и современные проблемы	107
<i>Карасев В. Г., Билунов Б. Н.</i> В. П. Чорний. Героическая эпопея болгарского народа. Апрельское восстание 1876 года	108

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях 1977—1978 гг. (продолжение)	110
Содержание иностранных журналов	113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ненашева З. С.</i> Всесоюзная научная конференция славистов и балканистов в Звенигороде	116
<i>Черныш Т. А.</i> Чтения памяти Л. А. Булаховского	120
<i>Злыднев В. И.</i> <u>Игорь Михайлович Шенгунов</u>	122
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1978 году	124

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ

ВАЖНАЯ ВЕХА НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПУТИ ПОЛЬСКОГО НАРОДА

Год назад широко отмечалось 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало современному мировому революционному процессу, начало нашей эпохе, содержанием которой является переход от капитализма к социализму в мировом масштабе. Эта эпоха, «эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических революций и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма»¹, уже через год после победы Великого Октября ознаменовалась событиями чрезвычайной важности и в истории польского народа. В ходе дальнейшего послеоктябрьского развития мирового революционного процесса он после 123 лет упорной борьбы обрел в ноябре 1918 г. национальную независимость и сделал ряд важных шагов на пути к достижению своего социального освобождения. Главным из них было создание в декабре 1918 г. Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП).

Эти события были назревшим естественным проявлением глубинных, объективных закономерностей развития исторического процесса, логическим выражением общего кризиса капитализма, соединением в едином русле социальной революции классовой войны пролетариата против буржуазии и демократических, революционных национально-освободительных движений². Они были органически связаны между собой, отражая новый этап мирового развития, прорыва цепи империалистической реакции и мощного развертывания мирового революционного процесса. Именно с дальнейшим ходом этого процесса, начатого революционным взрывом в Российской империи, куда переместился центр революционного движения, где сформировался «передовой отряд» этого движения в Европе и произошла с нетерпением ожидавшаяся Марксом и Энгельсом неизбежная «грандиознейшая социальная революция»³, была связана демократическая перестройка всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы, появление на географической карте целого ряда независимых государств. Остались позади те времена, когда в условиях «мирного» развития капитализма судьбы угнетенных народов могли решаться в ходе войн и восстаний, путем политических комбинаций дипломатов и государственных деятелей. Теперь их судьбы зависели не от поворотов внутри- и внешнеполитической

¹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1964, с. 39.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 112.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 123, 124, 143, 146, 158; т. 32, с. 549; т. 34, с. 230.

конъюнктуры, а от широких народных масс, взявших дело освобождения в свои руки.

Борьба нескольких поколений поляков за свободу снискала уважение и поддержку различных прогрессивных сил. Более того, на протяжении большого исторического периода польский вопрос играл особую роль в Европе и привлекал внимание всего международного рабочего движения. Во второй трети XIX в. польское национально-освободительное движение, глубоко демократическое по своему содержанию, имело особое революционное значение. Это объяснялось тем, что оно было направлено против наиболее реакционных форм угнетения и наносило удар за ударом по российскому царизму — оплоту феодальной реакции в Европе, тормозившему демократизацию политической жизни и затруднявшему создание более благоприятных условий для развития классовой борьбы международного пролетариата. К. Маркс и Ф. Энгельс неуклонно призывали деятелей международного рабочего движения поддерживать польское национально-освободительное движение и лозунг свободы Польше. Они считали этот лозунг, не сходявший со знамени I Интернационала, основой интернационального воспитания европейского пролетариата.

В последнее десятилетие XIX в. вопрос об общеевропейской значимости польского национально-освободительного движения обсуждался во II Интернационале, в новых, изменившихся условиях, когда шляхетское национально-освободительное движение уже сошло на нет, созрели и обострились противоречия эпохи империализма, резко усиливались классовые антагонизмы. Рабочее движение — новая, определяющая сила, за которой было будущее, развивалось и в польских землях, и в России, куда перемещался центр революционного движения. Царизм утратил свою роль жандарма Европы: фронт политической реакции выровнялся.

Для решения польского вопроса возникали новые предпосылки: в Российской империи рос пролетариат. Он становился той силой, которой предстояло, объединив свои отряды, решить проблему социального и национального освобождения народов, угнетавшихся царизмом, в том числе и польского. Постановка польского вопроса должна была радикально измениться с изменением положения в польских землях. Как только Польша стала капиталистической и имущие классы угнетаемой и угнетающей нации объединились для борьбы с рабочим движением, она «не могла не потерять своего *исключительного* революционного значения»⁴.

Марксистский научный анализ польского вопроса для периода кануна общего кризиса капитализма был дан В. И. Лениным. Он четко определил историческую обусловленность и подтвердил правильность оценки польского вопроса К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые считали активную поддержку требования независимости Польши в период существования I Интернационала безусловно обязательной для всей Западной Европы. В. И. Ленин писал: «Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи „крестьянской реформы“ в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. <...> Но если эта точка зрения Маркса была вполне верна для второй трети или третьей четверти XIX века, то она перестала быть верной к XX веку»⁵. Изменились основные тенденции политики имущих классов в целом. Сотрудничество с угнетателями перестало быть делом только их небольшой верхушечной части. «Борьба национальностей, — писал В. И. Ленин, — у нас на глазах превращается в сделку господствующих классов <...> не

⁴ В. И. Ленин. Там же, т. 25, с. 298.

⁵ Там же, с. 297, 298.

только помещики, но буржуазия, даже самая демократическая буржуазия, так поступают»⁶.

Возникновение единого фронта империалистической буржуазии разных наций как качественно новое явление расстановки классовых сил В. И. Ленин обстоятельно рассматривал именно на примере Польши. В ряде работ он показывал, как, насаждая национализм, сильные мира сего, будучи так называемыми реалистами, «великолепно уживаются вместе, как акционеры „доходных“ миллионных дел»⁷, «отлично обделывают свои делишки: в одном и том же акционерном обществе...»⁸.

Проблема взаимоотношений царизма, русской буржуазии и помещиков и, с другой стороны, буржуазно-помещичьих кругов Польши как пример трансформации политики правящих классов в эпоху империализма привлекала внимание В. И. Ленина неоднократно. Он отмечал типичное для новой эпохи явление — спекуляцию имущих классов угнетенной нации, в том числе польской, на стремлении ее широких масс сбросить иго национального гнета, указывал на соглашательство этих классов даже с самыми реакционными формами власти господствующей нации, на использование лозунгов национального освобождения для обмана рабочих.

Политическое значение такого курса для усиления позиций царской реакции он сформулировал в статье «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» (анализируя, в частности, изменения в расстановке классовых сил в Польше и линию эндеции, которая в своем так называемом политическом реализме не выходила за рамки согласования своих позиций с внешне- и внутривнутриполитической линией царизма): «Россия есть тюрьма народов не только в силу военно-феодалного характера царизма, не только потому, что буржуазия великорусская поддерживает царизм, но и потому, что буржуазия польская и т. д. интересам капиталистической экспансии принесла в жертву свободу наций, как и демократизм вообще»⁹. Эти выводы В. И. Ленин делал, основываясь и на детальном рассмотрении проблемы борьбы за польское самоуправление, оценивая политику польских имущих кругов как сделку, закулисный сговор «об условиях хотя бы некоторого сотрудничества или просто сравнительно мирного сожительства черносотенцев русских с черносотенцами польскими...»¹⁰.

Перспективы подлинного освобождения польского народа тщетно было бы связывать с теми или иными политическими шагами видных польских деятелей типа Пилсудского или Дмовского, даже если они в своих планах искренне стремились использовать противоречия между империалистическими державами и рассчитывали на благоприятный поворот хода военных действий, мечтая заполучить какие-либо возможности воздействия на решение польского вопроса. До развертывания мирового революционного процесса шансы на демократическое решение польского вопроса были минимальными, если не сказать — иллюзорными. Польский вопрос мог встать и действительно вставал в годы первой мировой войны только в рамках передела аннексированных территорий. «Акт 5 ноября 1916 г.», которым германские оккупационные власти декларировали создание польского буферного «государства», был лишь временной, тактической мерой, в чем очень скоро убедились и те немногие современники событий, которых он сумел ввести в заблуждение. Также фиктивной была провозглашенная Временным правительством независимость Польши на условиях «военного

⁶ Там же, с. 15.

⁷ Там же, т. 23, с. 150.

⁸ Там же, с. 376.

⁹ Там же, т. 27, с. 67.

¹⁰ Там же, т. 25, с. 14.

союза» с Россией, на что сразу указали передовые представители русского народа.

Решение польского вопроса в истинно демократическом духе было тесно связано с определяющими прогрессивными тенденциями исторической эпохи. Отражая глубинные процессы, развивавшиеся в центре мирового революционного движения, в революционной России, передовые носители этих тенденций, большевики и Ленин, предложили новую постановку польского вопроса: объединение сил польского пролетариата с пролетариатом России как залог успешной борьбы против самодержавия, как гарантию полного политического и экономического освобождения польского народа.

Лежащие в основе политической линии большевиков научно-теоретические выкладки, идейно-политические установки ленинской партии, ее программа, стратегия и тактика приобрели особое значение в решении целого комплекса задач мирового революционного движения, в развитии национально-освободительного движения угнетенных народов, трактовке решения национального вопроса в целом и польского вопроса в частности. Поэтому вполне правомерно остановиться подробнее на тех их аспектах, которые касались Польши.

Ленинское понимание хода мирового революционного процесса развивалось в постоянном и тесном, органическом соединении с богатой революционной практикой того нового центра международного рабочего движения, каким на заре ленинизма становилась Россия. Оно формировалось как антитезис окостенению и шаблонизации теоретической мысли во II Интернационале. Оно базировалось не на устоявшихся догмах, а на глубоко творческом, конкретно-историческом анализе действительности. Ленинской теории, ленинской политике всегда была чужда априорная схема.

В живых, динамичных ленинских работах, полных метких наблюдений, поражающих широтой охвата явлений одновременно с учетом самых разнообразных их сторон и с точностью анализа, содержатся многочисленные упоминания о Польше, о польском рабочем движении, о польских партиях и политических деятелях. Для нас принципиально важно каждое ленинское указание, каждая его оценка. Разумеется, еще более плодотворно рассмотрение ленинских мыслей, высказываний о польских сюжетах не как отдельных, разрозненных замечаний или примеров, очень ценных, но как бы растворяющихся в насыщенной ткани ленинских текстов, — а как стройной, логически спаянной системы, органически вплетающейся в общую линию развития ленинской концепции революционного процесса.

Исследуя как его общие закономерности, так и конкретные их проявления, В. И. Ленин неоднократно обращался как раз к польской действительности. Многие определяющие явления социально-экономической и политической жизни в России и Польше были сходными и в то же время обнаруживались различные специфические черты. Своеобразие развития капитализма в польских землях, проявлявшееся и в условиях тесного экономического взаимодействия Королевства Польского и Российской империи, самобытные историко-социологические и политические процессы, неравномерность развития революционного движения давали В. И. Ленину благодатный материал для сравнения, для обогащения и углубления анализа действительности, положенного в основу разработки программы и стратегии ленинской партии.

Первый принципиально важный ленинский вывод о развитии России по капиталистическому пути, убедительно увенчавший предварительные, осторожные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса по этому вопросу¹¹,

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 305.

был, как известно, дополнен всесторонним и детальным исследованием самых различных сторон российского капитализма и империализма. Для выяснения степени его зрелости, глубины и остроты его противоречий, неравномерности его развития по районам, условий, способствовавших усилению всех социально-политических противоречий, имело важное значение рассмотрение В. И. Лениным вопросов экономического развития быстро прогрессирующего в промышленном отношении Королевства Польского. В. И. Ленин неоднократно обращался к этой проблеме. Всесторонность его подхода к ней позволила опровергнуть тезис Р. Люксембург, гласящий, будто произошло органическое вращение экономики польских земель в хозяйственный организм Российской империи. С одной стороны, он прослеживал быстрое промышленное развитие Королевства Польского и полностью распространившиеся на польские земли тенденции к созданию монополий, к интернациональному сращиванию капитала, замеченные Р. Люксембург в ее работе «Развитие промышленности в Польше». А с другой стороны, он видел и изучал исторически сложившуюся специфику русско-польских экономических отношений, развивавшихся в условиях застойных, полуфеодальных политических форм надстройки. Это позволило ему критиковать Р. Люксембург за то, что она «незаметным образом переходит постоянно к тому выводу, будто среди факторов, соединяющих Россию с Польшей, преобладают уже теперь чисто экономические факторы современно-капиталистических отношений»¹². Дискутируя с Р. Люксембург по этому вопросу, В. И. Ленин детально изучает общие историко-экономические закономерности создания и функционирования современных государств и выявляет весь комплекс различных тенденций, взаимодействующих в экономике Российской империи и других многонациональных государств. В работе «О праве наций на самоопределение» он специально подчеркивает, что рост экономической зависимости малых наций и колоний не снимает объективной тенденции к созданию независимых государств.

В. И. Ленин доказывал — и исторический процесс приносит все новые и новые подтверждения правильности этого вывода, что образование национальных государств является *типичным*, нормальным для капиталистического периода»¹³ и наиболее удовлетворяет требованиям экономического прогресса. Не пестрое в национальном отношении государство, а государство национальное создает наилучшие условия для развития капитализма, и марксисты, подчеркивает В. И. Ленин, «не могут упускать из виду могучих *экономических* факторов, порождающих стремления к созданию национальных государств»¹⁴. Рассматривая эти закономерности применительно к Российской империи и Австро-Венгрии, В. И. Ленин сделал ряд принципиально важных научных обобщений, в частности, он сформулировал положение о том, что в эпоху развитого капитализма существуют переходные звенья — страны с наличием тех или иных пережитков феодализма и феодальных форм угнетения, с незаконченными буржуазно-демократическими преобразованиями и с тенденцией к созданию национально-самостоятельных государств. Он рассмотрел характер и закономерности развития национально-освободительного движения и выявил связанные с этим задачи пролетарской партии в многонациональном государстве.

При разработке идейно-политических установок большевистской партии В. И. Ленин неуклонно исходит из важнейшего марксистского положения о прогрессивности борьбы масс «за суверенность народа, за суверен-

¹² В. И. Ленин. Там же, т. 25, с. 266.

¹³ Там же, с. 259.

¹⁴ Там же, с. 263.

ность нации», против национального угнетения¹⁵, о необходимости преодолеть это первое препятствие на пути развертывания классовой борьбы, ибо, как подчеркивал Ф. Энгельс, «устранение национального гнета является основным условием всякого здорового и свободного развития»¹⁶. В. И. Ленин указывает, что поддержка пролетариатом «прогрессивного в этих движениях» — «безусловная обязанность пролетариата, как демократической силы, безусловный интерес пролетарской классовой борьбы, которая затемняется и задерживается национальной грезней»¹⁷. Разумеется, при этом нельзя переходить, как подчеркивал В. И. Ленин, часто очень тонкую грань — нельзя идти дальше, поддерживать национализм; нужно неуклонно помнить о пролетарском интернационализме как условии победы рабочего класса. Он раскрывает особую реакционность национального угнетения в эпоху империализма: оно является тормозом в подготовке победы пролетариата. «Теперь, — формулирует В. И. Ленин важнейшие функции национального вопроса в новую эпоху, опираясь на сравнительно-исторический анализ, — сложилась система горстки (5—6 числом) „великих“ империалистических держав, из коих каждая угнетает чужие нации, причем это угнетение является одним из источников искусственной задержки падения капитализма...»¹⁸. В связи с этим коренным изменением обстановки, указывает он, стратегия мирового революционного движения радикально меняется: «Теперь против единого, выравнявшегося, фронта империалистических держав, империалистской буржуазии, социал-империалистов, за использование в целях социалистической революции *всех* национальных движений против империализма. Чем *чище* теперь борьба пролетариата против общеимпериалистского фронта, тем насущнее, очевидно, интернационалистский принцип: „не может быть свободен народ, угнетающий чужие народы“»¹⁹. Формулируя этот тезис, Ленин опирается на наследие Маркса и Энгельса, которые последовательно ориентировали германский пролетариат на борьбу за освобождение Польши²⁰. Он также неуклонно направляет российскую социал-демократию, рабочий класс Российской империи на отстаивание права польского народа на самоопределение вплоть до отделения и образования независимого государства. Рассматривая концепции лидеров II Интернационала, он отвергает точку зрения, высказанную в 1902 г. во вступлении к третьему тому избранных произведений Маркса и Энгельса Ф. Мерингом, который называл проблему воссоздания польского национального государства реакционной утопией, а выдвижение национальных требований — недостойным оппортунизмом. Ф. Меринг связывал возрождение Польши исключительно с пролетарской революцией²¹. В. И. Ленину ближе решение Лондонского конгресса II Интернационала (1896) о праве наций на самоопределение, в основу которого положена более диалектическая трактовка польского вопроса К. Каутским. Последний сочетал признание примата классовой борьбы с защитой выдвинутого польскими пролетариями требования независимой Польши. В. И. Ленин цитирует статью К. Каутского «Finis Poloniae?» (1896), содержащую указание на то, что как только польский пролетариат займется польским вопросом, он должен будет высказаться за независимость Польши, а также найти такие формы для этого требования, которые

¹⁵ Там же, т. 24, с. 132.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 221.

¹⁷ В. И. Ленин. Там же, т. 24, с. 132.

¹⁸ Там же, т. 30, с. 40.

¹⁹ Там же.

²⁰ См. там же, т. 7, с. 236, 237; т. 28, с. 483; т. 30, с. 38; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 353; т. 18, с. 503—509.

²¹ См. Р. Люксембург. Письма к Карлу и Луизе Каутским (1896—1918 гг.). М., 1923, с. 122.

обеспечивали бы его сочетание с классовыми интересами, с интересами международного пролетариата. Он еще раз поддерживает тезис К. Каутского о том, что требование восстановления Польши, ввиду потери польским вопросом международного революционизирующего значения, перестало быть обязательным для международного рабочего движения, но вполне допустимо в программе польских социал-демократов, хотя восстановление польского государства до победы пролетарской революции крайне маловероятно. К. Каутский обращал внимание на важность политических лозунгов, помогающих пролетариату бороться за ликвидацию национального гнета и создание лучших условий для развертывания классовой борьбы. Эта точка зрения и легла в основу принятой резолюции, сочетавшей признание права наций на самоопределение с призывом к международному пролетарскому единству²². В. И. Ленин высказывает свое мнение и о споре К. Каутского с Р. Люксембург в 1896 г. на Лондонском конгрессе, в ходе которого последняя придерживалась убеждения, что требование независимости Польши не может иметь места в программе польских социал-демократов, ибо его в настоящее время нельзя осуществить. Приводя обширную цитату из К. Каутского, В. И. Ленин соглашается с тем, что программа должна ориентировать не только на то, что непосредственно осуществимо на данном этапе, но и на то, что стимулирует, облегчает классовую борьбу пролетариата, дает толчок ее развитию, расчищает путь к борьбе за политическую власть. В этой связи В. И. Ленин с одобрением приводит высказывание Каутского о том, что если даже создание польского национального государства оказалось бы возможным только после взятия пролетариатом власти, то это не может являться достаточным основанием для того, чтобы не включать такое требование в программу партии²³.

В дальнейшем В. И. Ленин обстоятельно рассмотрел идеологические и конкретно-политические аспекты этого вопроса применительно к позициям и российских и польских революционеров.

Интересам классовой борьбы пролетариата Российской империи полностью соответствовало создание прочного союза рабочего движения и освободительного движения угнетенных наций. Этой задаче служило неуклонное выдвижение ленинской партией принципа права наций на самоопределение, его последовательное отстаивание как программного положения. Этот принцип был важным элементом политического оформления глубинных устремлений демократических сил русского народа, изъявлением его воли поддержать борьбу польского народа за его освобождение вопреки воле правящих классов.

Еще в начале 900-х годов Ленин высказал мнение, что «восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно, но нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно» и в случае «демократической эволюции» оно может произойти, хотя в условиях господства буржуазии безусловно не может быть обеспечено «наверное»²⁴. Поэтому, отстаивая принцип права наций на самоопределение, он подчеркивал, что российская социал-демократия «считается со всеми возможными, даже со всеми вообще мыслимыми комбинациями...»²⁵.

В канун первой мировой войны, отразившей резкое обострение всех противоречий империализма, Ленин обратил внимание на рост значения национального вопроса, и в частности польского вопроса, на усиление

²² «Verhandlungen und Beschlüsse des Internationalen Sozialistischen Arbeiter- und Gewerkschafts-Kongresses zu London vom 27 Juli bis 1 August 1896». Berlin, 1897, S. 18. См. также «История Второго Интернационала», т. I. М., 1965, с. 271—272.

²³ В. И. Ленин. Там же, т. 6, с. 320.

²⁴ Там же, т. 7, с. 239, 240.

²⁵ Там же, с. 239.

национально-освободительной борьбы польского народа, на возможность воссоздания польского национального государства. Он отмечал, что «когда национальный гнет и национальные трения делают совместную жизнь совершенно невыносимой, тормозят все и всяческие хозяйственные отношения», этого требуют интересы капиталистического развития и свободы классовой борьбы²⁶.

«В России есть две нации, наиболее культурные и наиболее обособленные в силу целого ряда исторических и бытовых условий, которые легче всего и „естественнее“ всего могли бы осуществить свое право на отделение, — отмечал В. И. Ленин. — Это — Финляндия и Польша»²⁷. Переходя от этого общего замечания к конкретно-политической постановке вопроса, он подчеркнул, ссылаясь на опыт революции 1905 г., что даже в этих двух нациях господствующие классы в страхе перед пролетарским движением помышляют лишь о сплочении с господствующими классами угнетающей нации (в то время как движение народных масс угнетенных наций — поляков, финляндцев и др. — делало «натиск на самодержавие особенно энергичным»²⁸) и что тем энергичнее социал-демократии этих наций надо бороться с прямым обманом масс «националистическими лозунгами „своей“ буржуазии, которая сладенькими или пылкими речами о „родине“ старается разделить пролетариат...»²⁹.

В этом положении отразилась характерная черта региона угнетенных наций Центральной и Юго-Восточной Европы — здесь на нерешенность национальных проблем накладывалось назревание и обострение противоречий капиталистического общества, национальный вопрос глубоко вплетался в ткань классовых противоречий. Это имело серьезные идеологические последствия, затрудняло и затягивало идеологическое отмежевание пролетариата от буржуазии, постоянно усиливало значимость ведения идеологической работы в этом направлении, накладывало свой отпечаток на политику пролетарских партий.

Тем важнее было вести неустанную борьбу за регулирующее воздействие классового сознания пролетариата на его национальное самосознание, отстаивать марксистский принцип примата классовой борьбы. Поэтому В. И. Ленин и большевики решительно поддерживали интернационалистскую позицию польских социал-демократов (СДКПиЛ). В. И. Ленин признавал правильность принципа формулирования лозунгов по национальному вопросу в зависимости от интересов пролетарской классовой борьбы, дабы не затемнять классовое сознание, дабы ускорить социальное освобождение.

Непосредственно к анализу позиций польских рабочих партий по национальному вопросу В. И. Ленин впервые обратился в ходе той полемики, которую «Искра» вела вокруг программы РСДРП по национальному вопросу в 1903 г. Острая борьба внутри польского социалистического движения, в которой национальный вопрос играл первостепенную роль, выдвигала польский вопрос во время разработки программы РСДРП по национальному вопросу на видное место.

Важнейшая ленинская работа — «Национальный вопрос в нашей программе», сосредотачивающая на своих страницах аргументы в защиту соответствующего раздела программы накануне II съезда, опиралась в значительной мере на анализ польского вопроса, содержала развернутую характеристику позиций как ППС, так и СДКПиЛ. На этом материале В. И. Ленин сформулировал основные методологические положения

²⁶ Там же, т. 25, с. 287. См. также с. 267.

²⁷ Там же, т. 23, с. 315.

²⁸ Там же, т. 9, с. 381.

²⁹ Там же, т. 23, с. 316.

марксизма-ленинизма о примате пролетарской классовой борьбы, задачам которой всегда и безусловно должны подчиняться национальные требования, об обязательности конкретно-исторического подхода к национальному вопросу. Требование ППС о безусловном отделении Польши, разделяющее пролетариат разных национальностей, В. И. Ленин считал в условиях беременной революцией Российской империи глубоко ошибочным как равнозначное отказу от совместной пролетарской борьбы. «... Не смущаясь нисколько шовинистическими и оппортунистическими выходками, — подчеркивал он, — мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения»³⁰. Эта мысль, правильность которой позднее полностью подтвердил исторический процесс, затем была повторена В. И. Лениным в широко известном лаконичном определении «свобода Польши невозможна без свободы России»³¹. Со всей определенностью указав на абсолютную необходимость соединения усилий пролетариата России и Польши в борьбе с самодержавием, В. И. Ленин подчеркивал, что содержащая принцип права наций на самоопределение программа РСДРП «нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна. Эта программа требует лишь, чтобы действительно социалистическая партия не развращала пролетарское сознание, не затемняла классовой борьбы, не обольщала рабочий класс буржуазно-демократическими фразами, не нарушала единства современной политической борьбы пролетариата. Именно в этом условии, под которым только мы и признаем самоопределение, заключается вся суть»³².

В. И. Ленин понимал сложность идеологических задач СДКПил и поэтому, отметив интернационализм польских социал-демократов и их правоту в трактовке национального вопроса как второстепенного, подчиненного, подчеркивал, что «ни один российский марксист никогда и не думал ставить в вину польским с.-д., что они против отделения Польши»³³, тем более что пытаться априорно разрешить вопрос о практическом отделении или сохранении в многонациональном государстве каждой нации нелепо, ибо такое решение будет зависеть от тысячи факторов. «Теоретически нельзя ручаться наперед, — писал В. И. Ленин, — отделение ли данной нации или ее равноправное положение с иной нацией закончит буржуазно-демократическую революцию; для пролетариата важно в *обоих случаях* обеспечить развитие своего класса...»³⁴. В другом месте он добавляет: «Учсть наперед все возможные соотношения между буржуазными освободительными движениями угнетенных наций и пролетарским освободительным движением среди угнетающей нации (как раз та проблема, которая делает столь трудным национальный вопрос в современной России) — вещь невозможная»³⁵. Ленинская национальная политика создавала те условия, которые давали угнетенным народам возможность решать свою судьбу в соответствии со своими национальными и классовыми интересами.

Мы сегодня с удовлетворением можем сказать, что если в наши дни отношения двух наших соседних государств основываются на началах

³⁰ Там же, т. 7, с. 241—242.

³¹ Там же, т. 17, с. 269.

³² Там же, т. 7, с. 239—240.

³³ Там же, т. 25, с. 294.

³⁴ Там же, с. 273.

³⁵ Там же, с. 305.

взаимного доверия, дружбы и сотрудничества, то это — результат того вклада, который ленинская партия внесла в выработку и проведение последовательно демократической политики, способствовавшей ликвидации угнетения польского народа и восстановлению независимости Польши.

В конкретной ситуации первого этапа общего кризиса капитализма, после того, как разразилась первая мировая война, придавшая польскому вопросу особую остроту в связи с новым переделом мира, когда австро-германские войска заняли территорию Королевства Польского и установили там оккупационный режим, российские социал-демократы во главе с В. И. Лениным оказались самыми последовательными защитниками интересов польского народа, разоблачая стремление воюющих держав сохранить угнетение польского народа, переделить Польшу, использовать ее в качестве разменной монеты в империалистических комбинациях. В то время как многие политики связывали решение польского вопроса с тем или иным поворотом в ходе войны (с победой центральных держав либо Антанты), РСДРП последовательно выступала против поддержки агрессивных планов своих правительств, реализуемой социал-шовинистами. В. И. Ленин писал: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу...»³⁶. Он предлагал социал-демократам вести широкую пропаганду, «как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. д...»³⁷. Летом 1915 г. В. И. Ленин подчеркивал, что заключение мира надо связывать не с защитой привилегий той или иной угнетающей нации, а прежде всего с защитой права на свободное решение своей судьбы нациями угнетенными. Он указывал, что социалисты в России и Германии обязаны признавать и отстаивать право польских земель на отделение³⁸.

Он резко критиковал шовинистическую позицию германских социал-демократов, указывая, что «в угоду Гинденбургу, Зюдекуму, Аустерлицу и К° Каутский признает *свободу отделения* Польши от России... но о свободе отделения поляков от Германии он молчит!!!»³⁹. В начале 1916 г. была опубликована ленинская статья «О мире без аннексий и о независимости Польши как лозунгах дня в России». Требование независимости Польши, появившееся на страницах печати в тот момент, когда на территории бывшего Королевства Польского установился оккупационный режим, не имело ничего общего, как убедительно показывал В. И. Ленин, с борьбой за подлинную независимость Польши. Оно означало на практике лишь «лозунг победы над Германией, отнявшей у России Польшу», означало независимость Польши от Вильгельма, но зависимость ее от Николая II⁴⁰. «Мы должны говорить, — указывал он, — никакой войны из-за Польши! Русский народ не хочет снова стать ее угнетателем!

А как помочь освобождению Польши от Германии? Разве мы не должны помогать этому? Конечно, должны...», — решительно утверждал В. И. Ленин, — но только не поддержкой империалистской войны, а поддержкой тех подлинно революционных сил Германии, которые не пойдут на угнетение польского народа⁴¹. Два последующих года доказали всю правильность ленинской постановки вопроса, ибо именно последовательно демократическая политика революционного рабочего класса России и

³⁶ Там же, т. 26, с. 6.

³⁷ Там же. См. также с. 108.

³⁸ Там же, с. 304—305.

³⁹ Там же, т. 27, с. 272.

⁴⁰ Там же, с. 247, 248.

⁴¹ Там же, с. 248—249.

Германии стала важным фактором решения судьбы Польши в интересах польского народа и воссоздания независимого польского государства.

В. И. Ленин не исключал возможности воссоздания польского государства в ходе империалистической войны, но прозорливо предвидел, что, будучи результатом комбинаций империалистических держав, оно отнюдь не объединит всех польских земель. Ориентацию на этот путь, на войну, на ту или иную воюющую группировку он считал для революционных социал-демократов недопустимой: «Польские социал-демократы не могут ставить теперь лозунга независимости Польши, ибо как пролетарии-интернационалисты поляки *ничего* сделать для этого не могут, не впадая, подобно „фракам“, в низкое прислужничество *одной* из империалистских монархий»⁴². Он подчеркивал, что демократическое требование «независимая Польша» подчиняет польских рабочих деятелей «*вполне* одной из империалистских держав или коалиций...»⁴³. Ленин повторял: «Великоросский (и немецкий) рабочий обязан стоять безусловно за свободу отделения Польши, ибо иначе он *на деле, теперь* — лакей Николая II или Гинденбурга. Польский рабочий *мог бы* стоять за отделение *только* условно, ибо спекулировать (как фраки) на победу той или иной империалистской буржуазии значит становиться *ее* лакеем»⁴⁴. Поэтому «ставить лозунг независимости Польши *теперь*, в обстановке *данного* соотношения империалистских *соседних* держав, значит действительно гоняться за утопией, впадать в узкий национализм, забывать предпосылку общеевропейской или, по крайней мере, русской и немецкой революции»⁴⁵. Рассматривая аргументы польских социал-демократов против выставления лозунга независимости, В. И. Ленин отмечал: «Все это очень *верно против* лозунга независимости Польши *теперь*, ибо даже революция в одной Польше ничего бы тут не изменила, а внимание польских масс отвлечено было бы от *главного*: от связи их борьбы с борьбой русского и немецкого пролетариата. Это не парадокс, а факт, что польский пролетариат, как таковой, может помочь теперь делу социализма и свободы, *в том числе и польской*, лишь борьбой *совместно* с пролетариями соседних стран, против *узкопольских* националистов»⁴⁶. Полагая, что революция в одной Польше, зажатой между воюющими державами, обречена на поражение, он видел единственное условие для восстановления независимости Польши — и история убедительно доказала его правоту — в развитии мирового революционного процесса, в крахе трех реакционных режимов. Эфемерные планы ряда политиков, практически стремившихся «перераспределить» свою зависимость от реакционных монархий Центральной и Восточной Европы, отнюдь не случайно, а вполне закономерно были опровергнуты историческим процессом. Историческая правда была на стороне революционных масс. Важным вкладом в свержение самодержавия, в освобождение польского народа и восстановление независимости польского государства стала борьба польских трудящихся, и прежде всего польского рабочего класса, которая велась в различных частях Российской империи.

После Февральской революции, когда большевики готовились к социалистической революции, которая дала бы власть пролетариату, когда нарастало революционное движение в Германии и Австро-Венгрии, чьи войска оккупировали в то время и Королевство Польское, — борьба большевиков за мир, и в частности за демократическое решение польского вопроса, приобретала особую политическую значимость.

⁴² Там же, т. 30, с. 49.

⁴³ Там же, т. 49, с. 320—321.

⁴⁴ Там же, т. 30, с. 109.

⁴⁵ Там же, с. 48.

⁴⁶ Там же, с. 49.

Под ленинскими лозунгами (освобождение всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов, мир без аннексий и контрибуций, признание права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и т. д.) большевики повели борьбу с империалистической внешней политикой Временного правительства, призывая народ не оказывать никакого доверия, никакой поддержки этому правительству, разоблачая, в частности, его захватнические цели в отношении Польши. Широкие массы трудящихся России, все более энергично поддерживавшие борьбу большевиков за мир, за прекращение империалистической войны, были сторонниками последовательно демократического решения польского вопроса. Наиболее ярко это выразил Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в единогласно принятом обращении «Народу польскому». Совет извещал польский народ о том, что революционные силы России, отстаивающие право наций на самоопределение, признают право Польши быть свободной и независимой «в государственно-международном отношении». Посылая польскому народу свой братский привет, Петроградский Совет желал ему успеха «в предстоящей борьбе за водворение в независимой Польше демократического республиканского строя»⁴⁷. Так трудящиеся России сразу сказали свое слово о будущем Польши, земли которой еще были оккупированы австро-германскими милитаристами.

Под давлением революционных масс Временное правительство было вынуждено 16(29) марта обратиться к народу Польши с воззванием и обещать создать — после решения Всероссийского Учредительного собрания — польское государство. Оно призывало поляков сражаться «до победного конца» за интересы российского империализма и предполагало объединить будущее польское государство с Россией «свободным военным союзом». Временное правительство думало не о свободе и суверенности Польши, а о том, как писал Гучков князю Львову, чтобы удержать Польшу в своих руках⁴⁸.

Против такой демагогии и фарисейства со всей энергией выступили большевики во главе с В. И. Лениным, требуя предоставления польскому народу подлинной независимости. Седьмая (Апрельская) конференция РСДРП(б), рассмотрев важнейшие вопросы войны, революции и положения народов, входивших в состав Российской империи, приняла резолюцию по национальному вопросу, написанную В. И. Лениным. В ней, в частности, говорилось: «За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий. Лишь признание пролетариатом права наций на отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действительно демократическому сближению наций»⁴⁹. Выступая 29 апреля (12 мая) по этому вопросу, В. И. Ленин половину своей речи посвятил Польше. «Когда-то Александр I и Наполеон обменивались народами, когда-то цари менялись Польшей...»⁵⁰, — говорил он. Буржуазно-помещичьей политике угнетения и разобщения народов, подчеркнул В. И. Ленин, пришел конец.

Конференция приняла резолюцию по поводу приглашения правыми германскими социал-демократами российских социал-демократов принять

⁴⁷ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. I. М., 1963, с. 26.

⁴⁸ Там же, с. 60.

⁴⁹ В. И. Ленин. Там же, т. 31, с. 439.

⁵⁰ Там же, с. 435.

участие в обсуждении вопроса о мире. В этой резолюции, также написанной В. И. Лениным, в мотивировке отказа от приглашения отмечалось: «Что же касается до восстановления независимости Польши, то оно является обменом как со стороны германо-австрийских капиталистов, так и со стороны русского Временного правительства, говорящего будто бы о „свободном“ военном союзе Польши с Россией». Для действительного определения воли народа необходим был бы вывод войск и свободный опрос населения. «Только применение этой меры ко всей Польше (т. е. не только захваченной русскими, но и захваченной немцами и австрийцами) ... было бы шагом к превращению правительственных обещаний в дело»⁵¹, — гласила резолюция. Никакая другая политическая партия в мире, в том числе ни одна из многочисленных польских партий, не стояла в тот момент на подобных позициях, не видела перспективы объединения всех польских земель.

В. И. Ленин касался польского вопроса и в речи в защиту резолюции об отношении к войне 27 апреля (10 мая) 1917 г. Доказывая необходимость пункта об отказе от аннексий, он говорил о недопустимости того, чтобы «русские капиталисты овладели в прежних границах Курляндией и Польшей...». Он еще раз заклеил лицемерный характер воззвания Временного правительства, прикрывающего красноречивой демагогией свои подлинные захватнические планы. «...Наше правительство, — говорил В. И. Ленин, — выпустило манифест о независимости Польши, напичкав последний ничего не говорящими фразами. Они написали, что Польша должна находиться в свободном военном союзе с Россией. В этих трех словах только и заключается правда. Свободный военный союз маленькой Польши с огромной Россией есть на деле полное военное порабощение Польши. Политически он может давать свободу, все равно границы ее будут определены военным союзом»⁵².

Таким образом, конференция высказалась за наиболее демократическое решение польского вопроса — за свободное самоопределение населения всех польских земель. Решения Седьмой (Апрельской) конференции легли в основу внешнеполитической линии партии, в частности проекта резолюции фракции большевиков по вопросу о мире без аннексий, предложенной на I Всероссийском съезде Советов⁵³.

Великая Октябрьская социалистическая революция провозгласила новые принципы международной пролетарской политики и официально признала за всеми народами, входившими в состав Российской империи, право на самоопределение вплоть до отделения и образования независимого государства. Осуществляя ленинскую политику, Советское правительство не только предоставило польскому народу право решить свою судьбу, но и сделало все возможное, чтобы помочь ему осуществить это право. Рядом юридических актов, декретов и постановлений оно разорвало всю систему договоров, касавшихся разделов Польши. Были созданы условия для скорейшего урегулирования отношений с Польшей, для полной ликвидации всех отрицательных исторических наслоений во взаимоотношениях между польским и русским народами, возникших в результате реакционной политики царизма и имущих классов России и Польши. Большевицкая партия и Советское правительство, опираясь на богатые традиции совместной революционной борьбы русского и польского пролетариата против общих врагов, стремились расчистить почву для установления отношений между двумя народами на началах взаимного доверия и

⁵¹ Там же, с. 373—374.

⁵² Там же, с. 392.

⁵³ «Известия ЦИК», 14 VI 1917.

дружбы⁵⁴. Во время переговоров в Брест-Литовске советская делегация требовала немедленного заключения мира без аннексий и поставила вопрос о свободном самоопределении и объединении всех польских земель. В августе 1918 г. Совет Народных Комиссаров официально подтвердил отмену всех договоров и актов царизма о разделах Польши, равно как и вытекавших из них неравноправных отношений.

В конце 1918 г. в ходе дальнейшего развертывания мирового революционного процесса создались непосредственные условия для восстановления польской государственности. Борьба польского народа за национальную независимость, поддержанная братскими народами, увенчалась успехом.

Перед польским народом открылись перспективы свободного, самостоятельного развития в рамках единого национального социально-экономического, политического, культурного и государственного организма. Назревшие объективно-исторические демократические задачи были в значительной степени решены в условиях социально-психологической и политической активизации народных масс. Пролетариат, энергично участвуя в борьбе за национальное освобождение, решал прежде всего непосредственные, первоочередные национальные задачи — задачи довершения буржуазно-демократических преобразований⁵⁵. Ликвидация национального гнета коренным образом улучшала условия его борьбы за реализацию своих классовых целей, приближала момент социального освобождения польского народа.

Решая основные демократические задачи, рабочий класс в целом постепенно подходил к своему классовому самоопределению, к решению своих классовых задач. Надо сказать, в годы первой мировой войны особенно резко проявилась объективная неравномерность развития рабочего движения. Объективные условия не благоприятствовали росту классовой борьбы. С самого начала войны польские земли стали ареной военных действий. Королевство Польское было оккупировано австро-германскими войсками. Рабочий класс, который почти во всем регионе был относительно немногочисленным, более всего пострадал от набора в армию и милитаризации экономики, от принудительного вывоза рабочей силы, от застоя и разрухи в промышленности, от массовой безработицы и голода, от депролетаризации, от распыления своих сил, от террора милитаристов и оккупантов. Все это, естественно, затормозило развитие классовой борьбы, обусловило резкий спад рабочего движения. Сплочение пролетариата как класса замедлялось также вследствие решения объективно общенациональных задач по свержению инационального гнета. В. И. Ленин, указывая в 1916 г. на эту особенность переживаемого этапа исторического развития региона, подчеркивал, что здесь в ходе революционного процесса неизбежно «„действие“ национально-угнетенного пролетариата и крестьянства *вместе* с национально-угнетенной буржуазией *против* угнетающей нации», которое тормозит развитие классового самосознания пролетариата. Нерешенность национального вопроса не дает *«теперь же... установить общность классовую»*⁵⁶. Революционный подъем, наступивший в польских землях сразу после Великого Октября и под его могучим воздействием, способствовал росту классового самосознания пролетариата, росту его организованности. Повысилась активность и революционно-преобразующая роль рабочего класса. Рабочий класс, впервые после воссоздания независимого государства получивший возможность выступить в обстановке

⁵⁴ См. «Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917». М., 1976; «СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность», т. 1. М., 1977.

⁵⁵ См. В. И. Л е н и н. Там же, т. 27, с. 260—261.

⁵⁶ Там же, т. 30, с. 111, 114.

политических свобод, учился последовательно отстаивать свою авангардную роль, свою классовую линию в любом массовом, народном движении, в том числе в национально-освободительных, демократических революциях. В условиях послеоктябрьского революционного подъема крепили его наступательный дух, его готовность к решительной борьбе за социальное освобождение.

Авангард польского рабочего класса, десятки тысяч польских интернационалистов сумели с честью выполнить пролетарские интернациональные задачи «в деле помощи социалистической революции...»⁵⁷, внося значительный и высоко ценимый советскими людьми вклад в дело победы и укрепления Советской власти в России. Знакомство с жизнью других народов, с политикой большевистской партии, участие в революционных преобразованиях способствовало распространению идей дружбы и союза среди представителей самых широких слоев польских трудящихся. Революционный авангард использовал в своей революционной практике опыт Великого Октября, новые средства, методы и формы борьбы за улучшение положения рабочего класса и добился реальных успехов на этом пути. Перед ним открылись перспективы дальнейших революционных преобразований, решения коренных пролетарских классовых задач.

Создание Коммунистической рабочей партии Польши в декабре 1918 г. отразило достижение польским рабочим классом определенной стадии политической зрелости, гарантирующей превращение этого класса в будущем в гегемона всех сил польского народа, ведущих борьбу за свое социальное освобождение. Оно стало важным фактором, ускорившим обнажение классовых антагонизмов, мощным стимулом развития борьбы народных масс за установление нового, справедливого социалистического строя.

Это был сложный процесс, ибо широкие массы города и деревни в обстановке подъема антиимпериалистического освободительного движения связывали надежды на политические и социально-экономические преобразования вначале преимущественно с созывом сейма. Польская буржуазия еще не успела разоблачить себя в их глазах, а решение общенациональных задач несколько затормозило идейно-политическое размежевание внутри польского общества. Польские правящие классы старались сохранить идеологию национального единства и в дальнейшем, в течение всего межвоенного периода, искусственно раздувая настроения враждебности по отношению к соседним народам и стремясь ограничить идеологическое и политическое воздействие пролетариата на широкие слои трудящихся.

Авангард польского рабочего класса правильно определил общие, ведущие тенденции мирового революционного процесса, несмотря на некоторые просчеты в деталях при прогнозировании хода и темпов его развития. Во всех сложных ситуациях сильной стороной деятельности КПП была последовательная забота об интересах польских трудящихся масс, верность традициям пролетарского союза. Эта партия, опирающаяся на пролетарскую идеологию, на пролетарский интернационализм, справедливо оценивала миролюбивую и дружественную политику СССР по отношению к Польше и правильно предвидела будущее своей страны. Она была убеждена, что те братские, построенные на глубоком взаимном уважении отношения, которые неуклонно предлагал советский народ, будут господствовать в советско-польских государственных отношениях после установления в Польше социалистического строя.

В условиях нелегальщины, ограничения политических свобод, усиления авторитарности режима, не дающих достаточно широких возможно-

⁵⁷ Там же, т. 27, с. 261.

стей для значительного расширения фронта классовой борьбы, авангард рабочего класса копил необходимые этому классу для руководства нацией силы, учился объединять в программных и стратегических установках конечную цель с подводящей к борьбе за нее демократической программой, правильно оценивать очередные задачи и возможных союзников и т. д. Испробовав себя в напряженных классовых боях послеоктябрьского пятилетия, польский рабочий класс приобрел неоценимый опыт борьбы, который он обогащал в последующих тяжелых классовых битвах межвоенного двадцатилетия, в суровых условиях войны и оккупации. Несмотря на героические усилия, КПП не смогла существенно расширить свое участие в политической жизни, более основательно опереться на широкие народные массы. В новых исторических условиях продолжательница дела КПП Польская рабочая партия, «реализующая классовые и национальные цели пролетариата, стала руководящей силой и главным выразителем интересов польского народа» и объединила «в своей программе борьбу за национальное освобождение с борьбой за освобождение социальное...»⁵⁸.

Освобождение польского народа, начатое в 1918 г., было завершено на следующем этапе мирового революционного процесса, с возрождением польского государства как народной Польши. Преобразовав социальный строй своей страны, польский народ создал условия для ее всестороннего развития и обеспечения благосостояния, для укрепления ее независимости и суверенности, для ее прочного международного положения в союзе с СССР и другими странами социалистического содружества.

⁵⁸ Э. Герек. Избранные статьи и речи (1971—1974 гг.). М., 1975, с. 90.

Ю. В. БРОМЛЕЙ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В СССР

Хотя основным ориентиром выделения славян служит, как известно, язык, однако было бы явным упрощением считать их просто лингвистической единицей. Славяне гораздо более сложное образование.

Наряду с языковым родством славянские народы обладают определенной общностью культуры, обусловленной общностью их происхождения и исторических судеб. При этом близость славян проявляется не столько в профессиональной, сколько в так называемой народной культуре. Сюда прежде всего относятся такие устойчивые компоненты, как традиционные ремесла, народное изобразительное искусство, устное творчество, обряды, обычаи, нормы поведения и т. п. Иначе говоря, тот слой культуры, который передается из поколения в поколение на основе устно-зрительной традиции и представляет одну из наиболее характерных черт этнических общностей всех таксономических уровней, является основной предметной зоной науки, именуемой во многих странах этнографией или этнологией (в США и Англии ей в известной мере соответствует культурно-социальная антропология). Именно поэтому этнографические данные, получаемые главным образом в ходе специальных полевых исследований, приобретают особое значение для понимания культурной общности славянских народов.

Этнографическое изучение славянских народов имеет давние традиции, восходя к первым письменным свидетельствам о славянах. Но долгое время это было лишь накопление этнографического материала. Становление в XIX в. этнографии как науки сопровождалось развитием соответствующих исследований во всех славянских странах. В каждой из них, естественно, главное внимание сосредоточивалось на изучении традиционного образа жизни собственного народа. Предпринимались и отдельные попытки дать обобщающую этнографическую характеристику славянских народов (Л. Нидерле, Д. Зеленин, К. Мошинский и др.). Однако при всей значимости каждого из таких обобщений они все же не дают этнографической характеристики славян в прошлом и настоящем. В большинстве своем они нацелены на реконструкцию образа жизни славян в древности. К тому же одни из обобщений касаются лишь части славянских народов, другие — дают лишь суммарную «сквозную» характеристику типичных черт отдельных компонентов культуры, оставляя фактически неосвещенным культурный облик каждого из славянских народов.

Поэтому особую важность приобретает дальнейшее углубленное этнографическое изучение как каждого славянского народа, так и славян в целом. Данное обстоятельство и предопределило в послевоенные годы значительное внимание советских этнографов к изучению культуры славянских народов. Это изучение ведется в Институте этнографии Акаде-

мии наук СССР, в институтах этнографии, фольклора и искусствоведения академий наук Украины и Белоруссии, в ряде высших учебных заведений и музеев. За последние десятилетия проведены широкие полевые исследования, изучены музейные собрания и архивы, созданы новые работы как об отдельных элементах культуры или отдельных славянских народах, так и обобщающие труды, посвященные крупным регионам или историко-этнографическим областям, значительную часть населения которых составляют славяне.

Важный этап изучения славянских народов ознаменован изданием серии этнографических очерков «Народы мира». В этой серии славянским народам посвящены крупные разделы томов «Народы европейской части СССР», т. I (М., 1964) и «Народы центральной и юго-восточной Европы» (М., 1965). К работе над этими разделами были приглашены также ученые из стран, в состав которых входят данные народы — ПНР, ЧССР, ГДР, НРБ, СФРЮ. В издании «Народы мира», как и в более кратких «Очерках общей этнографии» (М., 1966), каждому славянскому народу посвящен отдельный очерк, содержащий его этническую и этнокультурную характеристику.

Наряду с этим были предприняты исследования важных разделов материальной и духовной культуры одновременно для целых групп славянских народов, прежде всего восточных славян. Так, «Восточнославянский этнографический сборник» (М., 1956) посвящен русским, украинцам и белорусам. В нем рассматриваются восточнославянские сельские поселения, крестьянские жилища, прядение и ткачество, одежда и обувь — важнейшие элементы традиционной народной культуры (до начала XX в.).

Следующий серьезный шаг в изучении восточнославянских народов связан с применением метода этнографического картографирования. Этот метод, получивший распространение во многих странах Европы, был существенно улучшен введением количественных показателей и картографированием одних и тех же явлений по разным историческим периодам, что позволило наглядно показать тенденции развития народной культуры. На основе такой методики создан историко-этнографический атлас «Русские» (М., 1967). В настоящее время изданы разделы, посвященные главнейшим сферам материальной культуры русского крестьянства — сельскохозяйственным орудиям, крестьянскому жилищу и народной одежде.

Советские этнографы активно участвуют в работе международной Комиссии европейского этнографического атласа. В пробных картах, составленных для этого атласа, отражены и элементы культуры славянских народов. В настоящее время на основе методики, разработанной при составлении атласа «Русские», создаются региональные историко-этнографические атласы: «Украина, Белоруссия, Молдавия», «Прибалтика», «Кавказ», «Средняя Азия и Казахстан». Больше всего материала о славянах содержится, разумеется, в первом из названных атласов, но будет освещена также народная культура русского населения Сибири, Казахстана и других компактных славянских групп. Работа над региональными атласами ведется по согласованной программе, предусматривающей исследование материала вплоть до современного периода. В первую очередь создаются разделы, посвященные хозяйству и материальной культуре, но имеется в виду и изучение духовной культуры. В настоящее время изданы материалы к атласу Белоруссии, отчасти — Украины (белорусское народное жилье, сельскохозяйственная техника, одежда, сельскохозяйственные орудия украинцев), а также к вводной исторической части атласов (древнее жилище народов Восточной Европы). Ряд работ посвящен материальной культуре русского населения Сибири.

Среди проблем, разрабатываемых советскими этнографами в области славистики, следует назвать также сельское расселение, сельские и городские поселения восточных славян. Изучение этой проблемы ведется в историко-этнографическом плане. Опираясь на письменные, картографические и археологические источники, исследователи издали уже ряд работ, посвященных, в частности, заселению севера Европейской части СССР, Сибири, классификации сельских и городских поселений восточных славян. Если изучение сельских поселений для русской этнографической науки традиционно, то этнографическое изучение городов является новой темой, которой прежде этнографы почти не занимались. Возникновение этой проблемы обусловлено не только развитием процессов урбанизации в наше время, но и изменением отношения к роли городского населения в создании традиционной народной культуры. Исследования показали, что в области как духовной, так и материальной культуры народа вклад горожан был велик и в недавнем и в далеком прошлом. Объектом изучения является городской быт в прошлом и настоящем, различные его аспекты. Опубликованы монографии, посвященные одному городу (уральскому промышленному центру — Нижнему Тагилу), группе средних и малых городов центра Европейской части РСФСР (Калужская и Тульская области). В печати находится обобщающая работа по этнографии русского феодального города.

С городской темой связана и проблема этнографического изучения рабочих. Русским, украинским и белорусским рабочим, их производственному, общественному и семейному быту, материальной и духовной культуре посвящен целый ряд книг и статей.

В области народной духовной культуры нужно отметить изучение сельской и городской семьи, семейной обрядности (в частности — свадебного обряда) в прошлом и настоящем, аграрных обрядов и праздников, разных явлений общественного быта, художественных ремесел, народного орнамента. Из последних работ можно назвать сборник «Русский свадебный обряд. Исследования и материалы» (Л., 1978) и находящееся в печати исследование по русской народной вышивке.

Широко разрабатываются также проблемы славянской фольклористики. Проведены текстологические исследования и научные публикации былили, сказок, преданий и др. Появился целый ряд важных теоретических работ по славянскому фольклору.

Наряду с изучением восточных славян советскими этнографами уделялось внимание исследованию культуры западных и южных славян. Это исследование в значительной мере велось в связи с разработкой этнографических проблем всей зарубежной Европы. Имеются в виду обобщающие работы по отдельным отраслям материальной и духовной культуры европейских народов. Это прежде всего сборник «Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы» (М., 1968), состоящий из написанных по единому плану статей, посвященных отдельным народам. Сравнительный анализ материалов этих статей послужил основой для общей классификации традиционного народного жилища зарубежной Европы, сделанной в заключении сборника. В качестве основного критерия классификации была взята планировка жилища, наиболее полно отражающая специфику его развития. Карта ареалов выделенных типов жилищ не совпадает с этническими границами народов. Исключение представляет собой тип жилища, условно названный восточным среднеевропейским, распространенный преимущественно у западных славян и генетически близкий к восточнославянскому типу народного жилища. Однако черты того же типа встречаются далеко за пределами теперешнего распространения славянских языков. Народное жилище — сложный культурно-бытовой комплекс,

сходство природной среды, хозяйственного уклада — могло иметь решающее значение при формировании этого типа. Южные славяне, как еще раз показала эта работа, по типу жилища не отличаются от других балканских народов.

Аналогичным синтетическим трудом из области духовной культуры является подготовляемое Институтом этнографии АН СССР издание в четырех томах: «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы». Первые два тома уже опубликованы: т. I — «Зимние праздники» (М., 1973), т. II — «Весенние праздники» (М., 1977); т. III — «Летне-осенние праздники» находится в печати.

В заключительном IV томе будет подробно обобщен материал трех предыдущих томов. Будут подготовлены и карты границ распространения отдельных элементов разных циклов календарных обрядов у западноевропейских народов, в том числе у западных и южных славян.

Наряду с советскими специалистами значительное внимание этнографическому изучению славян уделяют ученые из других европейских социалистических стран, прежде всего славянских (Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии). Некоторые итоги этой работы недавно подведены в специальной обобщающей работе «Этнография в странах социализма» (М., 1975).

Несколько особое место в изучении славянских народов занимают исследования в рамках Международной комиссии по изучению культуры населения Карпато-Балканского региона (МКККБ). Этот регион представляет собой не только единую хозяйственно-культурную зону, но и историко-этнографическую область, поэтому не только в сфере культурно-хозяйственной, но и во многих других компонентах культуры ее населения существует много общего. Карпато-Балканская историко-этнографическая область полиэтнична: наряду с другими народами в нее входят и славяне.

Изучение быта и культуры карпато-балканских горцев во всех странах — участницах МКККБ (ЧССР, ПНР, СССР, ВНР, НРБ, СФРЮ) ведется по единой согласованной программе. Карпатоведческие работы охватывают широкий круг проблем, решение которых требует не только совместных усилий ученых разных стран, но и привлечения данных различных научных дисциплин. Центром координации карпатоведческих работ в пределах Советского Союза является Институт этнографии. Было опубликовано два выпуска «Карпатского сборника» (1972 и 1976 гг.), серии трудов МККК «*Ethnographia carpatica*». В их подготовке принимали участие сотрудники разных научных учреждений Москвы, Ленинграда, Ужгорода, Львова, Черновиц, Кишинева, а также зарубежные ученые. В статьях сборников освещаются различные аспекты народной культуры региона как материальной, так и духовной.

Готовится к печати третий выпуск «Карпатского сборника». Он будет тематическим — это сравнительный анализ и обобщение собранного в разных странах материала по гайдудькому фольклору. К работе над сборником привлечены и зарубежные ученые. Советские этнографы в свою очередь принимают участие в подготовке второго обобщающего труда того же типа — сборника по карпато-балканскому жилищу, который будет издан в серии «*Ethnographia carpatobalcanica*» в ЧССР.

Опыт изучения отдельных элементов культуры славянских народов в европейском контексте раскрывает их тесную культурную общность с другими народами Европы и вместе с тем позволяет лучше уяснить характерные черты культурной общности славян.

В целом исследования этнографии славянских народов за последние десятилетия несомненно серьезно продвинулись посредством не только

монографического изучения отдельных народов или групп народов, но и сравнительного исследования важных разделов материальной и духовной культуры. Это обстоятельство открывает возможность для создания фундаментального обобщающего труда по этнографии славян. Инициаторами подготовки такого труда выступили польские этнографы. Их инициатива была поддержана этнографическими учреждениями всех славянских стран и ГДР. Было признано целесообразным подготовить «Этнографию славян» в трех томах (по 40 — 50 авторских листов каждый). Первый том посвящается восточным славянам (готовят этнографы СССР), второй — западным (готовят этнографы ПНР, ЧССР, ГДР), третий — южным славянам (готовят этнографы НРБ и СФРЮ).

Большое внимание в издании предполагается уделить характеристике славянских народов в целом. В частности в специальных главах первого тома будут рассмотрены проблемы происхождения славянских народов в свете новейших данных, их современного расселения, а также истории этнографического изучения славян. Вместе с тем в каждом томе значительное место займет обобщенная этнографическая характеристика соответствующей этнолингвистической группы славянских народов. Намечается и обобщающее заключение об общих и специфических чертах в этническом облике всех славянских народов. В трехтомнике будут показаны также взаимосвязи славянских народов на всем протяжении их исторического развития, контакты славян с неславянскими народами Европы и Азии, раскрыта роль народных традиций славян в развитии европейской и мировой культуры.

Придавая большое значение целостному подходу к славянам как единой этнической общности, редколлегия издания считает важнейшей своей задачей всесторонний показ типичных этнических черт каждого славянского народа. В главах, посвященных отдельным славянским народам, будет обстоятельно рассмотрена этническая история каждого из них с древнейших времен до наших дней. Здесь же будут охарактеризованы основные традиционные занятия (земледелие, животноводство, собирательство, охота, рыболовство, домашние промыслы и ремесла и т. д.), а также хозяйственные изменения в ходе социалистических преобразований. Особое внимание уделяется развитию основных типов поселений и жилища в связи со спецификой географических условий, хозяйственной деятельности, исторических судеб и этнокультурных связей каждого народа. Будут представлены также важнейшие комплекты народной одежды во второй половине XIX — начале XX в., их разновидности, дальнейшие судьбы традиционного костюма; в этом же плане характеризуется традиционная народная пища и кулинария. Специальные разделы посвящаются традиционным социальным институтам (общине, большой семье и т. п.), обычному праву, общественному и семейному быту, обычаям, обрядам и праздникам. Намечается осветить и такие вопросы, как жанровый состав фольклора и его динамика, историческая многослойность народного творчества, сохранение его традиций в современности. Отдельные разделы каждого тома проанализируют этнические и культурно-бытовые изменения в процессе строительства социализма в СССР, Польше, Чехословакии, ГДР, Болгарии и Югославии.

Издание ориентировано на широкий круг работников науки и культуры, преподавателей и студентов высших учебных заведений, учителей и всех читателей, интересующихся славянскими народами, их культурой, традициями и современными этническими и культурно-бытовыми процессами. Совершенно очевидно, что для достижения этих целей необходима публикация трехтомника не только на славянских, но и на западноевропейских языках.

З. ИСАЕВА

РАЗВИТИЕ ДРАМАТУРГИИ ЮГОСЛАВИИ В ПЕРИОД НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ (1941—1945)

Драматургия периода народно-освободительной борьбы и революции в Югославии — одно из интереснейших явлений в истории развития югославской культуры. Прошло более 30 лет, но лучшие пьесы, созданные в военные годы, вновь и вновь оживают на сценах театров страны¹.

Однако, к сожалению, научной литературы по проблемам драматургии этого периода относительно мало. Это в основном рецензии на спектакли военных и послевоенных лет; статьи, приуроченные главным образом к знаменательным в истории Югославии датам и освещающие те или иные стороны деятельности театров в период 1941—1945 гг.²; заметки мемуарного характера, воспоминания актеров, режиссеров — участников народно-освободительной борьбы (Века Африча, Браслава Борозана, Йожа Рутича, Ивана Ермана и др.). Работ обобщающего характера, в которых бы анализировались драматургические поиски военных лет, пока нет.

Наиболее детально вопросами развития литературы и драматургии военного времени занимаются словенские ученые. Так, отдельный том истории словенской литературы посвящен периоду народно-освободительной борьбы.³ В 1967 г. вышел из печати сборник наиболее характерных и представляющих художественную ценность пьес, поставленных в 1941—1945 гг.⁴ Составитель, профессор словенского Института рабочего движения Фердо Фишер впервые собрал воедино бесценный для истории югославской литературы материал. Книгу заключает его статья, в которой анализируется репертуар партизанской сцены, приводятся неизвестные ранее подробности деятельности театров на территории Югославии.

С начала 70-х годов возрастает интерес хорватских ученых к искусству этого периода. В 1974 г. в Загребе проходила конференция по вопро-

¹ Пример тому — сценическая история пьесы Матея Бора «Оборванцы», поставленной в 1944 г. Словенским национальным театром (СНТ) на освобожденной территории. 19 мая 1945 г. состоялась премьера «Оборванцев» в освобожденной Любляне. С тех пор пьеса не сходила с югославской сцены. Назовем лишь отдельные моменты ее сценической истории: в сезоне 1958/59 гг. — в репертуаре театров Задра и Сомбора; сезон 1960/61 гг. — на театральной афише Пула; в 1973 г., когда отмечалось 30-летие партизанской сцены в Югославии, «Оборванцами» Матея Бора открылся в Мариборе фестиваль словенских театров, посвященный юбилейной дате.

² Так, в 1971 г. номер журнала «Pozorište», Tuzla (№ 5—6), а в 1973 — «Scena», Novi Sad (№ 6), были посвящены участию театров в народно-освободительной борьбе.

³ V. S m o l e j. Zgodovina slovenskega slovstva. VII. Slovstvo v letih vojne. 1941—1945. Ljubljana, 1971.

⁴ «Težka ura». Izbor partizanskih iger. Ljubljana, 1967.

сам развития культуры и искусства Хорватии в период антифашистской народно-освободительной борьбы. Позднее вышел из печати сборник, содержащий материалы этой конференции ⁵, однако среди включенных в него работ известных югославских литературоведов и искусствоведов нет исследований, в которых непосредственно рассматривались бы особенности развития драматургии.

Большая работа проведена театроведом из Загреба Майей Хрибар-Ожегович, которая в результате своих многочисленных поездок по местам деятельности партизанских театров в Хорватии и изучения архивов собрала материал, освещающий репертуар театральных коллективов. За последние годы ею опубликован ряд статей, а в 1975 г. в Хорватии выпущен сборник, состоящий из 18 малоизвестных в настоящее время произведений драматургии, каждое из которых снабжено комментариями М. Хрибар-Ожегович ⁶. В сборнике приводятся данные об авторстве произведений и их сценической истории.

Нельзя не отметить интерес советских ученых к изучению югославской драматургии периода народно-освободительной борьбы. В 1971 г. Н. М. Вагапова откликнулась на выпущенный Ф. Фишером сборник пространной рецензией, где были намечены основные вехи развития драматургии и театральной жизни Югославии в 1941—1945 гг. ⁷.

Заслуживает внимания опубликованная М. Л. Бершадской обширная статья, посвященная деятельности и драматургическому репертуару театральных коллективов Словении этого периода и содержащая большой фактографический материал ⁸.

Наиболее сложным моментом в изучении югославской драматургии 1941—1945 гг. является вопрос о правомерности и необходимости выделения этого пятилетия в особый период развития литературы и драматургии, а также о его роли в истории югославских литератур. По этому вопросу существуют различные мнения. Нам представляется возможным рассматривать ход развития драматургического жанра в республиках Югославии в единстве, принимая во внимание общность общественно-политических условий и наличие родственных черт в национальных литературах.

Большинство литературоведов (как югославских, так и советских), несмотря на различие принципов периодизации, которыми они пользуются (ими учитывается историческая обстановка, возникновение и исчезновение литературных направлений и течений, появление новых поколений писателей), а порой и совсем избегая вопроса периодизации, — выделяют литературу 1941—1945 гг. в особый период, имея в виду роль, которую она сыграла в те важнейшие для Югославии годы ⁹. «Литература и драматургия НОБ» — таково общепринятое название периода. Против этой точки зрения категорически возражает словенский исследователь Ф. Задравец. Он подробно характеризует развитие литературы Югославии (на примере словенской) в 30—40-е годы как единый литературный

⁵ «Kultura i umjetnost u NOB-u i socijalističkoj revoluciji u Hrvatskoj». Zagreb, 1975.

⁶ «Partizanska pozornica». Zagreb, 1975 (издано в ротационном варианте). Термин «партизанский театр» в югославское театроведение введен М. Хрибар-Ожегович, однако большинство театроведов предпочитает традиционное название «театр НОБ».

⁷ Н. М. Ва г а п о в а. «В трудный час». Сборник партизанских песен. «Современная художественная литература за рубежом», 1971, № 1, с. 133—135.

⁸ М. Л. Б е р ш а д с к а я. Драматургия и театр словенского антифашистского Сопrotивления (1941—1945). Вестн. Ленинградского ун-та, 1975, вып. 4, № 20, с. 62—68.

⁹ К таким ученым относятся: В. Смолей (см. сноску 3), В. Маджаревич, П. Матвеевич, З. Кнезович (Ип: «Kultura i umjetnost u NOB-u i socijalističkoj revoluciji u Hrvatskoj», а также «Umjetnost riječi», Zagreb, 1967, № 3).

процесс, подчеркивая, что «выделить 1941—1945 гг. в отдельный период — значит прервать этот естественный процесс»¹⁰. Точка зрения Ф. Задравца нам кажется ошибочной. Ведь наличие нового этапа отнюдь не означает полного разрыва с предшествующим. Правда, литературовед пишет, что в период народно-освободительной борьбы получают дальнейшее развитие тенденции, сформировавшиеся в направлении «социальной литературы». Но необходимо отметить: это развитие происходило в совершенно иных общественных условиях, что накладывало отпечаток на состояние всей культуры данного времени.

Хорватский литературовед М. Франичевич, разделяя литературу на периоды соответственно появлению новых поколений, также не выделяет 1941—1945 гг. Но он называет тех, кто родился в 1915—1920 гг. поколением 40-х годов, которое активизировалось в литературе после 1940 г. и «дало, в основном, все то, что носит наименование „литература НОБ“»¹¹.

Границей большого этапа в югославских литературах, куда органически включается рассматриваемое пятилетие, ученые Югославии считают конец 40-х — начало 50-х годов.

Точка зрения советских литературоведов-югославинов по вопросу периодизации югославских литератур XX в. (в данном случае хорватской) наиболее полно сформулирована Г. Я. Ильиной в статье, опубликованной в журнале «Уметност риечи». Указывая на подвижность границ в литературе нашего столетия, автор подчеркивает, что при попытке всякой периодизации прежде всего необходимо найти связь литературных явлений с общественными событиями, которые их определяют, и на основе этого показать закономерность литературных процессов рассматриваемой эпохи¹².

Исходя из этого советские югославы считают 1945 год — год победы над мировым фашизмом и провозглашения Югославии Федеративной Народной Республикой — началом нового этапа в развитии югославских литератур, как и литератур других европейских народов.

Присоединяясь к этому мнению, хочется подчеркнуть, что именно в ответственный исторический период 1941—1945 гг. в русле народно-освободительной борьбы начинала развиваться новая литература. Она была тесно связана с ее революционным духом. Нам кажется уместным напомнить, что многие югославские писатели и театральные деятели принимали непосредственное участие в борьбе за национальное и социальное освобождение родины.

Драматургия этого периода занимает особое положение в югославской культуре. Произведения тогда создавались специально для театров и впервые увидели свет не в печати, а на подмостках, и часто публикации предшествовала долгая сценическая история.

По общему мнению югославских театроведов, 1941—1945 годы стали периодом зарождения нового, демократического, общедоступного театра, творческая работа которого широко развернулась после 1945 г.¹³

В годы народно-освободительной борьбы и революции значительно ярче и полнее, чем в предыдущие десятилетия, проявилась общественная

¹⁰ См. подробнее: F. Z a d r a v e c. Slovtvo u času NOB kot periodizacijsko vprašanje. «Jezik in slovstvo», Ljubljana, 1971/72, № 5, s. 133—139.

¹¹ M. F r a n i č e v i ć. Problem periodizacije naše suvremene književnosti. In: Panorama hrvatske književnosti XX stoljeća. Zagreb, 1965, s. 30.

¹² G. I l j i n a. Periodizacija hrvatske književnosti XX stoljeća. «Umjetnost riječi», Zagreb, 1967, № 3, s. 232.

¹³ См. об этом подробнее: N. B a t u š i ć. Hrvatska književna kritika (Dramska). Zagreb, 1974; F. F i š ě r. Sprema beseda. In: Težka ura. Izbor partizanskih iger, s. 159—172; M. H r i b a r - O ž e g o v i ć. Obilježja partizanskog kazališta u jedinicama

функция театрального искусства. Однако следует подчеркнуть, что взлет, невиданная ранее активность деятелей культуры подготовлены предшествующим периодом истории страны. Так, в межвоенные годы деятельность театров была тесно связана с революционным авангардом, прогрессивно настроенной группой писателей, а Хорватский национальный театр в Загребе именно тогда стал «трибуной передовых общественных идей»¹⁴.

В предвоенные годы появилось множество основанных профсоюзами студий и рабочих кружков, к руководству которыми привлекались профессионалы. Крупнейшим из подобных коллективов была Пролетарская сцена, существовавшая в Любляне в 1928—1935 гг.¹⁵

Таким образом, рождению нового театра НОБ способствовало развитие межвоенного югославского искусства, левая политическая ориентация большинства деятелей культуры в 30-е годы.

Возникший в 1941 г. театр за короткий срок стал боевым отрядом, объединившим прогрессивные силы всех областей Югославии, осознавшие подлинный смысл революционной борьбы. «Наша борьба была борьбой духа, борьбой мысли, борьбой высоких идей за освобождение и социальное переустройство общества», — писал один из организаторов Словенского национального театра на освобожденной территории, актер и режиссер Иван Ерман¹⁶. Театральные группы («дружины») стали выражением внутренней потребности участвовавших в освободительном движении народных масс видеть на сцене картины беспощадной борьбы, вновь пережить свои неудачи и победы. Интернациональные по составу (сербы, хорваты, словенцы, черногорцы, македонцы и представители других национальностей), действовавшие на территории страны в военные годы коллективы стали центрами культурной жизни как в соединениях народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), так и на освобожденной от фашистов территории. По предварительным подсчетам театроведов, в Югославии в 1941—1945 гг. функционировало около тысячи коллективов, включая любительские и полупрофессиональные.¹⁷ Театры НОБ прекращали работу в первой половине 1945 г. по мере освобождения страны от оккупантов. Группы были распущены, участники разъехались по республикам, чтобы создавать новые театральные коллективы в различных уголках Югославии.

Таким образом, в 1945 г. завершился период, который является своеобразным предисловием к возрождению театральной жизни после национального и социального освобождения югославских народов, к возобновлению работы театров, но уже на качественно новой основе: на демократических началах, с новым репертуаром, рассчитанным на массового зрителя и опробованным на партизанской сцене.

Деятельность театров НОБ многогранна. Поэтому югославские театроведы пытаются разбить этот пятилетний период на определенные этапы. Так, В. Африч в своей периодизации использует ряд критериев, среди которых — формирование стиля, выработка репертуара, но основным критерием служит обстановка на фронтах. В зависимости от нее выде-

NOV u Hrvatskoj. In: Kultura i umjetnost u NOB-u i socijalističkoj revoluciji u Hrvatskoj, s. 277—282.

¹⁴ V. A f r i ć. Kazalište narodnog oslobođenja Jugoslavije. «Pozorišni život», Beograd, 1961, № 16, s. 2.

¹⁵ Н. В а г а п о в а. Пролетарская сцена Словении. «Театр», 1970, № 2, с. 156—163.

¹⁶ I. J e r m a n. Slovenski dramski igralci med drugo svetovno vojno. Ljubljana, 1968, s. 99.

¹⁷ М. Х р и б а р - О ж е г о в и ћ. Нушић у театру НОРа. В кн. Бранислав Нушић (1864—1964). Зборник. Београд, 1965, с. 282—288.

ляется шесть хронологически точно обозначенных подпериодов вынужденного «безделья» или повышенной активности Театра народного освобождения, художественным руководителем которого был Африч¹⁸. Учитывается к тому же местонахождение коллектива, численность труппы, ее оснащенность реквизитом. Предложенная Афричем дробная периодизация кажется нам несколько усложненной. Вполне объяснимо, что с приближением победы над мировым фашизмом, освобождения родины, с успехами НОАЮ росла численность «дружин», приобретался опыт «военного» турне, крепла связь с публикой.

На наш взгляд, перед исследователями стоит задача выделить моменты зарождения и становления качественно нового театра, формирование стиля и творческих принципов, выработку нового репертуара. Возможно, не всегда имеет значение фиксирование точных дат выступлений различных коллективов, гораздо важнее попытаться выделить то общее, что позволяет объединить деятельность тысячи театральных «дружин» названием «театр НОБ» и считать ее периодом зарождения нового театра.

Театральное искусство военных лет, как уже отмечалось, было подчинено конечным целям борьбы, требованиям югославской революции. Культура и искусство стали оружием в борьбе, составной частью революционной деятельности. «Партизанская сцена превратила лозунги революции в слово, жест, пантомиму»¹⁹. С самого начала перед энтузиастами стояла задача создать свободный независимый театр, перенести на сцену поиски и эксперименты предвоенных драматических студий. Театральный стиль формировался исходя из условий партизанской жизни. «Требования были новые, пути — неизвестные, а средства — те, которые позволяла обстановка», — пишет член труппы ТНО, актер и режиссер Браслав Борозан. И далее отмечает, что «это был экспериментальный художественный стиль»²⁰.

Рождающийся театр был народным по духу, по форме и работал для широкого зрителя, причем состав своеобразного зрительного зала различен по возрасту и социальному происхождению. Театральные «дружинки», широко пользуясь средствами импровизации, играли спектакль «здесь и сейчас», имея в виду положение на фронтах и настроение зрительской аудитории определенного района. Часто сами тексты мало были похожи на драматургические произведения и выглядели как условный сценарий, предоставляя широкие возможности для импровизационной игры. Б. Борозан указывает на некоторое сходство выработанного театром НОБ стиля с итальянской «комедией дель арте»: игра на заданные темы, постоянно переходящие образы, в данном случае — партизаны, их командир, отец или мать; два брата — в разных лагерях борьбы, враги.

Новый театр рождался, а нового репертуара — актуального, высокохудожественного, проникнутого духом революционной романтики, способного мобилизовать зрителя — не было. Тогда режиссеры обратились к классическому наследию, поставили задачей переосмысление, адаптацию в соответствии с историческим моментом лучших образцов национальной и зарубежной классики; показали зрителям драматургию, которая была запрещена к постановке в королевской Югославии.

«Центральная театральная дружина» поставила «Слугу Ернея» И. Цанкара; одна из первых постановок СНТ на освобожденной территории —

¹⁸ См. подробнее: V. Afrić. Sećanje na Kazalište narodnog oslobođenja. In: Hrvatsko narodno kazalište. Zbornik o stogodišnjici. 1860—1960. Zagreb, 1960.

¹⁹ Ibid., s. 114.

²⁰ B. B o r o z a n. Kulturno-umjetnička ekipa VI operative zone za Dalmaciju, juli 1942 — juni 1943. In: Kultura i umjetnost u NOB-u i socijalističkoj revoluciji u Hrvatskoj, s. 332.

«Король Бетайновы» — того же автора. Однако чаще всего и с наибольшим успехом шли на сценах ведущих театров НОБ произведения Бранислава Нушича. Почти все его политические комедии увидели свет рампы в 1941—1945 гг. Из зарубежной классики наибольшую популярность приобрела комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» (в постановке ТНО), а пьеса «Медведь» А. П. Чехова выдержала 12 представлений на сцене СНТ на освобожденной территории, там же поставлена его «Свадьба» и «Мнимый больной» Ж. Мольера, а «Центральная театральная дружина» обратилась к «Скупому».

Общеизвестностью произведений мировой и национальной драматургии, типичностью персонажей можно прежде всего объяснить повышенный интерес к ним публики в военные годы. Режиссеры сознательно выделяли критические стороны многих произведений, выбирали те из них, которые были направлены против сил зла и тирании. М. Хрибар-Ожегович вполне убедительно объясняет интерес публики периода НОБ к политическим комедиям Б. Нушича: драматург, современник зрителей, «затрагивает злободневные для времени правления антинародного правительства в Югославии проблемы»²¹, которые подчеркивались постановщиками. Это — бюрократизация различных форм власти, фальшивая демократия парламентских выборов, протекционизм, продажность государственного аппарата, бесчеловечность буржуазной морали. Включение в репертуар театров НОБ классики способствовало усвоению традиций мирового классического театрального искусства, без чего было бы невозможным полнокровное существование нового югославского театра.

Специфические условия деятельности театральных трупп, политическая обстановка требовали разработки новых жанров. Сначала коллективы выступали со сборными программами-концертами. Они включали музыкально-поэтические композиции, состоящие из текстов для групп хоровой декламации — «партизанских репортажей» — так их называли в годы войны. Этот жанр напоминал «агитку», распространенную в Советской России после Великой Октябрьской социалистической революции. В «репортажах» освещались наиболее актуальные политические события, для них характерна агитационность, боевой дух. В архивных документах сохранились некоторые названия «репортажей»: «Уже приближается конец войны», «Печатание листовки в отделе пропаганды», «Наш поход», «Немцы говорят», «Голоса из могил» (автором двух последних считают В. Зупана), «Так нас учили» (автор — Й. Бон). Авторы большинства текстов — литераторы, активно сотрудничавшие в 30-е годы с рабочей сценой. Наиболее часто встречаются имена Б. Крефта, Т. Чуфара, Й. Мошкрича, Р. Голоуха, Й. Бона. Но многие фамилии, особенно авторов-непрофессионалов, остались неизвестными.

Некоторые драматурги, как, например, художественный руководитель Фронтального театра Звонимир Синтич, были знакомы со средствами сценической выразительности (пантомимой, ритмом, освещением сцены, музыкальным сопровождением). Составленная им поэтическая композиция из произведений О. Жупанчица и поэтов-партизан под названием «Три года войны» исполнялась театральным коллективом при штабе XV дивизии НОАЮ и стала неотъемлемой частью программы всех митингов, проводимых в дивизии. В сборнике партизанских пьес «В трудный час» публикуется один из «репортажей» З. Синтича — «Наш поход»²². В тексте освещаются первые этапы истории освободительного движения в Югославии,

²¹ М. Х р и б а р - О ж е г о в и ч. Там же, с. 282.

²² Z. S i n t i č. Naš pohod. In: Težka ura, s. 109—120.

содержится призыв к братству, единству сербов, хорватов, словенцев, к сплочению всех народов в борьбе за освобождение родины.

Другим распространенным жанром стали одночастные скетчи, написанные в драматургической форме сценки на актуальные темы. Особенностью названного жанра была гибкость, подвижность сюжета, узнаваемость персонажей и ситуаций. Часто типажность использовалась в юмористических целях — тогда многие персонажи воспринимались как комические. Нередко успех таких скетчей зависел от импровизационного таланта актеров, их способности уловить малейшие перемены в политической обстановке, настроение публики. Авторы этих сенок — деятели культуры, участники НОБ, пропагандисты при штабах подразделений НОАЮ. Перу Й. Бона принадлежат скетчи «Зов родины», «Из алой крови»; Ф. Врег-Миле «Морали не хватило»; М. Бора «Домобраны». В составленный М. Хрибар-Ожегович сборник вошли и скетчи, авторы которых остались неизвестны. Это «Старая власть», «Непослушный домобран», «Карловац-Огулин», «Усташ-забияка», «Два лгуна», «И они борются».

Наиболее характерное из сохранившихся произведений данного жанра — «Четыре брата» М. Козины²³, где заглавные персонажи оказываются в разных лагерях борьбы — у партизан и домобранцев²⁴.

Нередко при разработке короткого жанра воскрешались традиции устного народного творчества, появлялись герои песенного фольклора. Так, например, «Кашей бессмертный»²⁵ — переработка народной сказки неизвестным автором. В конце действия Кашея побеждает традиционный персонаж южнославянского героического эпоса — юнак²⁶ — с символическим именем Слободан и добрая вила Красиня. Средствами аллегории здесь рассказывается о борьбе молодежи против оккупантов. Использование фольклора помогало неискушенному крестьянскому зрителю разобраться в происходящих вокруг, подчас довольно сложных, событиях.

Таким образом, в коротких скетчах рождалась новая, столь необходимая партизанской сцене, драматургия.

Вслед за скетчами появились выросшие из них одноактные пьесы, как правило, принадлежащие перу драматургов-профессионалов. Это были пьесы с оригинальным законченным сюжетом, включавшие два-три явления. В архивах упоминаются некоторые произведения этого жанра: «Девять картофелин» М. Божича, «Пробужденные силы» М. Вуйновича, «Партизаны идут» Х. Кикича (вошли в репертуар ТНО); «Конец ожиданию» Й. Грегорина, «Бабушка» и «Змеи в ловушке» И. Чача, «Приближается Красная Армия» С. Флега. «Предатель» Я. Салари представила «Центральная театральная дружина», пьесу «Габрениа» М. Ярца готовил к постановке Агиттеатр; «Преступление на новгородской площади» Й. Бона, «Еленов жлеб», «Бунт», «Аки», «Отставшие часы» В. Зупана показал СНТ на освобожденной территории.

Одним из первых и впоследствии самых популярных произведений короткого жанра стала одноактная пьеса М. Клопчича «Мать»²⁷, выдержавшая за три года 200 спектаклей на хорватской, словенской, сербской театральных сценах. Премьера состоялась 4 октября 1943 г. в Кочевье. Место и время действия пьесы, в отличие от скетчей, точно обозначено — 1943 год, Нижняя Крайна, что придает действию необходимое для того времени

²³ М. К о з и н а. *Štirje bratje*. In: *Težka ura*, s. 131—138.

²⁴ Домобраны — в 1941—1945 гг. солдаты воинских подразделений профашистских правительств в Хорватии и Словении.

²⁵ Н г у с т а џ. In: *Težka ura*, s. 145—158.

²⁶ Юнак (junak) — богатырь.

²⁷ М. К л о п њ и џ. *Mati*. In: *Težka ura*, s. 5—22.

правдоподобие. Сюжет довольно распространен в европейской литературе XX в. Он встречается у Б. Брехта, К. Чапека. Крестьянка, мать, старший сын которой, Франце, против ее воли ушел к партизанам, запрещает младшему сыну Петру последовать за братом. Однако после того как фашисты расстреливают раненного в бою Франца, мать вручает винтовку убитого Петру, благословляя его на борьбу.

Действие этого небольшого произведения развивается драматично. Образ матери не статичен, он дан в эволюции, хотя можно говорить лишь о зачатках психологического анализа. В женщине борются материнское чувство и чувство долга перед народом — в результате побеждает последняя. Нам кажется верным замечание М. Л. Бершадской о том, что «справедливо говорить не о влиянии на Клопчича Брехта или Чапека, а о типологии антифашистского искусства, в котором образ матери — «защитницы жизни» обретает высокий героический пафос, превращается в символ Матери-Родины»²⁸.

Автор одноактной пьесы «Господин Лис» (1944)²⁹, Матей Бор, использовал прием переодевания: партизаны, переодетые в фашистскую форму, разоблачают предателя — торговца господина Лиса, стремящегося услужить одновременно и партизанам и домобранам. Произведение написано в сатирическом ключе, особенно удачным представляется образ главного героя. Большое место в пьесе отведено многочисленным монологам Лиса, разоблачающим психологию предателя, и его диалогам (фольклорного характера), с постоянно молчащей женой, которая на протяжении двух явлений произносит всего несколько реплик: «Я здесь», «Да, иду», «Что?». К сожалению, сведений о постановках пьесы на партизанской сцене пока не найдено.

Перу М. Божича принадлежит одноактная пьеса «Девять картофелин» (1943)³⁰, которую драматург посвятил безымянному связному — тринадцатилетнему мальчику. Действие пьесы происходит в один из весенних дней 1942 г. Партизанский отряд пришел в ранее занятое гитлеровцами хорватское село, население которого косо смотрит на незваных гостей, а у партизан кончились запасы продовольствия. В 20 картинах пьесы рассказывается о том, как сумел командир убедить подчиненных не брать чужого и как удалось ему силой своего убеждения заставить жителей поверить в то, за что борются партизаны. Символически закончена пьеса, когда крестьяне и партизаны обнявшись расходятся с митинга. Это драматургическое произведение привлекало внимание прежде всего важностью и злободневностью поставленных в нем проблем.

Нелегким было рождение новой отечественной драматургии. От скетча к одноактной пьесе, от одноактной пьесы к многоактной — таковы его этапы. Часто сочинения неоднократно перерабатывались. Авторы, будучи участниками народно-освободительной борьбы, находясь в непосредственной близости к аудитории, воочию видели свои недочеты, наиболее ясно проступавшие при постановке. Было написано много слабых, профессионально незрелых произведений. В драмах нередко использовались незамысловатые сюжеты, упрощенная композиция, присутствовал схематизм образов: четкое деление персонажей на положительных и отрицательных, наделение героев пьес одной ведущей положительной (обычно партизаны) или отрицательной (враги, предатели) чертой. Тем не менее начинания тех лет крайне важны, ибо именно тогда закладывались основы послевоенной драматургии.

²⁸ М. Л. Бершадская. Драматургия и театр словенского антифашистского Сопротивления (1941—1945). Вестн. Ленинградского ун-та, 1975, вып. 4, № 20, с. 65.

²⁹ М. В о г. *Gospod Lisjak*. In: *Težka ura*, s. 121—130.

³⁰ М. В о ž и ć. *Devet gomolja*. In: М. В о ž и ć. *Drame*. Zagreb, 1970, s. 5—42.

Для лучших образцов этого переходного периода были характерны высокое чувство гражданственности, дух боевой революционности. Авторы разрабатывали такие темы, как любовь к жизни, свобода и истинный патриотизм, ненависть к оккупантам, наказание предателей, память о жертвах фашизма, осознание каждым гражданином своей ответственности.

В наиболее ценных произведениях той поры проявилась реалистическая тенденция, которая переплеталась с романтической, с элементами фольклорного характера. Злободневность пьес сочеталась с глубиной поставленных проблем, импровизационность — с реалистической конкретностью, драматургической целостностью и психологической убедительностью образов. Постепенно формировался новый жанр — социально-реалистическая драма с элементами психологического анализа. Однако можно говорить скорее о социально мотивированной, чем об индивидуализированной психологии.

Поиски жанра ощутимы как у авторов одноактных пьес, так и у таких драматургов, как Ш. Шиманович (пьеса «Победа не мрамор», поставленная в 1944 г. в освобожденном Сплите) и М. Стоянович (пьеса в трех актах «Цена крови»).

Большая заслуга в разработке жанра принадлежит М. Бору, с произведениями которого связана деятельность театров НОБ в течение всего периода их существования вплоть до 1945 г. Литературно-драматургическая программа М. Бора (в довоенные годы — поэта, критика, театроведа) сформулирована им в заметках и теоретических статьях 30-х годов.

Пьеса Бора «В трудный час»³¹ была написана в 1942 г. для Агиттеатра, позже переработана и поставлена в 1944 г. сначала в СНТ на освобожденной территории (преьера состоялась 13 июля 1944 г. в Черномле), затем обошла сцены большинства ведущих коллективов. Действие происходит весной 1942 г., в первые месяцы нелегальной борьбы в Любляне. В основе сюжета пьесы — убийство одного гестаповского шпиона, подготовленное группой люблянкой молодежи. В центре внимания драматурга — семья доктора Ериши, на примере которой он стремится проанализировать отношение словенской интеллигенции к Освободительному фронту. Конфликт в данном случае строится на противопоставлении двух персонажей, братьев Матьяжа и Саши, представителей «одного лагеря» — словенцев. Младший сын доктора Ериши — студент, материалист, решительный, смелый, сознающий необходимость активного участия в нелегальной борьбе и уверенный в победе. Он говорит родным: «Я делаю то, что должен делать сейчас каждый порядочный человек»³². Антипод Матьяжа в пьесе — его старший брат Саша, по специальности преподаватель истории в гимназии. Молодой человек увлечен идеалистической философией и пассивно наблюдает за происходящими вокруг событиями, его основное занятие — чтение (в частности, сочинений Шопенгауэра) и словесные столкновения с братом. Именно в этих диалогах-спорах двух братьев, а позже и их отца, своеобразных дискуссиях по вопросу об отношении к освободительной борьбе — центр тяжести пьесы.

Можно предположить, что доктор Ериша задуман автором как главное действующее лицо, несущее основную смысловую нагрузку (в первоначальных вариантах название пьесы звучало «Главный вечер Ериши», «Ериша делает выбор», позже появилось название «Выстрел сына», окончательно замененное многозначным — «В трудный час»)³³.

³¹ М. В о г. Težka ura. In: Težka ura, s. 23—44.

³² Ibid., s. 28.

³³ По поводу названия пьесы югославские театроведы неоднократно подчеркивали, что речь идет о решающих, суровых минутах и днях народно-освободительной борьбы. На сербскохорватском языке принято название «Тешки часови», т. е. «Трудные часы».

Образ врача в пьесе единственный дан в развитии, в нем воплощена идейно-тематическая задача: показать не только интеллигенцию и ее отношение к освободительному движению, но и пути, ведущие к участию в борьбе, среди которых — путь от стороннего наблюдателя до активного борца. Такую эволюцию претерпевает доктор, в начале пьесы волнуемый лишь за благополучие своей семьи, а в заключительной сцене признающийся, что в нем пробудился человек, осознавший необходимость борьбы против «всех проявлений античеловечности на земле, за свободу, за поколение новых людей», среди которых он видит и своего сына.

В 1943 г. М. Бор закончил новую пьесу, названную первоначально «Ночь в Глубоком». Позднее она перерабатывалась и, получив название «Оборванцы»³⁴, была показана СНТ в Черномле в сентябре 1944 г.

Место и время действия конкретно обозначены автором — Штирия, февраль 1943 г. Позже М. Бор говорил, что «сюжет для этой... драмы ему предложили штирийские партизаны, рассказав о деятельности провокаторов, которых гитлеровцы посылали под видом партизан в словенские села, чтобы вносить там смуту и переполох... Народ прозвал их „оборванцами“, так как те, чтобы завоевать доверие населения, ходили в обтрепанной одежде»³⁵.

Появление в селе двух «оборванцев», которые, как выясняется позже, в действительности оказываются партизанами, является своеобразным катализатором, позволяющим проверить отношение разных людей к народно-освободительному движению.

По своей идейно-тематической основе «Оборванцы» близки к предыдущей пьесе Бора. Однако на этот раз внимание драматурга сосредоточено не на отдельной прослойке общества — интеллигенции, в действие вовлечены широкие слои городского и сельского населения.

В обеих пьесах Бора применен одинаковый принцип трактовки характеров. В центре событий — члены одной семьи и близкие к ней люди, находящиеся по разные стороны борьбы. Во второй пьесе трудно выделить главного героя, ибо образы заглавных персонажей написаны автором слабее других. Центр внимания драматурга — на противопоставлении сторонников двух лагерей: Рутара и Ферлежа, человеческая сущность которых наиболее полно раскрыта. Рутар — представитель лагеря демократии, в данном случае крестьян, с присущим им патриотизмом и повседневным героизмом, выражающий свою позицию в словах: «Родина не может сама сбросить цепи. Это должны сделать мы»³⁶. К противоположному лагерю (фашизма) принадлежит Ферлеж, для которого предательство — путь к успеху, богатству, в чем он сам цинично признается.

Активная деятельность, показ непосредственной борьбы рядовых граждан в «Оборванцах» обусловили и язык драмы — живой, народный, проникнутый юмором.

Присутствующий на спектакле «Оборванцев» в 1944 г. Д. Моравец вспоминает, что «бойцы проходили пешком десятки километров только для того, чтобы видеть настоящий театр и партизан на сцене»³⁷.

Таким образом, в первой половине 40-х годов, в переходный для искусства период, были заложены основы будущего направления развития югославской драматургии. Драматургия периода НОБ активно разрабатывала новую проблематику. В лучших образцах этой драматургии четко обозначилась реалистическая тенденция, воплотившаяся в разработке реалистических жанров. Народность стала неотъемлемой чертой драма-

³⁴ М. В о г. Paztrganci. In: Težka ura, s. 45—88.

³⁵ V. S m o l e j. Ibid., s. 302.

³⁶ М. В о г. Paztrganci, s. 86.

³⁷ М. В о г. Izbrano delo. Knj. I. Kritike i eseji. Ljubljana, 1973, s. 14.

тургии, авторы осваивали фольклорное наследие. Писатели, которые проявили повышенную литературную активность в 1941—1945 гг., продолжали заниматься разработкой антифашистской темы в первые послевоенные годы, утверждали реалистическую линию в драматургии, сделали действительность объектом внимания. Их задачей стало осмысление процесса формирования нового человека, поисков представителями различных слоев населения своего места в общей борьбе югославских народов за социальные преобразования. Подлинный творческий поиск этих авторов способствовал перестройке послевоенной югославской драматургии, освоению жанра социально-психологической драмы.

Т. И. СИЗОВА

ЖУРНАЛ «НОВЕ ВИДНОКРЕНГИ» — ОРГАН ПОЛЬСКОЙ ПРОГРЕССИВНОЙ ЭМИГРАЦИИ В СССР (1941—1943)

После начала мировой войны на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, воссоединенных осенью 1939 г. с братскими советскими республиками, оказалось около двух миллионов поляков. Большая их часть проживала здесь до войны среди коренного населения, меньшую же часть составляли беженцы из оккупированной гитлеровской Германии и Польши. Польское население воссоединенных районов и польская эмиграция в СССР были чрезвычайно пестрыми по социальному, профессиональному и политическому составу. Не будет преувеличением сказать, что среди поляков, находившихся в 1939—1941 гг. на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Белостокской области, можно было встретить представителей самых разных классов и партий, людей противоположных общественных позиций. Перед польской левицей в СССР, коммунистами и демократами-антифашистами, встали ответственные задачи как по консолидации собственных рядов, так и по усилению воздействия на широкие массы польского населения и беженцев, целью которого являлось постепенное перевоспитание их на основе пролетарского интернационализма, что способствовало бы их скорейшему включению в жизнь советского общества.

В своей деятельности прогрессивная польская эмиграция встречала понимание, поддержку и помощь со стороны советских партийных и государственных органов. Польские эмигранты, наравне с представителями других наций и народностей Советского Союза, обеспечивались работой, жильем, медицинским обслуживанием; польские дети получили возможность посещать ясли, детские сады и школы¹. Постепенно стала налаживаться общественно-политическая и культурно-массовая работа среди поляков в СССР. С 1940 г. начали действовать польские театральные коллективы в Гродно, во Львове и в Вильнюсе. Намечалось открытие новых польских музеев и сооружение памятников выдающимся представителям польской культуры. В соответствии с тематическими планами издательств осуществлялся выпуск общественно-политической, художественной и учебной литературы на польском языке². Все эти мероприятия, по замыслу их организаторов, должны были сыграть важную роль в процессе объединения польских эмигрантов в СССР на широкой основе лучших национальных традиций польской истории и культуры.

¹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VII. М., 1973, с. 186—187.

² Там же, с. 188—195.

Огромное значение в достижении намеченной польской левицей цели имела периодическая печать. В 1939—1941 гг. для польского населения в СССР издавалось 16 газет и журналов. Особое место среди выходившей в это время периодики на польском языке занимал ежемесячник «Новые виднокренги».

Журнал «Новые виднокренги», орган Союза советских писателей, стал издаваться одновременно в Москве и Львове с января 1941 г. тиражом 9000 экземпляров³. В состав его редакции в это время входили: известная писательница и общественный деятель В. Василевская, выдающийся ученый-филолог профессор Т. Бой-Желеньский, журналистка Я. Броневская, работник аппарата Коминтерна С. Дзержинская, поэт Ю. Пшибось и литературовед Е. Усиевич⁴. Вскоре журнал стал одним из главных центров притяжения в первую очередь прогрессивной польской эмиграции в СССР.

Первый номер «Новых виднокренгов» открывала обращенная к широкой читательской аудитории статья, формулировавшая задачи, которые ставил перед собой журнал. Объективная действительность обусловила литературно-художественный и общественно-политический характер этого издания на начальном этапе его существования. По мнению авторов передовой статьи, журнал был призван разъяснять актуальные проблемы современности, важные вопросы революционной и национально-освободительной борьбы польского народа, развивать, пропагандировать прогрессивные традиции и лучшие достижения польской культуры. Редакция считала, что осуществить задуманное можно было только при сотрудничестве «всех людей доброй воли» (с. 6). Дальнейшая деятельность редакционного коллектива показала, что в данном случае выражение «сотрудничество» имело два смысла: первый — относительно узкий — совместная работа в «Новых виднокренгах» представителей польской творческой и научной интеллигенции и второй — более широкий — духовный контакт польской левицы с многочисленными соотечественниками в СССР. Именно на такой основе шел в 1941 г. процесс воздействия на социально- и идеологически неоднородное польское население в СССР со стороны польских коммунистов и антифашистов, стремившихся перевоспитать его в духе сочетания истинного патриотизма и пролетарского интернационализма. Изменить же за короткий срок психологию и настроения такой сложной по структуре общественной группы, какой являлись поляки, оказавшиеся в 1939—1940 гг. в СССР, было нелегко, ибо, по замечанию В. И. Ленина, «привычки капиталистического строя слишком сильны, перевоспитать воспитанный веками в этих привычках народ дело трудное и требующее большого времени»⁵. Создатели журнала, обладавшие значительным опытом работы с массами, рассчитывали постепенно завоевать широкие читательские круги публикацией разнообразного, содержательного и интересного материала, относящегося и к событиям совсем недавнего прошлого и к давно минувшим эпохам.

Особенно важную роль в постановке актуальных проблем современности сыграла опубликованная в апрельском номере «Новых виднокренгов» статья известного польского коммуниста В. Кольского «О войнах справедливых и несправедливых». Используя принципиальные положения теории научного коммунизма, цитируя в своем исследовании работы классиков марксизма-ленинизма, а также буржуазных философов и обществен-

³ П. М. Калениченко. Польска прогресивна еміграція в СРСР в роки другої світової війни. Київ, 1957, с. 55.

⁴ К. Рутляк. Życia polskiego środowiska kulturalnego we Lwowie (wrzesień 1939 — czerwiec 1941). In: Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały, t. IX. Warszawa, 1972, s. 94.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 502.

ных деятелей, автор говорил о природе войн, их причинах и различии в зависимости от целей; при этом большое внимание уделялось Польше и войнам, которые она вела на протяжении длительного исторического периода. Касаясь поражения своей страны в столкновении с фашистской Германией, В. Кольский видел причину катастрофы в общественном строе досентябрьского польского государства, в самоубийственной внутренней и внешней политике правящих кругов второй Речи Посполитой. Кольский не только выражал точку зрения коммунистов на истоки и характер войн, но и указывал путь к всеобщему прочному миру на земле. Этот путь, по мнению автора, шел через решительные социалистические преобразования, должны уничтожить условия, порождающие военные конфликты — мировой империализм. Выводы В. Кольского доказывали закономерность падения буржуазного польского государства и невозможность существования подобного государства в будущем, что наталкивало читателей на мысль о необходимости глубоких общественно-политических преобразований в Польше. Намечая выходы из исторического тупика, в котором в конце 30-х годов нынешнего столетия оказалась Польша, публицисты «Новых виднокренгов» обращались к славным революционным традициям польского пролетариата. В других статьях рассказывалось о борьбе трудящихся в капиталистическом польском государстве перед началом второй мировой войны, разоблачалась антинародная сущность политики польской буржуазии⁶. Классовые битвы пролетариата Польши в период, предшествующий Великой Октябрьской социалистической революции, выступления польских демократов прошлого столетия, связанная с ними настойчивая пропаганда интернационализма также находились в 1941 г. в центре внимания редакций «Новых виднокренгов»⁷. Освещение этой тематики с позиций марксизма определяло идейную направленность журнала.

Объем издания (около 200 с.) делал возможным публикации в нем поэтических и значительных по размерам прозаических произведений. Почти в каждом номере журнала печатались стихи, отличающиеся высокой гражданственностью: А. Важик, Л. Пастернак, Е. Путрамент, Ю. Пшибось создавали яркие картины советской действительности, воспевали солидарность мирового пролетариата в борьбе с силами реакции, говорили о трагических судьбах революционеров в буржуазной Польше, о событиях разгоравшейся войны. Украшала страницы журнала лирическая и лирико-философская поэзия, которую представляли стихи М. Яструна и Ст. Е. Леца. Говоря о содержании прозаических произведений, опубликованных на страницах «Новых виднокренгов» в 1941 г., можно выделить круг тем, особенно интересовавших как самих авторов, так и редакционный коллектив журнала. К ним в первую очередь следует отнести реалистический, лишенный сентиментальности, показ досентябрьской Польши, крайней реакционности политики ее правящих классов⁸. Созданная художественными средствами картина подводила читателя к самостоятельным критическим оценкам довоенного польского общества и государства. В борьбе с реакцией выковывались ряды негибаемых бойцов — их героические судьбы и дела воспевались в «Новых виднокренгах», их жизнь рассматривалась как пример беззаветного служения высокой и прекрасной идее⁹.

В 1941 г. агитационно-пропагандистская, культурно-просветительная, информационная и воспитательная функции журнала настолько тесно переплетались, что часто нельзя однозначно определить характер того или ино-

⁶ «Nowe WidnokreŃgi», 1941, № 4; *Ibid.*, № 5—6.

⁷ *Ibid.*, № 1, 2, 3.

⁸ *Ibid.*, № 1, 2, 4, 5—6.

⁹ *Ibid.*, № 1.

го публицистического выступления, сообщения, критической статьи. Например, в разделе «Театр» Т. Бой-Желеньский не просто информировал о новых спектаклях польского театрального коллектива во Львове — признанный литературо- и театровед разговаривал со своими соотечественниками (читателями и зрителями) о новом польском театре, исходя из задач современности, намечал пути его развития, анализировал репертуар и игру актеров. Все это давало пищу для размышлений, будило мысль, заставляло задуматься над важными вопросами прошлого и современными проблемами. Те же цели в конечном итоге преследовала публикация материалов в разделе «Критика и библиография».

Лучше ориентироваться в культурной жизни Советской страны и поляков в СССР помогал читателю раздел «Хроника», в котором помещались разнообразные материалы о торжественном праздновании годовщин революционных выступлений польского пролетариата, об открывавшихся художественных выставках, театральных премьерах, о мероприятиях, посвященных 85-й годовщине со дня смерти великого польского поэта Адама Мицкевича. Освещая развитие польской культуры и образования в СССР, редакция журнала уделяла значительное внимание показу деятельности Государственного издательства национальных меньшинств, имевшего во Львове свой филиал и выпускавшего переводную литературу, книги польских авторов, а также учебники для школ с преподаванием на польском языке.

Проводя в жизнь идеи интернационализма, стремясь к укреплению дружбы и взаимопонимания между польским населением в СССР и советским народом, редакция «Новых виднокренгов» публиковала на своих страницах исследования о жизни и творчестве таких выдающихся литераторов и общественных деятелей, как Адам Мицкевич, Тарас Шевченко, Иван Франко, Василий Стефаник. Авторы — не только поляки, но и представители многонациональной советской литературы — в первую очередь раскрывали социальную направленность произведений замечательных сынов польского и украинского народов, общую для них и представителей русского революционно-демократического движения позицию в непримиримой борьбе против царизма¹⁰. Лишь на основе дружбы и сотрудничества, по мнению левицы, и теперь могли развиваться связи братских славянских наций, отношения польского населения в СССР с советским народом, могла развиваться в Советском Союзе польская культура, которая безжалостно уничтожалась гитлеровцами в оккупированной стране.

Нападение фашистской Германии на СССР обусловило выдвижение новых задач перед польской левицей и польским населением в Советском Союзе. Это повлекло за собой изменение характера журнала, превращение его в издание с ярко выраженной общественно-политической направленностью. В сложившейся обстановке перед «Новыми виднокренгами» в качестве одной из главных встала задача быстрой консолидации польской левицы, которая на основе новой политической программы сумела бы объединить широкие массы соотечественников в СССР для борьбы с гитлеризмом.

Весь седьмой номер «Новых виднокренгов» за 1941 г., вышедший после начала Великой Отечественной войны, был посвящен развернувшейся битве с нацизмом. Открывался номер речью председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина, произнесенной по радио 3 июля 1941 г. В речи давалась оценка сложившейся ситуации, выдвигалась задача пол-

¹⁰ Т. B o j - Ż e l e n s k i. Stare i nowe wiedzy o Mickiewiczu. «Nowe Widnokreghi», 1941, № 1; J. G a ł a n i J. K o n d r a. Iwan Franko. «Nowe Widnokreghi», 1941, № 5—6; M. R u d n i c k i. Wasyl Stefanik. «Nowe Widnokreghi», 1941, № 5—6; M. S z a g i n i a n. Poetyka «Kobziorza». «Nowe Widnokreghi», 1941, № 3.

ного разгрома врага и подчеркивалось, что война советского народа против германского фашизма должна слиться с борьбой других свободолюбивых народов за независимость и демократию. В этом ряду борцов займет достойное место и польский народ — таков лейтмотив обращения В. Василевской «Поляки!», напечатанного в том же номере.

Вспоминая славные традиции польского народа, В. Василевская звала соотечественников на активную борьбу с захватчиками, именно в ней видела писательница залог победы. Об опыте и традициях польской партизанской войны говорилось также в статье Р. Кобрыньской и в работе Ф. Кона, которая вышла уже после смерти автора. Один из старейших польских революционеров-ленинцев Ф. Кон выражал уверенность в том, что в начавшейся борьбе «примет участие и польский народ рука об руку с русским народом. Общими усилиями враг будет разбит и человечество освободится от кровавого кошмара гитлеризма».

Стремясь привлечь польских эмигрантов в СССР к решению важной и неотложной задачи создания боевого союза с СССР, редакция журнала поместила на страницах седьмого номера материалы о разгоравшемся партизанском движении на Украине и в Белоруссии, о зверствах фашистов в оккупированной Польше, о растущем отпоре польского населения гитлеровскому «новому порядку». Аналогичные материалы занимали большое место и в восьмом, последнем за 1941 г., номере «Новых виднокренгов». Хотя в произведениях польских поэтов и публицистов, в работах советских журналистов и специалистов военного дела и рассказывалось о неслыханных злодеяниях гитлеровцев, в них не было и следа паники, слабости или малодушия. В самое тяжелое для Советской страны время, летом — осенью 1941 г., и советские люди и представители демократических кругов польской эмиграции в СССР заявляли со страниц «Новых виднокренгов» о своей вере в торжество правды и справедливости. Видя залог скорейшей победы над общим врагом в совместных действиях всех прогрессивных сил борющихся с фашизмом стран, редакция заостряла внимание читателей восьмого номера журнала на проблеме складывания антифашистской коалиции. Для польских эмигрантов особый интерес представляли публикуемые материалы, посвященные нормализации отношений между Польшей и СССР. Но в этот ответственный момент издание журнала прервалось: в связи с наступлением гитлеровцев под Москвой часть сотрудников «Новых виднокренгов» была эвакуирована, некоторые польские коммунисты, объединенные ранее вокруг «Новых виднокренгов», сражались на фронте в рядах Красной Армии. Процесс консолидации и деятельность прогрессивной эмиграции в СССР в рамках такого центра, каким являлся журнал, временно приостановилс я.

Однако уже в мае 1942 г. в Куйбышеве, где оказались многие польские коммунисты и антифашисты, издание журнала было возобновлено. В новых условиях он стал «неофициальным органом польских коммунистов в СССР»¹¹. Ответственным редактором в нем номинально оставалась В. Василевская, однако, поскольку она вела большую агитационно-пропагандистскую работу, значительное время находилась на фронте, подлинным организатором и редактором «Новых виднокренгов» в 1942—1943 гг. был видный деятель коммунистического движения в довоенной Польше, талантливый ученый и публицист А. Лямпе, игравший, по словам польского историка А. Пшигоньского, «главную роль в руководящей группе польских коммунистов в СССР»¹². В редакцию журнала входили: Я. Броневская, Е. Путрамент, Е. Усиевич и др.¹³. Как и в 1941 г., в новой обстанов-

¹¹ А. P r z y g o ń s k i. Alfred Lampe. Warszawa, 1976, s. 46.

¹² Ibid., s. 45.

¹³ Ibid., s. 46.

ке журнал стал одним из главных центров притяжения и консолидации прогрессивной части польской эмиграции в СССР.

Одной из основных задач польской левицы в 1942—1943 гг. было усиление своего влияния на соотечественников в СССР в целях мобилизации их на активную, сознательную борьбу с фашизмом за освобождение родины, ее возрождение. Редакция журнала «Нове виднокренги» подходила к воспитанию своих читателей как к идейно-психологическому процессу. Людям, оторванным от родины, рассеянными по огромной территории СССР, нужно было четко и ясно рассказать о происходивших в мире событиях, дать ответы на важные и сложные вопросы о настоящем и будущем Польши, и на основе этого духовно объединить польское население, создать у него более или менее стабильное, управляемое коллективное настроение, которое в первую очередь характеризовалось бы сознательным отношением к активной борьбе с фашизмом в союзе с СССР.

Материалы, печатавшиеся на страницах журнала в 1942—1943 гг., отличались чрезвычайным разнообразием с точки зрения и проблематики и источников информации; среди них были сообщения специальных корреспондентов «Новых виднокренгов», сводки Совинформбюро, статьи из советских газет и журналов, пресса лондонского эмигрантского лагеря и союзников. Использовались также данные о растущем терроре из гитлеровской прессы, выходившей в рейхе и на оккупированных территориях. Большое внимание уделяла редакция художественному оформлению номеров. Броские, запоминающиеся заголовки, значительное количество иллюстраций (рисунки, фотографии, карикатуры) усиливали воздействие публикаций на читателей.

«Нове виднокренги» печатали важнейшие документы, рассказывающие об отношениях внутри антигитлеровской коалиции, и в особенности — о советско-польских отношениях. На страницах журнала публиковались материалы 2-го и 3-го Всеславянских митингов, происходивших в Москве, заявления Советского правительства, высказывания виднейших политических деятелей по актуальнейшим вопросам современности. Особый интерес вызывали комментарии к опубликованным документам и материалам. В них раскрывались позиции различных кругов мировой общественности, буржуазного эмигрантского лагеря и непосредственно польской левицы в СССР по вопросам крупнейших международных и военных событий 1942—1943 гг. Информацию о вступлении в мировую войну новых государств, о вооружении и действиях армий союзников, о фашистском правлении на европейском континенте, об отпоре захватчикам читатель «Новых виднокренгов» мог почерпнуть из заметок и сообщений, опубликованных под рубриками «Вокруг света» и «На фронте мировой войны». Этим важным вопросам посвящались также многочисленные работы публицистов. Авторами таких выступлений чаще других были А. Лямпе, Е. Путрамент, Е. Паньский. Не обходили вниманием польские журналисты и положение в самом гитлеровском государстве, в нацистской армии. В статьях, очерках, заметках ими был создан собирательный образ фашиста-захватчика, мародера и преступника, творившего бесчисленные злодеяния¹⁴.

Значительное место на страницах «Новых виднокренгов» отводилось обстановке в занятой гитлеровцами Польше. О событиях в стране рассказывали заметки, помещавшиеся в разделах «По стране», «Топор и виселица», «Немецкие приговоры». С разоблачением фашистского «нового порядка» выступали известные журналисты. Не было тем, связанных с оккупацией Польши, которые не затрагивались бы «Новыми виднокренгами» в 1942—1943 гг. Орган прогрессивной польской эмиграции в СССР подробно

¹⁴ «Nowe Widnokreḡi», 1942, № 3; 1943, № 10, 18, 21, 22.

информировал читателей о планах гитлеровцев в отношении польской нации, о разорении оккупантами сельского хозяйства Польши, о немецкой колонизации польской деревни¹⁵. Стремление нацистов ослабить силы Сопротивления разжиганием в стране антисемитизма, национальной розни, усиленной германизацией польского Поморья и Силезии освещали в публицистических выступлениях сотрудники «Новых виднокренгов»¹⁶. Многие журналисты подчеркивали в своих работах, что нарастание террора со стороны оккупантов теснейшим образом было связано с унижением достоинства польского народа, с фальсификацией его истории, с уничтожением его культуры, с религиозной нетерпимостью¹⁷.

Рисуя страшную картину хозяйничания захватчиков в Польше, издатели и авторы «Новых виднокренгов» стремились пробудить у соотечественников в СССР не только боль за страдания родины, гнев против ее поработителей, но и желание внести свой вклад в ее скорейшее освобождение. Реальность и достижимость такой цели подчеркивали многочисленные материалы о росте в Польше движения Сопротивления, публикуемые на страницах журнала¹⁸. Авторы статей и заметок показывали читателям «Новых виднокренгов», какое важное место занимала в захватнических планах гитлеровцев Польша — непосредственный тыл и главная коммуникационная артерия фашистской армии на Восточном фронте. Поэтому активная борьба с врагом, по мнению польской левицы в СССР, являлась не «изменой интересам нации», как это утверждалось реакционными кругами правительства Вл. Сикорского, а исторической необходимостью¹⁹. Редакция журнала считала, что уничтожение польскими патриотами военной техники и живой силы нацистов должно стать их вкладом в общее дело победы над «коричневой чумой» и непосредственно содействовать успеху боевых операций героической Красной Армии, чей ратный путь широко освещался «Новыми виднокренгами»²⁰. Среди материалов, посвященных борьбе советского народа с немецкими захватчиками, читатель журнала находил публикации о новой советской военной технике, о действиях партизан, о героизме солдат и офицеров. О событиях на переднем крае борьбы с фашизмом рассказывалось и в специальном разделе «На советско-германском фронте». Кроме того, стремясь лучше ознакомить соотечественников с жизнью советских людей в период тяжелейших испытаний, с их трудовыми достижениями на фабриках, заводах, в колхозах, научных лабораториях, с успехами в культурной жизни, редакция журнала помещала разнообразную и интересную информацию под рубрикой «По Советскому Союзу», а ее сотрудники систематически выступали с очерками и статьями на эту тему. В них не только показывался трудовой героизм всех наций СССР, но и содержался обращенный к польскому населению призыв добросовестной работой способствовать приближению разгрома общего врага.

Укрепление сплоченности соотечественников на основе национальной культуры и истории, на основе дружбы и взаимодействия с СССР орган польской левицы по-прежнему считал важной своей задачей. Поэтому в указанный период «Нове виднокренги» вели, помимо информационной, большую культурно-просветительную работу. И здесь особенно серьезное внимание редакция уделяла пропаганде уже хорошо известных и совсем новых работ польских и советских литераторов. Публиковавшиеся прозаические и поэтические произведения отличались, как правило, высокими

¹⁵ «Nowe Widnokreḡi», 1942, № 1, 2, 8, 9, 16; 1943, № 21.

¹⁶ «Nowe Widnokreḡi», 1942, № 2, 8, 14.

¹⁷ «Nowe Widnokreḡi», 1942, № 7, 11; 1943, № 6, 11.

¹⁸ «Nowe Widnokreḡi», 1942, № 4; 1943, № 8, 15.

¹⁹ «Nowe Widnokreḡi», 1942, № 4, s. 3.

²⁰ «Nowe Widnokreḡi», 1942, № 2, 6; 1943, № 4, 14.

художественными достоинствами, богатством идейного содержания, патриотической и интернационалистической направленностью. Романы и повести, рассказы и стихи, о чем бы они не говорили — о прошлом или настоящем — были полны любви к Родине, гордости за ее стойкость, за самопожертвование и храбрость лучших ее сынов и дочерей, они воспевали героическую борьбу с фашизмом, звали к решительному удару, удару, который должен был принести свободу и возрождение. Произведения художественной литературы, печатавшиеся в журнале, характеризовались подлинным гуманизмом и поэтому становились понятны самым широким массам польской эмиграции в СССР. Рассказывая о развитии польской культуры в Советском Союзе, редакция «Новых виднокренгов» предоставляла страницы журнала музыкальным, театральным и литературным критикам, которые в специальных статьях и небольших по объему заметках под рубрикой «Хроника культурной жизни» рассказывали о работах польских и советских литераторов, музыкантов, художников, давали всесторонний критический разбор их произведений²¹. Широко освещались «Новыми виднокренгами» памятные даты и юбилеи выдающихся деятелей польской науки и культуры: 400 лет со дня смерти Николая Коперника, 100 лет со дня рождения Э. Ожешко и М. Конопницкой. В выступлениях по поводу этих событий поднимались и обсуждались вопросы польской культуры, ее гуманизма и тесной связи с широкими демократическими массами. Эти связи не порывались и в трудное военное время. Целенаправленно воздействуя на соотечественников в СССР в духе патриотизма и дружбы между братскими славянскими народами, стремясь укрепить духовные контакты с далекой родиной, польская левица, руководимая коммунистами, в 1942—1943 гг. развернула активную издательскую деятельность, о чем подробно информировали «Новые виднокренги». Журнал освещал работу издательства литературы на польском языке; периодически давал на своих страницах списки уже вышедших и готовившихся к изданию книг, среди которых были сборники произведений классиков марксизма-ленинизма, работы деятелей международного коммунистического движения и руководителей ВКП(б), а также лучшие произведения польской и русской классической литературы, советских авторов. В то время, когда на землях оккупированной Польши захватчиками безжалостно разграблялись и уничтожались библиотеки, музеи, научные коллекции, в СССР группа левых деятелей, сосредоточенная вокруг «Новых виднокренгов», с помощью Советского правительства многое делала для сохранения, развития и пропаганды лучших традиций и достижений национальной польской культуры.

Самоотверженная работа редакции журнала, руководимого В. Василевской и А. Лямце, оказалась плодотворной: «Новые виднокренги» стали пользоваться доверием и авторитетом среди польского населения в СССР, показателем чего было увеличение числа подписчиков и тиража издания²² и появление в журнале в сентябре 1942 г. новой рубрики — «Читатели пишут». Тот факт, что в адрес журнала, делаясь своими мыслями, чувствами, настроениями, стали писать представители самых разных слоев польского населения в СССР — отражает некоторые позитивные итоги важного глубинного процесса постепенного превращения «Новых виднокренгов» в своеобразный политический центр более широких, чем в 1941 — начале

²¹ «Nowe Widnokreęgi», 1942, № 1, 22; 1943, № 3, 7, 13, 20.

²² В мае 1942 г. было 800 подписчиков на журнал при тираже 10 000 экз. В августе 1942 г. тираж был увеличен до 15 000 экз. при постоянном росте подписчиков, которых в октябре 1942 г. было более 3000, в январе 1943 г. — более 5000, в феврале — 6000. Данные взяты из книги F. Z b i n i e w i c z. Rola komunistów polskich w organizowaniu i działalności Związku Patriotów Polskich oraz Polskich Sił Zbrojnych w ZSSR (maj 1942— lipiec 1944); «Z pola walki», 1961, № 4, s. 91.

1942 г., демократических кругов эмиграции, знаменует начало нового этапа в деятельности журнала, этапа, связанного с подготовкой создания в СССР демократического представительства польской эмиграции в лице Союза польских патриотов, организационно оформившегося летом 1943 г. Только с мая 1942 г. по март 1943 г. редакция получила 1969 писем от 1400 корреспондентов, причем активность читателей постоянно возрастала: сначала в «Нове виднокренги» ежемесячно приходило в среднем по 80 писем, но уже в январе 1943 г. их число превысило 370²³. В этих письмах отражалась вся совокупность проблем, волнующих польское население в СССР в годы второй мировой войны. Читатели писали о своей работе и о работе земляков в колхозах, на заводах и стройках, рассказывали об ударниках и передовиках. Однако попадались сообщения и о недобросовестном труде, об обмане доверия советских людей некоторыми враждебно настроенными к СССР элементами. Порой в письмах говорилось о трудных материальных условиях жизни беженцев и в связи с этим — о часто несправедливом, пристрастном распределении посольством польского эмигрантского правительства помощи, получаемой из Англии, США, стран Ближнего Востока. В письме за подписью «Варшавянин», опубликованном в 12 номере «Новых виднокренгов» за 1942 г., автор заявлял о недоверии широких кругов польской эмиграции обещаниям и заверениям буржуазного лондонского правительства, рассказывал о национализме и антисоветизме, царивших в армии генерала Вл. Андерса, организованной в СССР в соответствии с советско-польским соглашением. Во многих письмах, приходивших в редакцию журнала в конце 1942 г. (особенно после усиления антисоветской деятельности лондонского эмигрантского правительства), высказывалось горячее желание сражаться за свободу с оружием в руках. Чрезвычайно важным представляется напечатанное в номере 2 «Новых виднокренгов» за 1943 г. письмо Тадеуша В. из города Маркса Саратовской области. В письме говорилось о назревшей необходимости создать в СССР польские воинские части, которые, в отличие от армии генерала Андерса, действительно встали бы бок о бок с Красной Армией на борьбу с гитлеризмом. Слова польского патриота из приволжского города вызвали многочисленные отклики среди демократических кругов польского населения в СССР; в адрес журнала пришло большое количество писем, авторы которых заявляли о своей солидарности с позицией Тадеуша В. и о желании на поле сражения доказать любовь к родине и верность союзническому долгу, тем более, что перед глазами был достойный пример: «Нове виднокренги» не раз сообщали об участии в боях на советско-германском фронте чехословацких частей. Письма Тадеуша В. и его единомышленников не были и не могли быть случайным явлением. Они говорили об изменении идейно-политических взглядов большинства польских эмигрантов в СССР. Возникшие позитивные сдвиги во мнениях, эмоциях, поведении в свою очередь подготавливали почву для дальнейшего, еще более глубокого влияния левых сил на соотечественников.

Для польских коммунистов в 1942—1943 гг. журнал «Нове виднокренги» был своеобразной творческой лабораторией, где формировались идейно-политические концепции, близкие тем, на которых в оккупированной Польше росла и развивалась в это время Польская рабочая партия. Работа, проводимая журналом в указанном направлении, имела огромное значение не только для настоящего, но и для будущего Польши. «Политическая мысль польских коммунистов в стране и в Советском Союзе, — говорил первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек в речи на торжественном заседании сейма, посвященном 30-летию возрождения Поль-

²³ «Z pola walki», 1961, № 4, s. 91—92.

ши, — программа Польской рабочей партии, объединившая передовые силы народа, и вооруженная борьба, развернувшаяся согласно этой программе, привели к созданию качественно новой политической ситуации. Они проложили верный путь к независимости и построению демократического польского государства, обрели для дела свободы и возрождения Польши надежную опору в союзе с СССР»²⁴. Выдающаяся роль в разработке взглядов коммунистов на настоящее и будущее Польши принадлежала А. Лямпе, который в 1942—1943 гг. являлся ведущим публицистом «Новых виднокрегов» как с точки зрения творческой продуктивности (в названное время он был автором почти половины журнальных передовиц, множества других статей и обзоров), так и с точки зрения важности и сложности тем, рассматриваемых в его выступлениях. В глазах соратников главными отличительными чертами Лямпе-революционера являлись беззаветная преданность марксистско-ленинскому учению, глубочайший патриотизм и интернационализм. Вот как говорила о своем старшем товарище коммунистка М. Руткевич: «Неразрывная связь объединяла Альфреда Лямпе со страной. Далеко в эмиграции он жил ее жизнью, мыслил ее мыслями. В новом периоде истории Польши он сумел определить новую дорогу, ведущую к народной Польше. Он не был пленником застывших формул и устаревших доктрин. Он был представителем т о р ч е с к о г о марксизма, его идеи кипели современностью»²⁵. В опубликованных редакцией журнала работах А. Лямпе и его товарищей, польских коммунистов и демократов-антифашистов, затрагивались и разрешались актуальнейшие принципиальные вопросы, выдвигаемые жизнью. Одним из них был вопрос о причинах поражения буржуазно-помещичьей Польши в столкновении с гитлеровской Германией. А. Лямпе видел главную причину катастрофы в «антидемократизме», т. е. в капиталистическом характере ее государственной системы, в действиях буржуазного правительства, чья политика «была источником слабости, а не силы государства, не сплачивала, а разбивала внутреннюю общность»²⁶. В статьях других польских деятелей также подчеркивалось, что из-за антисоветской внешней политики, экономической отсталости, глубоких национальных противоречий, раздиравших буржуазно-помещичью Польшу и ее вооруженные силы, «сентябрьская кампания была проиграна еще перед сентябрем»²⁷. Представители польской левицы в СССР считали, что поражение Польши в 1939 г. стало в первую очередь крахом ее социально-политической системы, польская же нация имеет силы для отпора врагу и возрождения. Освободить страну от захватчиков, по мнению патриотов, было возможно лишь в результате вооруженной борьбы всего народа. Выражая эту точку зрения, А. Лямпе писал: «Освобождение Польши — дело не только победоносной Красной Армии, но и повстанческой борьбы польского народа». Поскольку гитлеровцы вели в Польше войну, целью которой являлось биологическое уничтожение населения, публицист считал, что в схватке со смертельным врагом должен участвовать широчайший национальный фронт, состоящий «из всех честных, патриотичных, действительно любящих свою родину поляков». Анализируя обстановку в оккупированной стране, А. Лямпе подчеркивал, что этот фронт «будет действительно эффективным и самым эффективным, если он будет опираться на широчайшие массы, если в нем соберутся все без исключения группы и направления, искренне и честно борющиеся за освобождение Польши,

²⁴ «Правда», 1974, 22 июля.

²⁵ M. R u t k i e w i c z. Alfred Lampe. In: A. L a m p e. Myśli o nowej Polsce. Wybor artykułow z okresu 1942—1943. Warszawa, 1948, s. 13.

²⁶ «Nowe Widnokreği», 1942, № 9, s. 13.

²⁷ «Nowe Widnokreği», 1942, № 9, s. 10.

за ее свободу и независимость, если все будут иметь голос в решении судеб нации»²⁸. Поддерживая действия буржуазного эмигрантского правительства, направленные на развитие союзнических отношений с СССР, польская прогрессивная эмиграция, однако, выступала решительно против попыток лондонского лагеря и его делегатуры полностью захватить руководство национально-освободительным движением в стране, полагая, что это шло бы во вред единству нации. Выступая с критикой лозунга «Стоять с оружием у ноги», пропагандировавшегося правительством генерала Сикорского и его представителями на оккупированных землях, А. Лямпе подчеркивал нелепость и преступность этой позиции, убедительно доказывая, что политика выжидания, продиктованная боязнью жертв, ведет к еще большим жертвам²⁹.

Борьба польского народа, по мнению левых сил польской эмиграции в СССР, должна была слиться с движением Сопротивления поработенной Европы и, в первую очередь, с действиями героического советского народа, поскольку «освобождение и оздоровление Польши невысмыслимо без победы Советского Союза и всего лагеря борющейся демократии над гитлеровской Германией»³⁰.

Говоря о задачах текущего момента, редакционный коллектив журнала не забывал и о завтрашнем дне. В многочисленных статьях прогрессивных публицистов затрагивались вопросы социально-экономического устройства новой Польши, ее западных и восточных границ, ее отношений с соседними странами. И хотя по объективным причинам ответы на ставившиеся вопросы были недостаточно конкретны, все же контуры возрожденного польского государства, главные направления его внутренней и внешней политики были достаточно ясны. Полемизуя со сторонниками довоенного политического устройства Польши, А. Лямпе в статье «Свобода неделима» так сформулировал точку зрения левицы по актуальным вопросам ближайшего будущего: «Начертая на наших знаменах лозунг свободы и независимости Польши, стремясь к объединению и возрождению польской нации в собственном государстве, придерживаясь принципа, что судьбы польского народа и его государства должен решать сам народ и никто иной — мы, вместе с тем, стоим на позиции свободы, независимости и национального объединения братских соседних народов, с которыми мы хотим жить в отношениях доверия, дружбы и сотрудничества»³¹.

Идеи, пропагандировавшиеся публицистами «Новых виднокренгов», завоевывали все большее число сторонников. Именно поэтому радиовыступление В. Василевской 28 апреля 1943 г., напечатанное в номере 9 журнала, получило значительный резонанс среди польского населения в СССР. Выступление В. Василевской посвящалось советско-польским отношениям, их развитию и разрыву в апреле 1943 г. по вине правительства Сикорского. Анализируя политику этого правительства как на международной арене, так и внутри оккупированной страны, В. Василевская приходила к выводу, что «эмигрантское правительство генерала Сикорского не представляет польской нации» (с. 7). Право же вернуться на родину, по мнению писательницы, должно быть подкреплено добросовестным трудом и активной борьбой поляков с врагом. В статье говорилось о создании в СССР под руководством левых сил Союза польских патриотов (СПП), а также о том, что, идя навстречу пожеланиям масс, СПП пред-

²⁸ [А. Л.] Warunek zwycięstwa. «Nowe Widnokreęgi», 1942, № 1, s. 1.

²⁹ [А. Л.] Wojna sprawiedliwa. «Nowe Widnokreęgi», 1942, № 12, s. 1.

³⁰ [А. Л.] Warunek zwycięstwa. «Nowe Widnokreęgi», 1942, № 1, s. 2.

³¹ [А. Л.] Wolność jest niepodzielna. «Nowe Widnokreęgi», 1943, № 5, s. 2.

принимает усилия, направленные на организацию в Советском Союзе польских воинских формирований.

Деятельности СПП и созданию военных подразделений из представителей польской эмиграции в 1943 г. уделялось на страницах журнала огромное внимание. «Нове виднокренги» систематически публиковали важные документы, среди которых были Устав и Идеальная декларация СПП, коммюнике о создании польской дивизии им. Тадеуша Костюшко, текст присяги Первой дивизии и другие материалы. В статье Я. Броневской «Одна мысль — одна воля» давался обширный отчет об учредительном съезде СПП (июнь 1943 г.), сообщались сведения о руководящем составе съезда, а затем — Союза, приводились выдержки из выступлений. Автор статьи особо выделяла мысль, повторявшуюся многими ораторами: создание Союза польских патриотов не было чем-то случайным — это явление необходимое и закономерное, оно естественно вытекало из осознания польской эмиграцией в СССР своих целей и задач, своего места в борьбе с фашизмом.

Редакция «Новых виднокренгов» регулярно помещала материалы о различных сторонах деятельности СПП: о мероприятиях, проводимых Отделом социальной опеки, о польских школах и детских домах в СССР, о работе по изданию книг серии «Библиотека Союза польских патриотов» и, конечно, о формировании польских боевых единиц, которые коренным образом отличались ото всех когда-либо существовавших воинских частей, созданных поляками на чужбине. Формирование польской армии для активной борьбы с ненавистным врагом, провозглашение и укрепление принципов дружбы и боевого сотрудничества с СССР, в значительной мере влияло на позитивные изменения настроений польского населения в СССР. Эти же цели достигались публикацией в журнале иллюстрированных материалов, повествующих о быте, учебе, отдыхе солдат и офицеров дивизии им. Тадеуша Костюшко. Огромным по значению фактом для поляков в СССР стало боевое крещение Польской дивизии в битве под Ленино. По мнению автора статьи «Дивизия борется», важность этого события определялась двумя главными факторами: во-первых, польские военные части вели вооруженную борьбу на одном из самых тяжелых и самых близких к оккупированной Польше фронтов; во-вторых, впервые в истории эти белорусские земли, залитые польской кровью, видели «поляка-друга», «поляка-брата», «поляка-освободителя»³². «Первый раз, — говорилось в статье, — тут, на дорогах между Москвой и Варшавой, польский солдат сражался рука об руку с русским солдатом»³³. В этих словах подводился итог одному из важнейших направлений той огромной работы, которую вела польская прогрессивная эмиграция в СССР в годы второй мировой войны, и в которой журналу «Нове виднокренги» отведено почетное место.

В течение 1941—1943 гг. орган польской левицы целеустремленно шел к решению стоящих перед ним задач по консолидации передовых сил прогрессивной польской эмиграции в СССР, по выработке ее идейно-политической платформы. К концу 1943 г. эти задачи были в основном претворены в жизнь: под руководством польских коммунистов и демократов-антифашистов в СССР стал действовать «крепкий монолитный лагерь, осознающий свои цели, свою роль, свою историческую ответственность»³⁴. В 1942—1943 гг. журнал «Нове виднокренги», по заявлению его редакционного коллектива, являлся «представителем политической мысли польской

³² «Dywizja walczą». «Nowe Widnokreęgi», 1943, № 20, s. 1.

³³ Ibid.

³⁴ «Nowe Widnokreęgi», 1943, № 24, s. 3.

демократии, создающей в тяжелой борьбе с оккупантом контуры новой национальной идеологии. И когда в июне 1943 г. был образован Союз польских патриотов, он опирался на те идейные положения, которые были сформулированы в ряде программных статей³⁵. В рядах Союза польских патриотов были объединены на основе непримиримой борьбы с фашизмом и дружбы с СССР люди неоднородной классовой и профессиональной принадлежности, а также различных политических убеждений и общественных позиций. Это был решающий шаг в борьбе за перевоспитание польской эмиграции в СССР в духе истинного патриотизма и интернационализма.

³⁵ «Nowe Widnokreghi», 1946, № 1—2, s. 1.

Н. П. МАНАНЧИКОВА

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ В XIII — НАЧАЛЕ XIV в. ПО ДАННЫМ МОРСКОГО ПРАВА ДУБРОВНИКА И ЗАДАРА

Социальная структура средневековой торговли вообще и морской в частности в настоящее время привлекает большое внимание советских исследователей. К числу немногих источников, позволяющих составить определенное представление об организации средневековой морской торговли, о роли в ней простого трудового населения прибрежных областей, относятся записи и кодексы морского права.

Мореходство с незапамятных времен было естественным занятием населения Далмации. Изрезанная глубокими бухтами береговая линия Далмации, огромное количество прибрежных островов, мягкий климат — создавали наилучшие природные условия для мореплавания. Морская торговля в Адриатическом море уже в античные времена становится составной частью средиземноморской торговли, связывавшей Европу с Востоком. С середины IX в., когда арабы захватили Сицилию и постоянными набегами подорвали торговлю южноитальянских портов и островов Эгейского моря, центр морской торговли перемещается на север, в Адриатику. Социально-экономическое развитие земель в бассейне Адриатического моря, древние традиции во многом определили интенсивность и организацию морской торговли. Далмацию не случайно называли Финикийей Адриатики — эта узкая полоска земли не только была подвержена импульсам развития Средиземноморья, но и зависела от экономического состояния внутренних областей Балканского полуострова. Расцвет далматинских городов приходится на более поздний период и совпадает с промышленным ростом североитальянских городов и началом нового оживления торговли в Средиземном море.

Быстрому подъему южнодалматинских городов — Дубровника и Котора — способствовало развитие горнорудных промыслов в Сербии и Боснии. Возрождение и расцвет горного дела в Сербии на месте староримских разработок начинается с середины XIII в., в Боснии — с конца XIII в. Дубровник стал главным центром, через который вывозились серебро, свинец, медь из внутренних земель в итальянские города и через итальянские рынки — в промышленные центры Западной Европы. Но с XIV в. и через другие далматинские города — Задар, Сплит, Шибеник, Трогир — балканское сырье и цветные металлы переправлялись на морские торговые магистрали, соединявшие Далмацию с прочими центрами Средиземноморья.

По мнению некоторых югославских исследователей, в XIII — начале XIV в., т. е. до экономического подъема балканских земель, для далма-

тинских городов и Дубровника, в частности, преобладающей была морская торговля¹; венецианское господство в Адриатическом море не могло воспрепятствовать расширению морских связей Далмации, так как торговля на море оставалась основным условием существования ее городов. С конца XIII в., овладевая важнейшими торговыми позициями на суше и подчиняя себе местные рынки внутренних областей, далматинские города все больше утверждались как центры обширной посреднической торговли с огромной сетью не только морских, но и сухопутных связей. Период кодификации городского права в Далмации почти совпадает с периодом превращения этих городов в центры интенсивной посреднической торговли, ставшей важным экономическим фактором для многих земель Балканского полуострова.

Кодификация городского права и утверждение основной редакции большинства городских статутот в Далмации происходит приблизительно в течение одного столетия — со второй половины XIII в. до середины XIV в.: статут города и острова Корчула может быть датирован 1265 г.², в Дубровнике статут был принят в 1272 г., в Задаре — в 1305, в Сплите — в 1312, Трогире — в 1322, Будве — не позднее первой половины XIV в., а ранняя редакция статута Котора была записана между 1293 и 1300 гг.³

Морские законы Далмации вошли составной частью в статуты почти всех далматинских городов. Среди подобного рода исторических памятников они занимают исключительно важное место, представляя особое звено в развитии средневекового морского права всего восточного Средиземноморья.

В предшествующий период известным сводом морского права в Средиземноморье был Морской закон острова Родос, нормы которого имели международный характер и применялись до конца XII в. — до 4-го крестового похода⁴. Морской закон родосцев оказал большое влияние на развитие морского права в восточной части Средиземного моря, и следы этого влияния можно обнаружить в статутах городов Адриатики — итальянских и далматинских⁵.

Зарубежную, в том числе югославскую, историографию интересовала прежде всего юридическая сторона морских законов, ученые выясняли генетические корни правовых норм, наличие в них элементов римского, византийского и славянского права, функции должностных лиц и т. п.⁶

¹ J. | u č i ć. O pomorskim vezama Dubrovnika sa Zadarom i ostalim gradovima Dalmacije u XIII stoljeću. «Pomorski zbornik», br. 4. Zagreb, 1966, s. 358—359.

² См. В. Т. П а ш у т о, И. В. Ш т а л ь. Корчула. М., 1976, с. 19.

³ Приведенные даты статутот Будвы и Котора были выяснены Е. П. | Наумовым, справедливо поставившим под сомнение традиционную датировку их записи — 1302 г. для Которского и 1307 г. для Будванского статутот. См. Е. П. Н а у м о в. Проблемы аграрной истории южной Далмации и торговых связей ее с Византией (конец XII — середина XIV в.). «Византийский временник», т. 37. М., 1976, с. 35—36; е г о ж е. Средневековые источники о развитии производительных сил на Балканах (конец XIII — первая половина XIV в.). Сб. «Славяно-балканские исследования». М., 1972, с. 30.

⁴ «Nomos Rhodion Nautikos. The Rhodian Sea Law», ed. by W. Ashburner. Oxford, 1909; «Морской закон», русский перевод и комментарии М. Я. Сюзюмова. В кн. Античная древность и средние века, вып. 6. Свердловск, 1969 (далее — Морской закон). См. также Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века. М.—Л., 1961.

⁵ A. D a b i n o v i ć. Da li ima tragova predrimskog prava u pomorkopravnim spomenicima Sredozemlja. «Годишњак поморского музеја у Котору». Котор, XII, 1962. А. Дабинович, например, считает, что Родос, сохранявший в течение раннего средневековья значение крупного центра мореплавания, был в области кодификации морского права предтечей Венеции, которая оформила свои корабельные уставы «Statuta navium» в 1255 г. Там же, с. 7.

⁶ См., например, историографические заметки в комментариях М. Я. Сюзюмова к русскому переводу текста Морского закона. «Античная древность и средние века»,

Наибольшее внимание исследованию статутарного права Далмации уделил М. Костренчич, сделавший заключение, что для статутов северных приморских городов восточной Адриатики, включая Сплит, образцом послужили Венецианские корабельные уставы 1255 г., для южных — Дубровникий статут 1272 г.⁷

Однако городские статуты и включенные в них морские законы отразили большой и сложный период в истории Далмации, насыщенный политическими событиями и важными переменами в социальном и экономическом развитии городов. В последнее время в работах югославских историков наметилась тенденция к изменению традиционного правового аспекта изучения морских законов. В этом отношении заслуживают внимания серьезные исследования И. Беуца, В. Брайковича и А. Мариновича⁸. В русской буржуазной и в советской историографии имеются единичные работы, затронувшие лишь общие или некоторые отдельные вопросы морского права далматинских городов⁹.

Задача нашей статьи сводится к рассмотрению особенностей социальной структуры морской торговли Далмации XIII — начала XIV в. в основном по данным записей морского права Дубровника и Задара. Главное внимание мы сосредоточим на разборе морских законов и постановлений Дубровника и попытаемся выяснить участие трудящегося населения Далмации в морской торговле XIII в.

Из городских статутов, в которые было включено морское право, самым ранним по записи был статут Дубровника¹⁰. Следует отметить, что этот статут в статьях от 1272 г. еще не мог отразить начало экономического подъема Далмации. В предшествующий период (XII—XIII вв.) торговля городов несомненно была важнейшей отраслью их экономики, но из-за скудости сведений пока не выяснено соотношение в ней транзитной торговли и торговли для снабжения городов продовольствием, неясна специфика ее организационной структуры.

Рост посреднической торговли с внутренними областями ощущаемее сказывался на жизни городов в начале XIV в. По всей вероятности, первые отпечатки экономического подъема и расширения морской посреднической торговли следует искать уже в статуте другого крупного торгового центра Далмации — Задара. Сопоставление морского права Дубровника и Задара, на наш взгляд, могло бы способствовать выяснению общего характера и тенденций развития далматинской морской торговли XIII в.

Основная часть законов и постановлений о мореходстве Дубровника сосредоточена в VII книге его статута. По мнению А. Мариновича, VII

вып. 6. Свердловск, 1969, с. 47—49, а также: М. К о с т р е н ч и ć. Pomorsko pravo u statutima primorskih naših gradova i otika. «Mjesečnik Hrvatskog pravničkoga društva u Zagrebu», god. XL, 1914; god. XLI, 1915; А. Т е j а. Statuti di Dalmazia. «Rivista Dalmatica», Anno XII (3, 4); е г о ж е. Contrati di compravendita di un notaio zaratino. Zara, 1935; V. В р а j k о в и ć. Étude historique sur le droit maritime privé du Littoral Yougoslave. Marseille, 1933.

⁷ М. К о с т р е н ч и ć. Ibid., 1915, № 5, 6, s. 293—296, 336—345.

⁸ I. В е у с. Statut Zadarske komune 1305 godine. «Vjesnik Državnog arhiva u Rieci», sv. II. Rieka, 1954; V. В р а j k о в и ć. Razvoj pomorskog prava na našoj obali. «Pomorski zbornik», sv. 1. Zagreb, 1962; А. М а р и н о в и ć. Pomorsko-pravni propisi sredovečnog dubrovačkog statuta. «Pomorski zbornik», knj. 1. Zagreb, 1963.

⁹ А. Р е й ц. Политическое устройство и права прибрежных островов и городов Далмации в средние века, раскрытые из муниципальных статутов. «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных», т. I. М., 1845; И. Н. С м и р н о в. Отношение Венеции к городским общинам Далмации, вып. I—II. Казань, 1880—1884; А. Е. М о с к а л е н к о. К вопросу о социально-экономических отношениях в Сплите в XIV в. «Византийский временник», 1958, вып. XIII.

¹⁰ В статуте Корчулы не содержится норм морского права. См. В. Т. П а ш у т о, И. В. Ш т а л ь. Там же.

книга статута отличается большей полнотой и систематичностью по сравнению с морским правом статуты других далматинских городов и общин. Все основные правила, содержащиеся в общих сводах морских законов Средиземноморья, были зафиксированы и в Дубровницком статуте, который отразил общий уровень развития морского права в этом бассейне¹¹.

В VII книге 67 статей, которые можно сгруппировать следующим образом: 1) оснащение судов и правила перевозки товаров — 1, 2, 3, 9, 10 статьи; 2) права и обязанности судовладельцев — 4, 5, 14, 16—18, 33; 3) права и обязанности моряков — 11—13, 22—27, 29—32, 34, 52, 57, 58; 4) обязанности корабельного писца — 2, 8, 9, 34, 67; 5) порядок возмещения ущерба, нанесенного кораблю и товарам — 6, 7, 47—49, 54; 6) торговые общества купцов и соглашения между купцами, судовладельцами и экипажем корабля — 8, 10, 12, 15, 26, 28, 35—37, 42—51, 53, 55—56, 59 ст. И далее несколько статей о правилах перевозки отдельных товаров (38—41), о положении рабов, отданных в качестве матросов на судно, об аренде барок в период сбора винограда¹².

Как видим, большинство статей (39 из 67) наряду с профессиональными обязанностями экипажа корабля рассматривают взаимоотношения между участниками торгового предприятия, включающие вклад денег или товаров, плавание туда и обратно, раздел прибыли и других доходов.

Морскому праву Задара посвящена IV книга его Статута, содержащая 82 статьи, которые также можно сгруппировать по разделам: 1) оснащение судна и порядок погрузки и разгрузки товаров — 1—2, 13, 21, 22, 37 статьи; 2) вооружение экипажа, продовольственные запасы и распорядок на судне — 3, 7—9, 12, 24—29; 3) права и обязанности судовладельцев и их уполномоченных — 46, 49, 51, 64, 74, 76; 4) права и обязанности моряков — 14, 30—37, 52—53, 55—56, 59—65, 67—70, 76—78; 5) оплата труда моряков — 44, 53, 63—65, 67, 76, 80—81; 6) избрание писца и его обязанности — 15—16, 19; 7) порядок возмещения ущерба, нанесенного товарам и кораблю — 22—23, 30, 34, 38, 45, 75; 8) возможные конфликты на судне и их урегулирование — 35, 41, 42, 46; 9) взаимоотношения и договоры между купцами, судовладельцами и моряками — 34, 40, 43, 48, 64—65, 71—73, 57—58, 60—61 статьи. Несколько остальных статей касаются найма барок для перевозки собранного винограда¹³.

Эти законы VII книги Дубровницкого статута и IV книги Задарского статута не исчерпывают содержания всего морского права Дубровника и Задара, но дают возможность заметить, что при всей специфике рассматриваемых книг главное внимание в них уделяется почти одинаковому кругу вопросов. И лишь в нескольких случаях морские законы этих статуты как бы дополняют друг друга. Если статут Дубровника подробно останавливается на морских торговых обществах — коллегантии (*collegantia*), энтеге (*entega*) и отчасти рогадии (*rogadia*), то в статуте Задара бегло и неопределенно сказано о соглашениях между купцами и между купцами и судовладельцами. Однако статут Задара, который шире рассматривает конкретные вопросы мореходства, перечисляет необходимое вооружение матросов и других членов экипажа, чего не указывает статут Дубровника. В статуте Задара подробнее разобраны случаи, влияющие на величину зарплаты матросов, способы урегулирования споров и конфликтов, которые могли возникать во время плавания, и т. д.

Если сравнить содержание далматинских морских законов и венециан-

¹¹ A. Marinović. Ibid., s. 457.

¹² *Liber statutorum civitatis Raguzii compositus anno 1272*. Ed. V. Bogišić et C. Jireček. Zagrabiae, 1904, lib. VII (далее — LSR, VII).

¹³ *Statuta Jadertina, cum omnibus reformationibus in hunc usque diem factis*. Venetiis, 1564, lib. IV (далее — St. Jadertina, IV).

ского так называемого Корабельного устава 1255 г., станет очевидным их различие. В Корабельном уставе говорится прежде всего об оснащении кораблей всех видов и размеров, их вооружении, правилах погрузки товаров, обязанностях капитанов и матросов¹⁴, далматинские морские законы в значительно большей степени затрагивают социальные проблемы. Как ценный исторический источник по социальной структуре торговли далматинские морские законы еще не подвергались полному и всестороннему анализу¹⁵.

Не сохранилось никаких сведений о количестве кораблей у далматинских городов в XI—XIII вв. Для более позднего периода — конца XIV — начала XV в. — ученым удалось на основании немногих источников составить общее представление о далматинском флоте: Дубровник располагал приблизительно 40 большими парусниками и многочисленными каботажными судами, Задар находился на втором месте после Дубровника по количеству судов, и третье место, по-видимому, принадлежало Сплиту¹⁶.

Далматинцы в этот период использовали два типа судов: узкие и длинные на веслах — галеры, преимущественно военного назначения, и парусники округлых форм с высокой палубой, менее быстроходные, чем галеры, но более вместительные (*navis rotunda*), торгового назначения¹⁷.

В Дубровнике, согласно его Статуту, торговые суда были различной грузоподъемности — от 40 до 400 милиариев (*miliar*) и свыше¹⁸. По подсчетам З. Шундрицы, это приблизительно соответствует грузоподъемности от 17 до 170 т и выше, возможно до 250 т, при милиарии, равном 420 кг¹⁹.

В статуте Задара упоминаются корабли от 100 до 700 милиариев²⁰. Сведения об экипаже различных судов весьма скудны — небольшие торговые суда могли иметь от 8 до 10 моряков, средние — от 12 до 17²¹.

На основании подобных отрывочных данных невозможно в настоящее время составить сколько-нибудь определенное представление об общем количестве моряков даже во флоте Дубровника. Одно только бесспорно: дубровницкие корабли в XIII в. плавали по всему Средиземному морю, появлялись у берегов Малой Азии и Северной Африки.

В далматинских морских законах фигурируют в основном купец — вкладчик денег или товаров в торговое предприятие, судовладелец и про-

¹⁴ *Venetae reipublicae Statuta navium 1255. Fontes rerum austriacarum Diplomata et acta. Ed. Tafel et Thomas, v. XIV. Vindobonae, 1856, p. 403—448.*

¹⁵ В указ. соч. А. Е. Москаленко использованы некоторые морские законы Сплита для характеристики лишь сплитской торговли XIV в.

¹⁶ *S. V e k a r i ć. Naši jedrenjaci za dugu plovidbu kroz stoljeća. Pomorski zbornik povodom 20-godišnjice Dana mornarice i pomorstva Jugoslavije 1942—1962, knj. 1. Zagreb, 1962.*

¹⁷ М. М. Фрейденберг. На каких кораблях плавали далматинцы? (К истории средневекового судоходства у южных славян). В сб. Страны Средиземноморья в эпоху феодализма, вып. I. Горький, 1972.

¹⁸ LSR, VII, 3.

¹⁹ Z. S u n d r i ć a. Dubrovačko pomorsko pravo. Prijevod sedme knjige Dubrovačkog statuta. Dubrovnik, 1972, s. 12. Произвести расчеты грузоподъемности кораблей в Далмации XIII—XIV вв. очень трудно из-за скудости источников, и работа в этом направлении еще не закончена, чем, по-видимому, и объясняются некоторые несоответствия в выводах разных ученых: например, по показателям, приведенным в работе Й. Тадича, тоннаж дубровницких кораблей в начале XV в. получается значительно меньшим (от 10 до 60 т), чем, по подсчетам З. Шундрицы, во второй половине XIII в. См. J. T a d i ć. Привреда Дубровника и српске земље у првој половини XV века. Зборник филозофског факултета, кн. X—1, Београд, 1968, с. 521. Интересно отметить, что результат, к которому пришел М. М. Фрейденберг, самостоятельно вычислив грузоподъемность дубровницкого корабля XIV в. (121,6 т), пожалуй, ближе к расчетам З. Шундрицы, чем Й. Тадича. См. М. М. Фрейденберг. Там же, с. 103.

²⁰ St. Jadertina, IV, cap. VII—XI.

²¹ Z. S u n d r i ć a. Ibid., s. 10—13.

стой моряк или матрос. Но прежде чем касаться их имущественного положения и социального статуса в XIII — начале XIV в., необходимо сказать несколько слов об общей организации торгового судоходства в Далмации.

Военные корабли в Далмации обычно принадлежали городским коммунанам, торговые суда находились в руках частных владельцев — лиц из разных слоев городского населения и потомственных мореходов с побережья и островов. Судовладельцы предпочитали иметь в собственности часть корабля — т. е. долю: в Далмации корабли нередко делились на 12 или 24 доли — так называемые караты. Несколько собственников судна, или патронов, по терминологии Дубровницкого статута, совместно решали многие вопросы о ремонте судна, сдаче его в наем, продаже, о наборе матросов, несли ответственность за оснащение и подготовку к плаванию, за товары, погруженные на судно, и т. д.

Купцы (*mercatores*) перевозили свои товары на судах за определенную плату (*navium*) или из части прибыли. Перед плаванием они составляли письменный договор с патронами, где все тщательно фиксировалось — количество товаров, виды корабельного оснащения, число моряков и т. д. Договоры вносились судовым писцом в специальные корабельные журналы и представлялись на утверждение в городские советы, в Дубровнике — на утверждение князя и Малого совета.

На кораблях, принадлежавших городским коммунанам, ответственность за плавание нес капитан, на частных судах функции капитана обычно выполнял один из патронов или уполномоченный патронов — *suprapositus*. Команду корабля составляли матросы: многие из них были опытными мореплавателями, имевшими профессиональную подготовку; среди них встречались плотники, конопатчики, повара и др. Старшим членом команды и самым опытным в навигационном деле, согласно морским законам Дубровника, был *nauclegius*²², следивший за дисциплиной на судне и нормальным ходом плавания.

Торговые суда грузоподъемностью в Дубровнике свыше 600 модиев, а в Задаре от 100 до 200 миллиариев должны были иметь корабельного писца — *scribanus navis mercatoriae*²³, облеченного доверием городской коммуны. Писец на корабле, как и нотариус в городе, вел всю документацию, имел перечень товаров, списки судового экипажа, записывал все соглашения между купцами и судовладельцами, судовладельцами и матросами. Он должен был следить за настроением команды, выявлять бунтовщиков.

В 34 статье VII книги Дубровницкого статута записано: «Моряки кораблей, отправляясь в плавание, должны подчиняться науклеру во время плавания. И они не смеют заявить науклеру или уполномоченному — „Возвратимся в Рагузу“, и не смеют препятствовать какому-либо плаванию, которое захочет совершить науклер или уполномоченный. И кто попытается помешать плаванию, уплачивает 10 перперов, половина которых поступает коммуне, а другая — патрону или уполномоченному. Писец корабля обязан выдать князю и его курии самого подстрекателя или подстрекателей в течение 8 дней по прибытии в Рагузу, и если не выдаст, обязан сам уплатить 10 перперов»²⁴.

²² А. Маринович рассматривает науклера как члена матросского коллектива, который управлял корабельной службой и не входил в число судовладельцев. А. М а г и н о в и ć. Ibid., s. 434. Дубровницкий статут не выделял науклера из судового экипажа. LSR, VII, 30 и др.

²³ LSR, VII, 2; St. Jadertina, IV, 15. В Задаре корабли свыше 200 миллиариев должны были иметь даже двух писцов.

²⁴ LSR, VII, 34.

Все лица, находившиеся на корабле, кроме пассажиров-попутчиков, во время плавания составляли единый коллектив, одно правовое понятие — *comunitas navis vel ligni* — товарищество корабля. Статут Дубровника предусматривает случаи, когда *comunitas navis* сообща восполняет ущерб, понесенный судном, участвует в разделе непредвиденных доходов, выкупает попавшего в плен моряка, захваченных в качестве заложников купцов и матросов и т. д.²⁵

В Далмации морская торговля была частным предпринимательством, однако она осуществлялась при самом активном содействии городских коммун, которые всячески поощряли и защищали свою торговлю, и под контролем коммун, следивших за соблюдением норм морского права и требовавших отчета о торговых экспедициях. В Дубровнике контролирующим и карающим органом был Малый совет во главе с князем, в Задаре — морской суд. Организация торгового судоходства в далматинских городах требовала усилий и взаимодействия государственных органов, должностных лиц, собственников имущества и простых исполнителей. Но звенья этой взаимосвязанной организационной системы: городская коммуна — купцы и судовладельцы — уполномоченные — корабельные писцы — науклеры и матросы — вбирали все слои населения, отражая социальную структуру далматинского города. Интересно отметить, что морское право, закрепившее место каждого звена организационной системы, зафиксировало также и близость контактов между звеньями этой системы: коммуна получала отчет о каждой торговой экспедиции, о настроениях матросов; под контролем коммуны купцы договаривались с судовладельцами, судовладельцы нанимали матросов и т. д., т. е. мир, отраженный в морском праве, очень тесен, фактически это микромир, где все детали и связи значимы и взаимно обусловлены.

Матросская служба — самая распространенная форма участия трудового населения Далмации в мореходстве и морской торговле. В далматинских статутах не предусматривалось никаких ограничений для приема на матросскую службу — в морях нуждались торговые суда частных владельцев и военные галеры городских коммун. Выходцы преимущественно из низших слоев города, земледельцев округи, крестьян удаленных деревень и жители островов приходили во флот по вольному найму и становились профессиональными моряками. Однако естественного притока рабочей силы во флот, по-видимому, не хватало, и для снаряжения галер правительство городов вынуждено было призывать молодых мужчин из сельских районов для несения военной и морской службы одновременно.

Матросы — *marinarii* — могли наниматься на одно плавание или на определенный срок и в зависимости от срока службы получали заработную плату — *marinaria*. Права и обязанности моряков подробнее всего рассматривает статут Задара. В некоторых статутах указывается зарплата матросов в денежных единицах²⁶, однако реальную величину ее определить трудно — сравнительные данные о зарплате моряков приводит только Й. Тадиц: моряк в Дубровнике начала XV в. получал дневную плату в 2—3 динара — столько, сколько обычно зарабатывал в день дубровникий ремесленник²⁷.

Но *marinarii ad marinariam* торговых судов имели широко известную в далматинских и итальянских морских законах привилегию — право на льготный провоз определенного количества принадлежащих им то-

²⁵ Ibid., 29—32, 35.

²⁶ St. Jadertina, IV, 4—5, 81.

²⁷ J. T a d i ć. Привреда Дубровника..., с. 522.

варов. Товары моряков, о которых обязан был знать корабельный писарь, в Дубровницком статуте назывались *ragaspodium*²⁸, в Задарском — *miliarius*²⁹. Прибыль от продажи этих товаров была своеобразной добавкой к мизерной зарплате моряков.

В Дубровницком статуте отразился еще один способ оплаты моряков — из доли прибыли (*ad partem*)³⁰. По мнению исследователей³¹, заработки таких моряков были выше, чем у моряков *ad marinariciam*. Моряки *ad partem* на дубровницких судах оказывались соучастниками морских торговых экспедиций, заинтересованными в их удачном коммерческом исходе, в доходах от непосредственных торговых операций. Доля прибыли, отчисляемая команде корабля, не определялась статутом, а, по-видимому, устанавливалась в специальном договоре с судовладельцем. В статуте Дубровника содержится следующее постановление: «Если возникнет спор между патроном судна, с одной стороны, и науklerом и матросами, с другой, о количестве долей прибыли, и если не было свидетелей [их соглашения], желаем, чтобы доверие оказывалось патрону судна»³².

Матросы *ad partem* обязаны были участвовать в возмещении ущерба, причиненного как товарам при погрузке, выгрузке и во время плавания³³, так и непосредственно судну³⁴. Участие матросов в доле доходов и убытков — явление не новое для морского права Средиземноморья: родосский Морской закон упоминает моряков, имеющих долю дохода от плавания³⁵. Следует отметить одно важное обстоятельство — М. Я. Сюзюмов определяет период действия Морского закона родосцев как время прогрессивных перемен в морском деле Византии, время демократизации морской торговли, когда размеры торговых судов уменьшились, а в сферу торговли были вовлечены менее состоятельные предприниматели — приморские горожане Греции, Малой Азии, жившие на доход от морского промысла. И назначение Морского закона родосцев — поддержка мелкой морской торговли и мореходного промысла³⁶.

Далматинское морское право — документ другой эпохи, отразивший иной уровень развития мореходства в Средиземном море. В далматинских правовых нормах, как отметил М. Я. Сюзюмов, интересы купечества уже явно преобладают над интересами судовладельцев³⁷ — мореходство как промысел отступает на второй план перед морской торговлей.

Но примечательно, что имеющая социальное значение черта родосских законов — доступ моряков к части прибыли от торговли и мореходства — в правовых нормах Далмации не только сохранилась, но и получила дальнейшее развитие. В этой связи представляет интерес торговое общество в Дубровнике с условным названием *entega*. Термин *entega* — *enticha* греческого происхождения (*ἐντιχη*), означающий — вложение. В данном случае имелось в виду вложение капитала — либо в деньгах, либо в товарах или одновременно в деньгах и товарах в торговое предприя-

²⁸ LSR, VII, 9, 29 и др.

²⁹ St. Jadertina, IV, 29, 30 и др.

³⁰ LSR, VII, 2, 6, 26 и др. Категория моряков, оплачиваемых из доли прибыли, Задарским морским законам и даже морским законам Венеции не известна. Подобная категория моряков существовала в Сплите; они упоминаются в его «Древнем статуте». См. А. Е. Москаленко. Там же, с. 151.

³¹ A. Marinović. Ibid., s. 432.

³² LSR, VII, 26.

³³ Ibid., VII, 6.

³⁴ Ibid., VII, 28.

³⁵ Морской закон, ст. 38.

³⁶ М. Я. Сюзюмов. Предисловие к «Морскому закону». См. Морской закон, с. 4—7, 14.

³⁷ М. Я. Сюзюмов. Византийский город (середина VII — середина IX в.). ВВ, XXVII. М., 1967, с. 58—59.

тие, осуществляемое на особых условиях особым торговым обществом. Как торговое общество энтега не похожа на другие торговые объединения, и в частности на самую распространённую в Средиземном море коменду — коллеганцию³⁸. Отличие энтеги заключалось в составе участников и принципе раздела прибыли. Приведем отрывки из 42 и 43 глав VII книги Дубровницкого статута. Если, сказано в документе, деньги перевозятся на судне Рагузы, совершающем плавание *intra Culfum* — внутри Адриатического моря — по договору об энтеге, то «прибыль, которая будет получена благодаря этим деньгам, а также плата за провоз в одну сторону и обратно и все выгоды, которые судно будет иметь [во время плавания, распределяются следующим образом:] две части получают судно и моряки, а третью — владетель денег». Если же судно совершает плавание *de Culfu* — за пределы Адриатического моря, — половина всей прибыли отчисляется владельцам денег, а другая половина — кораблю и матросам³⁹.

В энтеге, таким образом, объединялись не две стороны, как в коменде, а три группы участников, три стороны: купец или несколько купцов, вкладчиков капитала, корабль — т. е. судовладельцы, предоставлявшие корабль для плавания со всем оснащением, и моряки — команда судна, несшая службу во время плавания. Важно отметить, что моряки выступают здесь как юридически равноправная сторона, получающая значительную долю дохода — $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$. Изменение долей дохода и предоставление вкладчикам капитала половины прибыли, когда путь удлинялся за пределы Адриатики, было, пожалуй, естественным, поскольку увеличивалась опасность для вложенного капитала. Возможные убытки и ущербы распределялись в энтеге в той же пропорции, что и доходы. Правда, морские законы и в этом случае стремились уберечь имущество торговцев: «Подтверждаем, что если какое-либо судно находится в плавании с вкладками энтегии и потерпит кораблекрушение, то судно должно быть отремонтировано за счет доходов, которые им самим получены, и за счет доходов на вклады, но не за счет [основного] капитала вкладов»⁴⁰.

Итак, принципы объединения в энтегу как будто бы просты. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что проследить весь ход финансовых и торговых операций в рамках энтеги невозможно на материале одних лишь морских законов. В действительности все оказывалось сложнее, поскольку разделение участников на три группы было условным. Во-первых, одна из сторон — вкладчики капитала — была менее всего определена: очень часто купцы-вкладчики одновременно являлись и судовладельцами. В 45 главе морской книги указано, что судовой писарь обязан записывать в журнал все вклады — «как от патронов (судовладельцев. — Н. М.), так и от других»⁴¹. Вкладчиками капитала становились и моряки. Их льготное имущество (*parasodium*) в виде товаров — в энтеге не отделялось от остального вложенного капитала⁴². Ничто не мешало морякам вкладывать в энтегу и деньги. Во всех перечисленных случаях распределение прибыли значительно усложнялось. Необходимо подчеркнуть, что в рамках энтеги матрос мог стать вкладчиком с защищенной законом долей

³⁸ Правовые принципы торгового общества типа коменды-коллеганции изучены в настоящее время достаточно хорошо. Из последних работ заслуживают внимания статьи — в советской историографии: Г. М. Т у ш н а. Марсельские торговые объединения XIII века. В сб. Страны Средиземноморья в эпоху феодализма, вып. I. Горький, 1973; в югославской историографии: Ј. Д а н и л о в и ћ. О уговору «collegantia» у дубровачком праву у периоду млетачке власти. «Зборник филозофског факултета», XI—1. Београд, 1970.

³⁹ LSR, VII, 42—43.

⁴⁰ Ibid., 47.

⁴¹ Ibid., 45.

⁴² Ibid., 46.

прибыли. А если же учесть, что по правовым нормам Дубровника судовладелец мог служить матросом на судне, где имел свою часть⁴³, то легко представить себе лицо, выступающее в энтеге одновременно в качестве судовладельца, вкладчика капитала и матроса. Подобное предположение вполне реально, и оно интересно тем, что фигура матроса-судовладельца — вкладчика капитала приобретает уже социальную определенность. Перед нами скорее всего моряк — представитель средних слоев городского населения. Таким образом, в дубровницком торговом флоте матросы выступают более пестрой по своему составу массой. Одно это уже наводит на мысль об отсутствии в Дубровнике XIII в. резких социальных барьеров в сфере морской торговли.

Во-вторых, из статута не ясно, кто же непосредственно ведет торговые операции — продает одни товары, закупает другие и т. д. Можно предположить, что команда корабля к операциям подобного рода не причастна. Но в морском праве есть такое постановление: «... если какой-нибудь науклер с матросами принял вклады [в энтегу] под условием совершить плавание по Адриатическому морю, то он не смеет выйти из Адриатического моря без позволения большинства вкладчиков. Если же судно выйдет за пределы Адриатики без их разрешения и если пропадет какая-то часть денег, чего не дай бог, должны все восполнить матросы, а вложенные деньги не должны терпеть никакого ущерба»⁴⁴. Прежде всего в приведенном постановлении бросается в глаза, что сам факт проявления смелой инициативы экипажем судна — не наказывается. Вынесение же этого постановления свидетельствует о распространенности подобных случаев. Последнее заставляет предполагать, что роль команды корабля в энтеге не была такой уж однозначной и что внутри энтеги отношения между ее участниками носили демократический характер.

И в-третьих. Из VII книги статута нигде прямо не явствует, какое место в морской торговле XIII в. отводилось вкладам, т. е. какова значимость самого капитала — денег и товаров. Разумеется, законы защищали товары и деньги купцов, иначе не могло и быть. Но ответ на этот вопрос, по видимому, следует искать в принципе раздела прибыли в той же энтеге, доля дохода в энтеге *intra Culfum* была одинакова для всех — купцов, вкладывающих капитал, судовладельцев, вкладывающих судно со всем снаряжением, и матросов, вкладывающих труд. Однако энтега позволяет рассмотреть и другую любопытную деталь отношений в морской торговле, проясняющую значимость капиталовложений для XIII в.

Иногда, согласно законам, вклады некоторых владельцев не присоединялись к основным вкладам в энтегу, и весь путь из Дубровника эти товары или деньги совершали плавание отдельно от энтеги. Позже, после реализации в пункте назначения, они, превращенные в деньги или товары, будут присоединены к общему капиталу энтеги, а их прибыль будет принадлежать всем членам энтеги⁴⁵. Весь смысл подобного правила заключался в том, что риск за неприсоединенные вклады во время первой половины путешествия несут сами вкладчики — владельцы товаров или денег. С членом энтеги снималась тяжелейшая обязанность возмещать ущерб, который мог быть нанесен этим вкладом во время первой половины пути. Постановление, таким образом, до некоторой степени облегчало условия морской торговли для членов энтеги за счет ухудшения их для части вкладчиков.

Таким образом, в Дубровнике XIII в., судя по духу морского права, нет всеисилия владельцев собственности — в первую очередь купцов —

⁴³ *Ibid.*, 16.

⁴⁴ *Ibid.*, 48.

⁴⁵ *Ibid.*, 42, 44.

вкладчиков капитала и судовладельцев. В одной из глав морской книги сказано, что «если необходимы какие-либо расходы на судне и большая часть судовладельцев будет согласна понести эти расходы... а меньшая часть скажет, что она не имеет средств... то деньги можно взять из доходов, причитающихся на доли судна...»⁴⁶ и т. д., т. е. судовладельцы сообща не без труда осиливают расходы на судне.

Добавляют ли что-нибудь существенное к социальной характеристике энтеги нотариальные акты Дубровника второй половины XIII в.? К сожалению, очень немного. В нотариальных актах 1278—1282 гг. содержится 11 документов, преимущественно долговых расписок, где в той или иной связи упоминается энтега⁴⁷. Свидетельства об имущественном положении лиц — членов энтеги, которые можно извлечь из этих скудных материалов, полностью согласуются с данными VII книги статута. Вклады в энтегу, упоминаемые в актах, колеблются от 8 до 400 перперов⁴⁸, где самая большая сумма (400 перперов) все-таки не превышает размеров среднего вклада и встречается всего один раз. Зато суммы в 30—32 перпера указаны в четырех случаях⁴⁹. В трех актах из 11 речь идет о несостоятельных должниках, которые не могли вернуть кредиторам небольшие суммы денег, взятые для вклада в энтегу⁵⁰. В одном акте сохранилось упоминание о товарах энтеги, это — зерно, бобы⁵¹. Иллюстрацией к лаконичному определению плавания extra Culfum может служить запись свидетельских показаний об энтеге, заключенной, по мнению Й. Лучича, еще в 1247 г.: соглашение двух дубровчан о вкладе в энтегу нескольких унций золота состоялось в апулийском городе Трани — у святого Льва, в присутствии двух свидетелей, а корабль с вкладами энтеги шел из Апулии в Александрию, из Александрии — в Константинополь⁵². Столь длительное плавание, по всей вероятности, требовало слаженной работы опытного экипажа.

Итак, свидетельства далматинских морских законов, и главным образом законов Дубровника, значительно расширяют наше представление о характере и социальных особенностях морской торговли Далмации в XIII — начале XIV в.

Известно, что далматинский торговый флот состоял в основном из небольших судов⁵³ и, согласно данным морского права, торговое судоходство и торговля были сферой деятельности широких слоев городского и отчасти сельского населения. Морские законы не безлики по своей социальной ориентировке, они адресованы определенному кругу лиц — средним и мелким торговцам, средним и мелким судовладельцам, свободным матросам, которые могли становиться соучастниками торговли. Организации морской торговли рассматриваемого периода присущи элементы демократизма, которые получили отчетливое проявление в необычном типе торгового общества — энтеге, известной по морским законам Дубровника. Моряки *ad partem*, оплачиваемые из доли прибыли, и моряки, входившие в энтегу, получали доступ к непосредственным доходам от морской торговли. Моряки энтеги, в отличие от моряков *ad partem*, имели право на

⁴⁶ Ibid., 17.

⁴⁷ Spisi dubrovačke kancelarije, knj. I. Zapisi notara Tomazina de Savere 1278—1282. Prepisao i uredio G. Čremošnik. Zagreb, 1951, doc. 81, 146, 260, 279, 305, 336, 340, 712, 771, 784, 895 (далее — MHR, I).

⁴⁸ Ibid., doc. 784.

⁴⁹ Ibid., doc. 81, 336, 895.

⁵⁰ Ibid., doc. 81, 146, 279.

⁵¹ Ibid., doc. 260.

⁵² Ibid., doc. 305. См. также: J. L u č i ć. Neobjavljene isprave i akti XIII stoljeća iz dubrovačkog arhiva. «Arhivski vjesnik», XV. Zagreb, 1972, s. 55—59.

⁵³ М. М. Ф р е й д е н б е р г. Там же, с. 110.

фиксированную законом долю прибыли и, являясь юридически равноправными членами торгового общества, на практике могли проявлять инициативу в выборе направления торгового плавания.

В других далматинских статутах и даже морских законах Задара, подробно фиксирующих все виды оплаты труда моряков, нет упоминания об энтеге и оплате из доли доходов от плавания.

Вопрос об энтеге, о судьбе демократических элементов в организации морской торговли Дубровника, о тенденциях дальнейшего развития далматинского торгового судоходства — не ставился в историографии. Чтобы определить место энтеги среди других организационных форм торговли Дубровника последующего времени, необходимы актовые материалы XIV—XV вв., которыми мы, к сожалению, не располагаем. Однако, если обратиться к зарубежным исследованиям, затрагивающим организацию далматинской торговли в XIV—XV вв., то можно натолкнуться на любопытные факты.

В работе И. Манкен, скрупулезно рассматривающей торговую и предпринимательскую деятельность дубровницкого патрициата XIV в., указаны многочисленные соглашения и общества типа *societas* и *collegantia*, энтега среди торговых обществ названа всего один раз⁵⁴.

Другие историки — Б. Крекич, позже М. Спремич — рассматривали торговые объединения в плане общей характеристики торговых связей Дубровника с Левантом и Южной Италией в XIV—XV вв.⁵⁵ Исследователи почти не называют тип торговых обществ, но имеющееся описание их внутренней структуры сомнений не оставляет — в работах имелась в виду коллеганция; т. е., давая по архивным материалам сводную картину организации морской торговли Дубровника, оба историка фактически показали господство одной формы морского торгового общества в Дубровнике XIV—XV вв. — коллеганции.

Приведенные наблюдения югославских ученых наводят на мысль, что в период экономического расцвета Далмации в XIV—XV вв. энтега как типичная форма организации морской торговли на ранних этапах ее развития постепенно исчезает из обихода. Для богатевшего далматинского купечества самой предпочтительной формой организации оказалась коллеганция. Вытеснение энтеги коллеганцией знаменует собой подчинение морской торговли интересам крупного купечества, стремившегося сосредоточить в своих руках все торговые прибыли.

В связи с этим отсутствие энтеги в морском праве других далматинских городов, и в частности в морском праве Задара, было, по всей вероятности, явлением не случайным: в начале XIV в. нормы морского права, предоставлявшие доступ к торговым прибылям простому трудящемуся населению, отходят в прошлое. Утверждение далматинских городов как центров широкой посреднической торговли открывает новую фазу в развитии торгового судоходства в Далмации.

⁵⁴ И. Манкен. Дубровачки патрицијат у XIV веку. Београд, 1960, с. 270.

⁵⁵ В. Крекич. Trgovačka društva u srednjevekovnoj dubrovačko-levantinskom saobraćaju. «Godišnjak filozofskog fakulteta u Novom Sadu», knj. IV, 1959; М. Спремич и Ђ. Дубровник и Арагонци 1442—1495. Београд, 1971, с. 109—118.

АНТОН ГАБОВШТЯК

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СЛОВАЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

1. При изучении и картографической обработке материала словацких диалектов мы обнаружили, что часть лексического фонда на территории Словакии необычайно сильно дифференцируется. Эта дифференциация иногда так значительна, что на картах ее удается отобразить лишь с большими трудностями. В данной статье мы хотим указать на несколько именно таких случаев, когда лексическое членение максимально. Одновременно мы попробуем рассмотреть причины, которые обусловили дифференциацию в максимальном масштабе.

Материал, использованный в статье, был получен при исследовании словацких диалектов в 1965—1971 гг. по лексическому вопроснику (Набовштиак-Буффа, 1964), предназначенному для сбора материала для четвертой, лексической части Атласа словацкого языка. Однако собранный и картографически обработанный материал уже сейчас пригоден для использования в качестве источника при изучении материальной и духовной культуры словацкого народа. В нашей статье мы займемся лишь некоторыми частными вопросами, а именно — членением той части лексики, которая восходит к ранним периодам истории, прежде всего к феодализму. Диалектную дифференциацию более поздних лексических слоев, а также слов, проникших в словацкие говоры из других языков, мы здесь не рассматриваем.

2. При изучении лексики словацкого языка нами было замечено, что удивительно богата дифференциация названий деталей каких-либо инструментов или устройств, тогда как основное название предмета обычно едино или дифференцируется минимально. Так, например, устройство для прядения в виде жердочки, на которой прикрепляются волокна льна или конопли, имеет только два названия в словацких диалектах: в юго-восточной части Словакии — *praslica*, в северо-восточной — *kúdel'*. С названиями же отдельных частей прялки ситуация уже иная. Например, названия ее нижней части образованы на основе различных семантических мотивировок. Они указывают на то, что это та часть прялки 1) на которой сидят, и эти названия образованы от глагола *sediet'* 'сидеть': *sedadlo* (*sedallo*, *sedalo*), *sedlisko*, *sedisko*, *seďaňa*, *seďačka* (в части западно-словацких и среднесловацких диалектов) и от глагола *prisadnúť* 'присесть': *prišedka*, *prišitka* (в части восточнословацких диалектов); 2) которую помещают под ту часть тела, на которой сидят: *podritka*, в отдельных случаях *rit' išť'e* (*ritišťie*), *nárit' išť'ia*; 3) которая прикреплялась к стулу или табуретке и стала их составной частью, поэтому здесь употребляются названия, образованные от слова *stól*: *stolec*, *stolek* (*stolček*, *stolica*), *sto-*

lička; 4) которая имеет форму плоской доски и поэтому называется *doska*, *došťička*, *dešťička*; 5) которая составляет нижнюю часть: *spodok* (*spodek*), *spodnik*, *spodnica*, *spodniarka*; 6) которая представляет собой самую нижнюю часть предмета, как бы его дно — на это указывают названия типа *dno*, *dnisko*, *dništia*, *dništ'e*, *d'enco*, *d'ience*, *denko*, *dníčko* и *nisko* (<*dnisko*).

Семантическая мотивация всех этих слов свидетельствует о том, что эта часть прялки имела разнообразные формы и что в отдельных частях Словакии она развивалась по-разному. С этим было связано исчезновение старых и возникновение новых названий.

Другим наглядным примером является слово *pluh* 'плуг', название сельскохозяйственного орудия для пахоты. Название *pluh* является общим для всех словацких диалектов, в то же время в наименованиях его отдельных частей обнаруживается чрезвычайно богатая дифференциация (Подолак, 1957). Точно так же название *krosná* (устройство для ткачества) является общим для всей Словакии, названия же частей этого устройства уже сильно дробятся по отдельным словацким диалектам.

3. Отчетливое лексическое членение было обнаружено нами и у ботанических терминов, впрочем, не у всех: некоторые виды растений имеют одно название на всей территории Словакии. Например, не дифференцированы в словацких диалектах названия *púpava* (*Taraxacum*, одуванчик), известны лишь фонетические варианты этого слова: *púpava*, *patpava*, *kúpava* и др. Не имеют лексических вариантов также названия *podbel'* (*Tussilago*, мать-и-мачеха), *lopúch* (*Arctium*, лопух) и целый ряд других названий.

Однако ярко выражена лексическая дифференциация в названиях тех растений, которые были предметом почитания или же перед которыми чувствовали страх из-за их таинственного, магического, а часто и вредного действия. Например, почитались цветущие ветки вербы и ракиты, в которых люди видели первых провозвестников приближающейся весны. Эти ветки (*bahniatka*) были первым цветком, появившимся на деревьях в начале весны. Ракита (или хотя бы какой-нибудь один вид вербы) росла по всей Словакии. Ее использовали также в народной магии, например, для окуривания животных и людей, сопровождающего некоторые магические действия. В Вербное воскресенье эти ветки освящались в церкви и хранились потом в домах целый год, до тех пор, пока их не заменяли в следующем году новыми ветками. Большая часть названий, обозначающих в словацких диалектах цветы вербы или ракиты, этимологически связана с названиями детенышей животных, появляющихся на свет ранней весной. В некоторых случаях они относятся также и к частям тела этих животных или же к междометиям, которыми подзывают этих животных. Нами выделены: а) названия с основой *maň* — *meň* (образованные от повелительного междометия *maň!*, которым подзывают кошку): *maňuški*, *maňúški*, *maňúške*, *meňuške*, *meňuški* (на нижней Ораве, в Липтове и частично в Зволенской жупе); *maňki* (в части Оравы); б) названия от слова *púza* ('кошечка'; *púza* от *búz*, с чем связано также слово *bajúzy*, чеш. *vousy*; Machek, 1957, с. 52), а именно *puzalki/-e*, в отдельных случаях также *pózalki* (в части Зволенской жупы, особенно в Горегронье), *puziki/puzike* (в части Новограда и Гемера), *puzički*, *puzički*, *bajzički* (в Спише, Аbove и части Шарипа); в) названия *kočički* и *kočátka* (в Загорье), *koč'átka* (в области Скалицы), *kočički* и *kočence* (в области Сеницы), *kočanki* (в области Чадцы), а в отдельных местах также *cicke*, *cícki*, *cicúške* (от слова *cicka* = *mačka* в южных среднесловацких диалектах); г) названия *bahniatka*, *bahňatka*, *bahňátka* (в Тренчанской жупе, в Турце, на Ораве), *bahnitki* (в северном Земплине), *bahnički* (в отдельных местах Спиша). В. Махек (Machek, 1957, с. 174—175) объединяет слово *bahniatka* со словом *jahňa*

(ср. также чеш. *jehňeda* = *bahniatka*), так как названия этих цветов из-за их округлой формы и мягкого пуха связываются у говорящих с названиями детенышей животных (это проявляется и в некоторых других названиях); д) название *birki* (в южном Земплине, в ужских диалектах и в части Абова), связанное с названием породы овец (словацкое, польское, сербскохорватское, венгерское *birka*, образованное от славянской звукоподражательной основы *bř!*); е) названия типа *jarabátka*, *jaborátka*, *jaburátka*, *jabarátka*, *jabrátka* (в южных западнословацких диалектах в области Модры, Трнавы, Глоговца и Пештян); они связаны с названиями гусят; ж) названия типа *baburiatka*, *baburátka*, *baburence*, *baburki*, реже *babuliatka*, *baboliatka*, *babuniatka*, *baburence*, *bahurence*, *baburki* (в южных западнословацких диалектах), которые подобно предыдущим (пункт е) этимологически связаны с названиями молодых животных, которые только что вывелись, а именно — гусят (*babuliatka*, *baburence*); з) названия типа *bazički*, *bažački* (в шаршских диалектах и в части Земплина), которые связаны со словом *baža* ('ягненок' в детской речи); и) названия типа *baránki*-e (в области Левиц) и *barki*, *barke*, *bariški*, *baruški*, *bariki* (к югу от Нитры, в отдельных местах Гонта и Новогграда), основой которых являются междометия для подзывания молодых барашков; к) разные другие названия — *běčki*, *bäčki*, *lalki*, *balki*, *kikički*, *kozliatka*.

Как видно из приведенных примеров, названия сережек вербы и ивы мотивируются их округлой формой и поверхностью, покрытой пухом. Метафорически они исходят 1) из названий детенышей животных, а именно: а) кошки (названия *kočički*, *kočiatka*; *cicki*, *cicúški*; *púziki*, *púzalki*; б) овцы (названия *bahniatka*, *bahnički*; *baránki*, *baránke*; *birki*, *bazički*, *bažački*; в) гуся (*babuliatka*, *baburki*, *baburence*; *jarabátka*, *jaborátka*; г) козы (название *kozliatka*); 2) из междометий, которыми человек подзывает этих животных, а именно: а) кошку (*maňuški*, *meňuški*), б) овцу (*barki*, *barke*, *baruški*).

Богатая лексическая дифференциация названий сережек вербы и семантическая мотивация этих названий были, вероятно, обусловлены отношением человека к этому растению, символизирующему собой новую жизнь в природе и используемому в народной магии (окуривание) и в религиозных целях (освящение веток в Вербное воскресенье).

4. Подобно этому, большую лингвогеографическую дифференциацию, также связанную с особым отношением человека к растению, мы обнаружили в некоторых других случаях, например, в названиях растения *imelo* (омела, *Viscum album*), известного также в других славянских языках под названиями, образованными от праславянского *jъmelo/omelo* (ср. чеш. *jmělí*, верхне-луж. *jemelina*, нижне-луж. *jemjelica*, польск. *jemiola*, рус. *омела*, белорус. *амела*, укр. *омела*, словин. *omēla*, серб.-хорв. *imela*, макед. *imela*, болг. *имел*). Это название всегда обозначало зеленое паразитное растение на деревьях, особенно на дубе, которое было предметом почитания не только у славян, но и у других народов (например, кельты верили, что оно облегчает дорогу в труднодоступные места). Из омелы, кроме того, изготовлялся клей для ловли птиц.

Для словацких диалектов характерна очень большая фонетическая, словообразовательная и лексическая дифференциация названий этого растения. В словацких диалектах существуют названия: а) от праславянской основы *jъmelo* (например, *imel'*, *imelo*, *imol'a*, *imal*, *imélo*); б) от праславянской основы *omelo* (*omel*, *omalo*, *omela*, *omola*, *omolo*); в) разнообразные варианты с гласным *e-/je-* (*emelo*, *emalia*, *jemelo*, *jemela*, *jemolo*); г) варианты с гласным *a-/ja-* (*amolo*, *amola*, *jamalo*); д) многие названия, образованные от других лексических основ: *kukučina*, *jahodice*, *vāžin* (*vāžinie*), *dubienka*, *chmelina*, *našiň*, *pukačka*, *pupec*, *beloba* и т. д. Богатая

фонетическая дифференциация названий омелы свидетельствует о культовом характере этого интересного и широко известного растения в Словакии.

5. Развитое лексическое членение часто связано с тем, что какое-либо явление природы, предмет или действие не всегда удается ограничить и однозначно определить. По этой причине богатым членением отличаются, например, слова, обозначающие погоду, ветер, воздушные и водные течения различной интенсивности, обледенение предметов и ледяную корку на воде (*inovat', srieň*) и т. д. Неясность в описании называемого предмета и неопределенность формы отражается даже в названиях тех или иных конкретных вещей. В качестве примера можно привести названия, обозначающие плоский камень, отглаженный течением реки или ручья.

В части западнословацких и среднесловацких диалектов часты однословные и двусловные названия, образованные метафорически по сходству от слова *žaba*, а именно — *žabec, žarka, žabák; žabica, žabička, žabečka, žabičník, žabinec, žaberica, žaborina, žabačienec*, а также устойчивые словосочетания *žabie korítko, žapskuo midlo, žabacie midlo, žabícoví kameň, žabí kameň*.

В Гемере, в большей части восточнословацких говоров и спорадически в центральной и западной Словакии распространены названия, мотивированные плоской формой этого камня. Эти названия образованы от имен прилагательных *plochý, ploský, tl'apkový, plytký*, например *plachác, plachák, plachúň; ploskán, ploskác, ploskáčik, ploskavec; tl'apa, tl'apka, tl'apkác; tl'apoš; plita, plitka* и т. д. Формой этого камня, его округлой и гладкой поверхностью мотивируются названия *kruh'ák* (от *okruhly*), *oblázok* (из первоначального *ob-hlazel*) и устойчивые словосочетания *hlatkí kameň, hlatká skala, šumní kameň, pekná skalka, rovní kameň, plitkí kameň*.

Звуком, который издает этот камень, если бросить его в воду так, чтобы плоская часть камня несколько раз коснулась поверхности воды, мотивируются названия, образованные от звукоподражательных корней *plesk, pl'ask* и *š'ap-, š'op-, č'ap-* (по мнению Махека, 1957, с. 506, эта звукоподражательная основа была характерна для обозначения хождения по грязи), например: *pleskáč (plskáč), pl'askáč, pl'aska; š'apkáč, š'apák, š'apka, š'apiar, š'apiarček, š'opa, š'opka; č'apa, č'apka*.

С этими же корнями мы встречаемся в названиях в форме устойчивых словосочетаний типа *pleskatí, pl'askí, pl'askati, bl'askatí, pl'acatí, š'l'apkatí, kl'apčistí, chlapčistí, tl'apkaví, tl'apkastí, t'apkaví, t'apkastí, dlačkatí kameň (kamenok, kameňek)*.

На округлость, гладкость этого камня указывает название *okruh'ák* (от слова *okruhly*) и *oblázak < obhlazel*) и устойчивые словосочетания типа *hlatkí kameň, pekná skalka, plitkí kameň* и т. п.

Из названий другого типа нами были обнаружены слова *opuka* ('отколотый камень', от глагола *pukat'*), *kalaška, šibra, skrižl'a, skrižielka* (ср. серб.-хорв., словин. *križati* 'резать'), известные в отдельных местах. В большом ареале Спisha, Шарisha и Земплина распространены формы *brila, brilka* (ср. польск. *bryła* 'груда, ком, тело').

Разнообразие формы, ее неопределенность является причиной диалектной лексической дифференциации также в других случаях, напр., при обозначении явлений природы и, особенно, понятий из области духовной культуры (абстрактные понятия, обозначения человеческих качеств и т. д.).

6. Причиной большой дифференцированности мог быть также страх перед чем-либо, что могло быть неблагоприятно для человека. Так, напр., страх перед вредным действием ядовитых грибов, некоторых растений и их плодов обусловил пеструю картину в названиях этих реалий. В качестве примера приведем названия травы, растущей в болотах и низинах и из-

вестной в литературном языке как *mliečnik* (*Euphorbia*, молочай). В словацком языке большая часть названий этой травы мотивируется тем, что она выделяет белый, как молоко, сок, из-за своего острого, неприятного вкуса и запаха считающийся вредным для человека и подходящим лишь для животных. Укажем также различные устойчивые словосочетания или однословные названия, связанные с названиями зверей и птиц, например а) *žaba*: *žabia* (*žabé*), *žabacie*, *žabečuo*, *žapské mlieko* (известны и однословные названия *žabečka* (*žabäčka*, *žabiar*, *žabínie*, *žabínče*); б) *pes*: *psie*, *psé*, *psuo*, *psacia*, *psouskuo*, *psovacie mlieko*; *sučie* (*suče*) *mlieko* от слова *suka* 'самка пса'; в) *vlk*: *vlčie* (*vlče*, *vilče*, *velče*) *mlieko*, *farkašovo mlieko* (от венг. *farkas* 'волк'); г) *had*: *hadie*, *had'uo*, *haze*, *hadžie*, *hadovo mlieko*; д) *koza*: *kozíe*, *kozacie mlieko*, *kozí mlič*. Известны также устойчивые словосочетания, возникшие метафорически, типа *kozia brada*, *kozacia brada*, и однословные названия типа *kozacina*, *kozák*, *kozička*, *kozica*; е) *mačka*: *mačie*, *mačacie mlieko*; ж) *kaňa* ('хищная птица'), *kanie*, *kaňuo mlieko*.

В словосочетаниях с относительными и видовыми именами прилагательными, связанными с названиями животных, дело, вероятно, не в семантической мотивации «растение с молоком, годным лишь для лягушки, собаки, волка, змеи и др. животных», а в выражении негативного, пренебрежительного отношения к этому растению посредством пейоративных имен прилагательных из области животного мира.

Негативное отношение человека к этому растению отражают также названия, связанные со словом *striga* 'ведьма', т. е. демоническое существо, характерное для мира зла. Это название *striže mlieko*, *stridžacie mlieko*, *striguo mlieko* (и однословные названия *stridžina*, *strigačina*) и устойчивые словосочетания метафорического характера типа *psovské hrozno*, *čerinkovo*, *kačie zelie*, *hadovo perie*, *psí chvost* и т. д.

На значительной территории распространены только однословные названия, образованные от слова *mlieko*, для которых также характерно большое фонетическое и словообразовательное разнообразие. Это формы и варианты типа *mlič* (*mleč*, *mléč*, *mliěš*), *mliěšť*, *mliěča*, *mléčie*, *mléči*, *mličé*, *mličnik* (*mlečnik*, *mličnik*, *mliěšník*, *mliěšník*, *mlejčnik*).

Интересен тот факт, что названия ядовитых грибов членятся гораздо сильнее, чем названия грибов съедобных, т. е. грибов, не опасных для человека. Характерно также, что общее название для съедобных грибов имеет относительно малую лексическую дифференциацию, в то время как дробность названий ядовитых грибов намного богаче.

7. С этой, так называемой максимальной диалектной дифференциацией мы столкнулись также в случае других явлений, которые оцениваются как негативные по отношению к человеку. Так обстоит дело, например, с названиями плохой погоды, резких ветров и различных метеорологических явлений, неблагоприятных для человека и хозяйства. Интересно, что явления природы, которые оцениваются как позитивные по отношению к человеку, обозначаются одним, двумя и очень редко тремя или более названиями. Так, например, для обозначения хорошей, солнечной летней погоды в словацких диалектах употребляется слово *chvil'a*, обычно в сочетании с именами прилагательными *pekný*, *dobrý*, *súci*: *pekná*, *dobrá*, *súca chvil'a*. Известны также сочетания *pekný*, *dobrý*, *súci čas*.

В то же время в обозначении плохой, неприятной погоды, с дождем и ветром, была обнаружена большая пестрота названий. На значительной северо-восточной территории Словакии употребляется слово *pl'uta* (ср. ляхск. *pl'uta*, польск. *pl'uta-plieskavica*, укр. *плютими*, лат. *pluere*; Махек, 1957, с. 379). В среднесловацких диалектах известно название *pl'ušt'* (*plúšt'*, *plušč'*, ср. также рус. *плющ*, укр. *плющ*, серб.-хорв. *pljúst*, полаб. *pläust'*, лит. *plúskos*; Фасмер III, 1974, с. 290—291). Для обо-

значения плохой, неблагоприятной погоды на части западнословацкой и среднесловацкой территории употребляется множество названий в форме устойчивых словосочетаний, особенно со словами *čas* и *chvíl'a*: *mrchaví čas* и *mrcha čas*, *planí čas* (*sás*), *psi čas*, *špatní čas*, *pl'uhaví* и *pl'uha čas*, *nečas*, *planá chvíl'a*, *britká chvíl'a*, *podlá chvíl'a*, *hnusná chvíl'a*, *zlá chvíl'a*, в отдельных местах *mrcha počasie*, *planuo počasie*, *psie počasie*, *zlé počasie*.

На большой территории распространены однословные названия типа *pl'uskavica*, *pl'askavica*, *pleskanica*, *šl'aputanka*, *zahibel'*, *pl'uhač*, *pl'uha*, *šl'uha*, *šl'uha*, *šl'uhavica*, *špluhač*, *špl'uhavina*, *šplechovica*, *šúdolica*, *šutorica*, *spúšť'*, *šurmija*, *húl'ava*, *šúrga*, *sichravica*, *šibava*, *šmárgavica*, *šmiargovica*, *prieskanina*, *šuhava*, *sekňa*, *sujeta*, *sekava*, *sekavica*, *psota*.

Многие из этих названий имеют пейоративный характер.

8. Очень яркую лексическую дифференциацию мы обнаружили в обозначениях быстрого вихревого движения ветра вокруг вертикальной оси с характерной воронкой поднимаемой при этом пыли. Кроме литературного слова *vir*, распространенного в среднесловацких диалектах, в части Тренчанской жупы (в западной Словакии) и в части восточнословацких диалектов (*vir*), в словацких диалектах встречаются названия, семантически мотивированные: а) круговым движением ветра; они образованы аа) от корня *krút*—*krut*; *krútnava*, *krútnava*, *krutnava*; в отдельных случаях *kruták*, *krútnavák*, *krutica*, *krutenica* (особенно в среднесловацких диалектах) и *zakrutina*, *zakrutka*, *krutilka* (в восточнословацких диалектах) и двухсловные и описательные названия типа *krútení víchor*, *zákrut prachu*, *prach sa krúti*, *vietor sa krúti* и *šarkan sa krúti* (*vrazica*, *striga*, *bosorka sa kruti*) в центральной и восточной Словакии; бб) от равнозначных глаголов, т. е. от глаголов с подобной семантической мотивацией, как, например, глаголы *točiť'*, *viť'*, в форме *točak*, *vivijašek*, *vivijaško*, *zavijak*, *zavijašek* (в восточнословацких, особенно в шаршских диалектах) и названия венгерского происхождения *forgov*, *forgovsej* (из венг. *forgószél*—*vir*, *vichor*, дословно — крутящийся ветер) и название *kolešnica* (от слова *kolo* и образно — *vretenica* (змея, скрученная в клубок);

б) поднятой при воздушном вихре пылью, например, *chumáč prachu*, *chlp prachu*, *prachová víchrica*, *prach sa kudlí* (спорадически во многих местах Словакии) и названия *kúr*, *kúrňava*, *kurneva*, *kúrňava* (в Гемере, от глагола *kúrit'* в значении *prášiť* 'пылить');

в) метафорически — от архаичных народных представлений о демоническом происхождении этого явления, а именно аа) *bosorka*, *bosorki* (в западной Словакии), *striga* (в центральной Словакии), в отдельных местах восточной Словакии *vražica*; *predpoudnica*, *planieta*, *rarášek* (в Загорье); бб) описательно *diablov tanec*, *čertovo kolo*, *diablovo žeňeňe*, *čert* и *diabol* (*d'ábel*, *diabel*) *sa žení*, *čerti sa ženía*, *bijú*, *naháňajú*, *strigi letia*, *tancujú*, *bijú sa*, *bosorki sa honia*, *krútia sa* и т. п.

г) названиями ветров иной силы и характера, например *víchrica*, *povíchrica*, *povícher*, *povetrica*, *poveternica*, *chumelica*, *pudivi vietor*, *zlívietor* (спорадически в отдельных местах Словакии);

д) другими названиями: *vretenica*, *šutor*, *šutorica*, *kanikula*, *virbel*.

В обозначении этого неблагоприятного для человека явления также наблюдается большое лексическое разнообразие, обусловленное различной семантической мотивацией из-за табу, желания заменить основное название другим, не называя предмет настоящим именем (Oberpfalzer, 1932, с. 404). Впрочем, отчетливость лексической дифференциации могла быть также связана с условием, указанным в пятом пункте. Дело в том, что это явление природы трудно определить с точки зрения формы. Воздушный вихрь обычно длится очень недолго, формы его разнообразны и

неуловимы. Неточность восприятия явления и его аморфность отражаются в описании этого явления природы посредством табу.

9. Богатое лексическое членение обнаружено нами и в других случаях, напр., при обозначении различных аномалий, отклонений от нормы (в биологическом или моральном отношении). Так, велика лексическая дифференциация названий неправильно развившихся детенышей коровы, свиньи или домашней птицы. Характерна, например, большая фонетическая, словообразовательная и лексическая дифференциация названий яйца без скорлупы, т. е. дефектного, лишённого известковой оболочки (тогда как для нормального яйца во всей Словакии существует одно название — *vajce/vajco*). В большей части словацких диалектов распространены формы, образованные а) от основы *skor-ub* (ср. чеш. *skořábka*, *skořepina*, рус. *скорлупа*, польск. *skorupa*, ниж.-лужиц. *skorpina*), аа) при помощи приставки *prez-*, *pres-* (в значении 'без-'), а именно *preškorúbok/-ek*, *prieškorúbok/-ek*, *prieškrupok*, *pries-klobok*. Распространены также другие варианты этого названия *preškorápek*, *preškarúpek*, *preškarlupok*, *preškarlúpek*, *preškarlúbek*, *preškorútek*, *preškorúpek*, *preškalúbek*, *preškalupek*, *preškolúbek*, *prieškarlupek*; б) с приставкой *bez-*: *beškarúbok*, *beškorúpok*, *beškrúpok*, *beškarúpok*, *beškorúpka* (*zš > š*). Эти формы трудно отнести к какой-то определенной области.

На большом пространстве Нитранской жупы распространены формы с приставками *o/d-*, *od-* и *po-*: *oškorúpek*, *oškorútek*, *oškoróbok*, *oškorúbek*, *oškorupek*, *ožgorútok*. В части западнословацких диалектов известна форма с приставкой *po-*: *poškorúbek*, в меньшей степени распространено *poškoriútok*, *poškrup* (<*podškrub*), *poškrupek*, *poškrup*.

Из примеров видно, что связь с первоначальной основой утратилась, и на нее указывает лишь географическое распространение отдельных вариантов.

На части территории Словакии, особенно в восточнословацких диалектах, для обозначения яйца без скорлупы распространены названия в форме устойчивых словосочетаний с согласованным и несогласованным определением, а именно *blaňie vajce*, *mákké vajce*, *viliate vajce*, *spustené (spuščene, pustené vajce)*, *vajce v blane*, *vajce v koži*, *vajce v mazdri*, *vajce v šupce*, *vajce v bielku*, *vajce bez škrupiny*, *vajce pres škampi*, *vajce v dedriji*. Из устойчивых словосочетаний развились также названия *blaňec* и *zliatok*.

Кроме того, все эти слова варьируются также фонетически, что увеличивает разноречие названий этой реалии.

10. Пеструю лексическую дифференциацию мы наблюдаем и у названий, относящихся к явлениям дефектного развития из области ботаники. В качестве примера приведем названия уродливого, деформированного в процессе роста плода сливы. Для названия этого явления встречаются:

а) названия с основой *grm-/ogrm-* в разных фонетических и словообразовательных вариантах: *grman*, *grmán*, *grmaň*, *grmáň*, *grmat*, *grmán*, *grmál'*, *grml'a*, *grmel*, *grmál*, *grmbál*, *grmanec*, *grmlák*, *grmbolec*, *grmalec*, *grmanie*, *grmačka* (в части западнословацких диалектов, в верхней Нитре, в Турце, Текове, Гонте и в западной части Зволенской жупы); *ogrmán*, *ogrmáň*, *ogrmál'*, *ogrmancec* (в части Тренчанской жупы, на Ораве, в Липтове и в некоторых других местах). Географическое распространение этих названий указывает на то, что с ними связаны также формы *karmán*, *karmán*, *karmat*, *kármat* (в Новограде и Гемере), *korman*, *kormán*, *kormanec* (в Кисуцах) и *kormoš* (в Гореграбне). Еще более отделились от основы *grm-* формы *groman*, *gurman*, *gremaň*, *gorbavec*, *zgrván*, *zgorbanec*, *žgrmbolec*, *bosrman*, *bosrmán*, *bosrmál*, *osrmanec*, распространенные вблизи от названий с корнем *grm-*.

б) другие названия, распространенные в разных местах (они известны как микролексицизмы в среднесловацких и западнословацких диалектах). Это названия *nepodarok* и *nepodarek*, *nezdarek*, *krpák* (Орава), *krpál* (Загорье), *zákrpok* (Зволен), *žabečka* (Крупина), *babica*, *babäčka* (Горегронье), *krkoška* (верхняя Нитра), *krkóska* (Новоград и Гемер), *rumpa*, *rump'l'a* (Загорье), *huol'ka* (Турец), *zakrpatená slivka* (Новоград, Гемер).

В отдельных местах распространены также названия *had*, *pankchart*, *zamršček*, *otradek*, *precek*, *zakovina*, *karč*, *zárastok*, *koribanka*, *kopún*, *trúd*, *kortuška*, *korikunda*.

В восточнословацких диалектах эти названия распространены чаще всего в словосочетаниях *planá*, *splanelá*, *spretá*, *zapretá*, *podla*, *zmorena*, *poħarčena*, *zopšarena*, *skameneta*, *nepodarena*, *zhñita*, *sucha*, *usušena*, *ñedozreta*, *zla*, *ñedobra*, *scvirkuta*, *jalova*, *kilava*, *zošurena*, *učurena*, *zakazena*, *zmorščen sl'ivka* (*slifika*).

В обширной области Спиша и части Шариша известно название *trud*, *truda*, *struda*, *otruda*. В отдельных местах восточной Словакии употребляются также названия *pšarka*, *pšarina*, *nedorostek*, *zakoščolka*, *zakoščouka*, *krivač*, *krivul'a*, *krivul'ka*, *plánka*, *poškrobok*, *klokočka*, *vakarka*, *karpel'*, *krtak*, *bocvan*, *capek*, *ñedoroda*, *kivka*.

Происхождение слова *grman* (*korman*, *ogрман*, ср. также чеш. *krmelec*, *krmolec*, *krmolek*) не совсем ясно (Machek, 1957, с. 117). Фонетические и словообразовательные варианты этого слова, так же как и большая лексическая дифференциация, ясно указывают на то, что перед нами названия особой реалии — аномального, дефектного плода сливы, который не употребляется в пищу.

Названия больного, деформированного плода явно контрастируют с названиями здорового, нормального плода сливы. В словацких диалектах почти на всей территории Словакии употребляется единое название *slivka*; лишь в южной части западнословацких диалектов в этом значении употребляется слово *trnka*.

10. В наших исследованиях было обнаружено, что названия рельефа в диалектах постоянны и не членятся с лексической точки зрения. Это такие названия, как *rovina*, *kopec*, *vrch*, *skala* (в значении 'скала'), *strán*, *dolina* и т. д. В то же время данные диалектов свидетельствуют о том, что места, возникшие вследствие стихийных бедствий — бурь, обвалов, наводнений, осыпей (из-за ливней, лавин), обозначаются множеством разнообразных названий, образованных от нескольких корней. В качестве примера мы приведем название крутого склона, где осыпалась почва после сильных длительных дождей. В словацких диалектах эти названия образуются а) от глаголов *viezt'* — *vozit' sa*: *úvozisko*, *úvezisko*, *uvezlisko*, *uvernisko*, *zvezisko*, *zvázisko*, *zvezlisko*, *zvezenisko*, *zvezenina*, *úvoz*, *úvez*, *úváz*; б) от глагола *prepadnúť sa*: *prepadlisko* (*prepalisko*), *prepadisko*, *prepadlisko*, *prepadlina*; в) от глагола *sypat' sa*: *zosip* (*zesip*), *usip*, *usipisko*; г) от глагола *trhať*: *trhlina* (*tarlina*), *strhlina*, *tržlina*, *utrhlisko*; д) от глагола *rvat'* в значении 'отрывать силой': *urval*, *urvisko* (*ulvisko*), *uverisko*, *urvalisko*, *urvalište*; е) от глагола *valiť* (корень *val-*): *zval*, *úval*, *uvalina*, *zavalina*, *zvalenina*, *zvalenisko*; ж) от основы *šuch-*: *šuchanica*, *zošuch*, *zošuchlina*; з) от глагола *ušustnúť sa*: *úšust* (*ošust*); и) от глаголов */zo/suť*, */zo/sunúť sa*: *zosun* (*zesun*), *zosuw*, *zesunek*, *zosunúť a*, *suť*, *suťina*. Лишь в отдельных местах встречаются названия, образованные от других основ: *úplzeň* (*opuzeň*), *úplzňa*, *šúver*, *úšmek*, *zošudina*. В некоторых случаях известны устойчивые словосочетания *zvezená zem*, *zosunutá zem*, *zošuchnutá zem*, *šmiknutá zem*, *zošudená zem*, *zbehnutí svah*, *zvlieknutí breh*.

Из примеров видно, что названия образованы в основном от глаголов, обозначающих движение, так как и место, на котором после длительного

дождя осыпалась почва, возникло от нежелательного сдвига почвы; земля в этом месте «*zviezla sa, uviezla*» или «*zosypala, usypala sa*» и «*prepadla*». Почва могла также *odtrhnúť sa, urvať sa* или *zosunúť sa*; наконец, она *zavánila* лежащее ниже место. На резкое движение вниз, т. е. быстрое и внезапное оползание почвы, указывают названия, образованные от глаголов *ušústnuť sa, zošuchnuť sa, zošudit' sa* ('внезапно сползти вниз').

Для всех названий, обозначающих осыпавшуюся почву на крутом склоне, характерно то, что они не образуют непрерывных ареалов. Исключение представляет лишь название *úšust*, типичное для Оравы, Липтова и Зволенской жупы, и название *zošuchlina*, распространенное в Гемере.

С яркой лексической дифференциацией в этом случае мы встречаемся прежде всего в зонах с богатым геоморфологическим членением, т. е. в западнославянских языках и языках Балканского полуострова. Для восточнославянских языков названия осыпавшейся почвы на крутом склоне не характерны.

Таким образом, мы установили некоторые явления, обусловившие дифференциацию лексики в диалектах словацкого языка. Причины диалектной дифференциации в различных языках неодинаковы, однако сведения из отдельных славянских языков могут помочь в освещении аналогичных вопросов и для других языков.

ЛИТЕРАТУРА

Dotazník pre výskum slovenských nárečí II. Zostavil A. H a b o v š t i a k (Lexikálna časť). Vydala Slovenská akadémia vied, Bratislava, 1964 (cyklostyl).

M a c h e k V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. 1. vyd. Nakladatelství CSAV. Praha, 1957.

M a c h e k V. Česká a slovenská jména rostlin. Nakladatelství CSAV. Praha, 1954.

O b e r p f a l z e r F. Jazykospyt. Nákladem jednoty českých filologů v Praze. 1932.

Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971.

СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙШИХ АКЦЕНТНЫХ ПАРАДИГМ
ВО ВТОРОМ ПОЛНОГЛАСИИ

В древнерусских текстах, как известно, вместо старославянских написаний типа *TRъT*, *TRьT* (из этимологических **TuRT*, **TiRT*) часто обнаруживаются написания с двумя редуцированными: *TъRъT*, *TъRьT* («глухое полногласие») ¹. Особенно это характерно для памятников северо-западного происхождения.

Считается, что под формами типа *стълъбъ*, *вьръхъ* скрывается либо контаминация древнерусского произношения и старославянского написания (П. А. Лавровский, В. Ягич, М. А. Колосов, М. М. Козловский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов), либо сочетание редуцированного со слоговым плавным (Н. ван Вейк, В. Н. Сидоров, В. С. Голышенко), либо живое диалектное произношение (А. И. Соболевский, Л. Л. Васильев, Н. П. Гринкова, В. М. Марков, В. В. Колесов, Ф. П. Филин).

Первая точка зрения была подвергнута критике в связи с тем, что во множестве примеров выявилась позиционная зависимость постановки второго *ъ* вопреки ожидаемому *ь*. Такая замена наблюдается, как правило, перед следующим твердым переднеязычным ², и о контаминации в этих случаях говорить трудно.

Вторая точка зрения вступает в противоречие с положением Н. С. Трубецкого о несовместимости в одной фонологической системе редуцированных гласных и слоговых сонорных ³. Материал живых языков до сих пор этого правила не опроверг, поэтому нет оснований делать исключение для мертвого древнерусского языка. Указывалось также, что причины слоговости, реконструируемой некоторыми авторами, остаются неясными, особенно на фоне новой структуры слова, когда закрытые слоги стали обычны и вполне допустимы ⁴. Ссылка В. С. Голышенко на то, что в рукописи Чудовского собрания № 12, где выдерживается традиция кончать

¹ Термин «глухое полногласие» использовал для древнерусских форм *TъRъT*, *TъRьT* Р. Брандт (Р. Б р а н д т. Лекции по истории русского языка. М., 1913, с. 115).

² Л. Л. В а с и л ь е в. Одно соображение в защиту написаний *ьръ*, *ьръ*, *ъръ*, *ълъ* древнерусских памятников, как действительных отражений второго полногласия. Журнал Министерства народного просвещения, 1909, август, с. 312; N. v a n W i j k. Les groupes *ъг*, *ьг*, *ъл*, *ьл* en slave commun et en russe. «Южнославянский филолог», XVIII, 1949, с. 43—44; В. М. М а р к о в. Особенности письма и языка Путьяниной мины. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Казань, 1960, с. 235; е г о ж е. К истории сочетаний редуцированных с плавными в русском языке. «Филологические науки», 1961, № 4, с. 119.

³ Н. С. Т р у б е ц к о й. Основы фонологии. М., 1960, с. 67—68, 207.

⁴ С. И. Ц ы б и н. Рефлексы сочетаний плавных с редуцированными в восточнославянских языках. Наук. зап. Днепропетровського державного ун-ту, т. 63. Мовознавство, Харків, 1958, с. 100.

строку гласной, в случае переноса предпочитается форма *ТъRъT*, а если попадаетея *ТъRT*, то перенос идет после плавного (*ТъR — T*)⁵, не доказывает вокалического характера плавного. Во-первых, в языках с открытой структурой слога возможны такие закрытые слоги, которые оканчиваются на сонорный: сочетание гласного с сонорным образует дифтонгическое сочетание и в фонологических системах такого типа не имеет значимости закрытого слога⁶. Во-вторых, предпочтение, которое писец оказывал формам *ТъRъT* в случае переноса, легко объяснимо: это позволяло, в соответствии с традицией, заканчивать строку гласной (ъ или ъ).

В связи с изложенным представляется, что правы те исследователи, которые видят в древнерусских написаниях с двумя редуцированными отражение живого произношения. А. И. Соболевский, впервые привлечший древнерусские нотные рукописи, показал, что нотные записи свидетельствуют в пользу фонетического, а не графического понимания вторых ъ, ѳ⁷. Фонетическую значимость имеют также надстрочные знаки (паерки), употреблявшиеся вместо одного из двух редуцированных⁸. В новгородских берестяных грамотах, не несущих на себе влияния старославянской письменности, имеется достаточно большое число двуеровых сочетаний, чтобы считать их живыми русскими формами. Наконец, по чисто теоретическим соображениям, исходя из принципа системности, мы не можем отрывать «глухое полногласие» от первого полногласия и игнорировать тождественность условий для того и другого.

Если, однако, признать формы *ТъRъT*, *ТъRъT* отражением живого диалектного произношения, естественно возникает вопрос, в каком отношении стоит «глухое полногласие» ко второму полногласию и почему второе полногласие развилось только в части русских диалектов.

Как известно, А. А. Шахматов, впервые представивший обширный материал по второму полногласию, отрицал связь его с древнерусскими написаниями типа *ТъRъT*, *ТъRъT*. По его мнению, второе полногласие — это следствие падения редуцированных. Оно возникло в закрытых слогах, в результате удлинения плавного перед шумным согласным. За счет долготы и слоговости плавного позже возникли между плавным и шумным новые гласные.

Критики теории А. А. Шахматова указывали, что она заключает в себе непримиримое противоречие: объясняет второе полногласие тенденцией избегать закрытые слоги именно в то время, когда они стали нормальным явлением (вследствие падения /ъ/, /ь/). «Второй после плавного согласный — о или е — не мог возникнуть из ничего, ему должно было что-то предшествовать, — пишет Ф. П. Филин. — Развиться как звуки, замещающие слоговость или долготу (по А. А. Шахматову, полудолготу) плавных, они не могли, так как действие тенденции к открытости слога после падения редуцированных в общем прекратилось. Не было в сочетаниях типа *ъгът и условий для аналогических выравниваний... Остается только одно: считать, что второму полногласию предшествовали сочетания

⁵ В. С. Г о л ы ш е н к о. Сочетания редуцированных с плавными в положении между согласными в корнях слов в памятниках XII века. Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемина, т. LXXIII, вып. 6. М., 1959, с. 272, 277—282; е е ж е. К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к *ъгът, *ъгът, *ъгът в древнерусском языке XII—XIII вв. «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., 1962, с. 23—25.

⁶ См. В. Д. А р а к и н. Мальгашский язык. М., 1963, с. 15; А. А. К о р о т к о в, Ю. В. Р о ж д е с т в е н с к и й, Г. П. С е р д ю ч е н к о, В. М. С о л н ц е в. Китайский язык. М., 1961, с. 16—20; Д. А. О л ь д е р о г г е. Язык хауса. Л., 1954, с. 18; Б. Х. Т о д а е в а. Дунсянский язык. М., 1961, с. 18; E. C. R o w l a n d s. A Grammar of Gambian Mandinka. London, 1959, s. 16.

⁷ А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. Киев, 1888, с. 27.

⁸ В. М. М а р к о в. К истории сочетаний..., с. 119—120.

типа **tъrъt*, возникшие так же, как и первое полногласие, и примерно в одно время с ним»⁹.

Но если по вопросу об отношении второго полногласия к «глухому полногласию» взгляды исследователей последнего времени более или менее совпадают, то причины нерегулярности второго полногласия и условия его появления остаются неясны. Одни слова часто встречаются в полногласной форме, от других (например, *волк*, *толст*, *долг*, *персть*, *скорбь*, *шерсть*) полногласных пар не обнаружено ни в говорах, ни в памятниках письменности. Было предложено несколько объяснений этой нерегулярности. В. М. Марков связывал задержку полногласия с омонимическим отталкиванием на примере *волк* — *волок*¹⁰, но ясно, что основная масса слов, у которых не существовало никаких омонимических пар, под такое объяснение не подводится. Н. П. Гринкова высказала предположение о влиянии согласных, следующих за плавным¹¹, но это допущение ничем не обосновала. В. В. Колесов объяснял нерегулярность процесса типом ударения¹², но не представил свою догадку в сравнительно-историческом освещении, с подробной акцентологической документацией, и потому, может быть, Ф. П. Филин счел его попытку неудачной¹³. Сам Ф. П. Филин связывает нерегулярность второго полногласия с историей каждого отдельного слова.

Для того, чтобы выяснить причины указанной нерегулярности, у нас есть только один путь: сопоставить списки слов, дающих полногласие, и слов, в которых при внешне идентичных условиях полногласие не обнаружено. При этом заведомо необходимо ограничиться словами непроезными, так как в производных исходные причины уже затемнены. Чаще всего второе полногласие обнаруживается в словах структуры *ТъRЪTъ*, в существительных *i*-основ, *o*-основ и *u*-основ. На основании диалектного материала и показаний памятников письменности получаем следующий список корневых слов, известных в полногласной форме: *столоб*, *верѣх*, *сереп*, *кором*, *ерѣш*, *гороб*, *холом*, *череф*, *дерен*, *чолон*, *перес(т)*, *горон*, *вереш*, *веревь* (часто встречающиеся); *желедь* 'тростинка', *жередь*, *жолочь*, *полок*, *терен*, *горость*, *жолон*, *молость*, *Пережь*, *полость*, *черень* 'дубовый лес', *шерешь* 'мёрзлая грязь, мелкий лед', *бороть*, *смереть*, *смерод* (редкие)¹⁴. Внешне эти слова по своей структуре ничем не отличаются, от слов, по каким-то причинам полногласия не получивших, ср. *вѣрхъ*, *стѣбъ*, *сѣрпъ* с одной стороны, и *вѣлкъ*, *дѣлгъ*, *шьрсть* с другой. Поэтому необходимо искать какие-то дополнительные данные, характеризующие ту и другую группу. В частности, такой дополнительной характеристикой является принадлежность каждого слова к той или иной акцентной парадигме. Для праславянского языка реконструируются три парадигмы: баритонированная, окситонированная и подвижная¹⁵. Как будет показано

⁹ Ф. П. Ф и л и н. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 212—213.

¹⁰ В. М. М а р к о в. Замечания о втором полногласии в русском языке. Уч. зап. Казанского пед. ин-та, вып. 15, 1958, с. 223.

¹¹ Н. П. Г р и н к о в а. О случаях второго полногласия в северо-западных диалектах. Тр. Ин-та русского языка АН СССР, т. II. М.—Л., 1950, с. 227.

¹² В. В. К о л е с о в. К исторической фонетике новгородских говоров (б закрытое, «новый» ять и цоканье в новгородских рукописях XI—XVI веков). АҚД. Л., 1962, с. 15; е г о ж е. Развитие второго полногласия в русских северо-западных говорах. Уч. зап. ЛГУ, 1963, № 322. Серия филологических наук, вып. 68, с. 151—155.

¹³ Ф. П. Ф и л и н. Там же, с. 217.

¹⁴ Наиболее обширный материал представлен в работах: А. А. Ш а х м а т о в. К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб., 1903; е г о ж е. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915; Н. П. Г р и н к о в а. Там же; В. В. К о л е с о в. Развитие второго полногласия...

¹⁵ С h r. S. S t a n g. Slavonic accentuation. Oslo, 1957; В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.

ниже, имена древнерусского языка, имевшие вид $T\check{r}RT\check{r}$ ($T\check{r}R\check{r}T\check{r}$), в подавляющем большинстве распределились между окситонированной и подвижной парадигмами. Отнесенность данного слова к конкретной парадигме определяется по показаниям русских диалектов и акцентуированных памятников, а также по показаниям других славянских языков. Ценные данные можно извлечь из акцентуации производных имен и глаголов. В настоящее время сравнительно-историческая акцентология располагает довольно большим набором акцентологических соответствий. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет использовать следующие приметы акцентных парадигм:

О к с и т о н и р о в а н н а я п а р а д и г м а

1. Наконечное ударение в ряде сербо-хорватских говоров¹⁶ и восточнославянских языках, за исключением тех форм, где произошла оттяжка ударения с конечных редуцированных или срединных циркумфлектированных долгот. В случае оттяжки ударения — рефлекс нового акута. В большинстве сербо-хорватских говоров новый акут отражен как нисходящая интонация, в чакавских и посавских говорах — как особая восходящая интонация. В словенском новый акут дал восходящую интонацию. Древняя окситонеза преобразовалась здесь в колонную баритонированную парадигму. Тот же процесс прошел в полабском, словинцском и болгарском. В болгарском в этом случае ударение на основе в членной форме. В западнославянских языках представлены рефлексы долготы под новоакутовой интонацией.

2. Накоренное ударение собирательных существительных на *-ъje*.

3. Нафлексивное ударение кратких прилагательных; накоренное ударение полных прилагательных; насуффиксальное ударение производных прилагательных с суффиксами *-ян-* и *-ов-*.

4. Рецессивная акцентная парадигма отыменных глаголов настоящего времени на *-iti* (ударение на корне, за исключением 1 л. ед. ч.).

5. Нет оттяжки на энклитики и проклитики.

П о д в и ж н а я п а р а д и г м а

1. Подвижность ударения между началом и концом слова (баритонированные формы в единственном числе, именительном, винительном множественного и двойственного). Сербо-хорватский и восточнославянские языки сохранили старую акцентную кривую, при этом в сербо-хорватском представлена нисходящая интонация. В словенском в односложных формах подвижной парадигмы — нисходящая интонация, в многосложных ударение перенесено на следующий слог. В им., вин. ед. ч. в сербо-хорватском и словенском краткий гласный закрытого слога удлинился. В болгарском ударение в членной форме — на последнем слоге. В западнославянских языках представлена краткость подударного слога.

2. Наконечное ударение собирательных существительных на *-ъje*.

3. Подвижное ударение кратких прилагательных; наконечное ударение полных прилагательных, а также производных с суффиксами *-ян-* и *-ов-*.

4. Наконечное ударение отыменных глаголов настоящего времени на *-iti*.

5. Перенос ударения на энклитики и проклитики.

¹⁶ В тех говорах, где наконечное ударение не сохранилось, оно может быть восстановлено с учетом оттяжки ударения.

Кроме перечисленных соответствий, некоторый свет на характер древних акцентных отношений может пролить сравнение с неславянским материалом, так как установлено, что индоевропейским подвижно-окситонированным именам соответствуют подвижные славянские, а индоевропейским баритонированным именам, в случае краткостного или циркумфлектированного корня — славянские окситонированные имена¹⁷.

Следует оговорить, что не всегда удается однозначно определить акцентную парадигму данного слова: во-первых, уже в древности могли быть диалектные различия, во-вторых, поздние процессы затемнили изначальные отношения. Особенно трудно установить исходную парадигму в *i*-основах: слова этой группы очень рано обобщили подвижный тип ударения. Учитывая процесс перехода окситонированных имен в подвижную парадигму, следует разделять старую и новую подвижность.

Из тех слов, которыми мы располагаем, к окситонированному типу можно отнести следующие: 1. *вѣрхъ*. Документация по этому слову хорошо представлена у В. М. Иллича-Свитыча: рус. *верха́, доверху, кверху* в памятниках XIV—XVIII вв.; укр. диал. *верх — верху́*; бел. диал. *верх — верхá*; схрв. диал. *vārx — varxā, vřh — vrhā, vř(h) — vř(h)a*, в литературном языке *vřx — vřxa*, ср. *от верха́* у Ю. Крижанича; чеш. диал. (моравск.) *vřch*; словин. *vjěrx* (Иллич-Свитыч, 145—146). К этому можно добавить предлог *повѣрхъ*, прилагательное *вѣрхний*, диал. *верхбвый* (Даль), польск. диал. *byrk, byrxa, byrxi* (Kusała, 29, 67, 203, 225). Лит. *viršus* в говорах имеет II акцентную парадигму, соответствующую индоевропейской баритонезе (Иллич-Свитыч, 62).

Вторичный переход слова в подвижную парадигму отражен в рус. *верх — вѣрха, поверху, дверху*; укр. *верх — вѣрху*; бел. *верх — вѣрху*; словен. *vřh*, болг. *вѣрхът*; слцк. *vřh*.

2. *гѣрбъ*. Восточнославянские факты указывают на окситонезу: рус. *горб — горба́*; укр. *горб — горба́*; бел. *горб — гарба́*; рус. диал. *горб — горба́* 'затылок, шея; верхняя часть спины у рубашки, платья, блузки', *горбы́* 'поклажа на спине' (СРНГ), *гѣрбкий* (Даль), глагол *гѣрбшиь(ся), гѣрбит(ся)*; нет оттяжки ударения на предлог (Колесов, 127).

В южнославянских языках акцентовка иная: словен. *grb*; болг. *гѣрбът*.

3. *гѣрнь*. Слово любопытно тем, что наряду с именем мужского рода в том же значении представлено имя среднего рода *горно́*. В. М. Иллич-Свитыч причисляет *гѣрнь* к подвижной парадигме (ср. *горн — гѣрна, горновѣй*, схрв. *grn — grna*), а *горно* — к окситонезе, на основании древнеиндийского *ghṛṇás* (Иллич-Свитыч, 112, 121). В. В. Колесов считает, что слово *гѣрнь* скорее можно отнести к окситонированной парадигме (Колесов, 112). Противоречие может быть снято, если вспомнить наблюдение Г. Хирта о переходе в ряде случаев индоевропейской *o*-основы среднего рода в образования мужского рода: безударное окончание *-om* изменилось в *-ъ*, тогда как подударное *-om* перешло в *-o*¹⁸. В таком случае славянское **гѣрнь* может восходить к индоевропейской баритонезе, дающей славянскую окситонезу, а **гѣрно* — к индоевропейской окситонезе. Наконечное ударение к слову *горн — горна́* дается у А. Г. Преображенского. Оттяжки ударения на предлог не наблюдается (Колесов, 127).

4. *гѣрсть*. Окситонированную парадигму *i*-основ можно установить косвенным путем, по показаниям лехитских диалектов и производных образований в русском языке. Отсутствие оттяжки на предлог для существ-

¹⁷ В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыч. К истории славянской системы акцентуационных парадигм. «Славянское языкознание». М., 1963, с. 74—85.

¹⁸ H. Hirt. Zu den slavischen Auslautgesetz. «Indogermanische Forschungen», Bd. II, 1893, S. 399.

вительных этой группы непоказательно, так как и подвижные имена с *i*-основой, как правило, не имеют оттяжки (Колесов, 75, 78).

Окситонезу слова *горсть* восстанавливаем по следующим соответствиям: польск. диал. *gąś* — *gąści* (Кусаля, 167); кашуб. *gōrsc*; словин. *gą'rc, -cā* (но схрв. *gr̄st* — *gr̄stui*; словен. *gr̄st*; слцк. *hrst'*).

5. *дърнѣ*. Сводными данными относительно склонения этого слова в памятниках и диалектах мы не располагаем, но прилагательное *дърновий*, бел. *дэрн* — *дэрнá*, словен. *dŕn* — *dŕna* и польск. диал. *dār* — *dārna* (Кусаля, 32) дают указания на окситонезу.

6. *жълчь*. В пользу древней окситонезы слова *жълчь* говорят кашуб. *żelc*, польск. диал. *żulc*, *żulci* (Колесов, 94), неподвижный акцентный тип и количество гласного в словинском: *žȳc, -cā*, прилагательное *жёлчный*, укр. *жобчний*. С древнерусским *зълчь*, вероятно, связаны афганск. *ziār*, ж. р. *ziāra*, др. инд. *hārita* 'желтый', которые дают индоевропейскую баритонезу (Дыбо¹, 70, 74). Схрв. *жуџ* — *жуџи*, слцк. *žlč* отражают подвижность.

7. *кърмѣ*. Парадигма существительного в старых текстах, по мнению В. Кипарского, соответствует подвижному типу (Kiparsky, 52). В. В. Колесов склонен причислять это слово к окситонезе (Колесов, 112, 121—122). Указания на окситонезу: местн. ед. *в корму*, им. мн. *кормы*, *корма*, тв. мн. *кормы*, нет оттяжки на предлог (Колесов, 115, 122, 127). О древней окситонезе говорят многочисленные показания производных: рус. *кормный* 'сытый, откормленный', *кормная* (*суббота*) (Даль), *кормовый* 'действующее лицо в свадебном поезде' (картошка СРНГ), формы настоящего времени глагола *кормить* (*кормишь*, *кормит*), с чем согласуются кашуб. *korm*, словен. *kŕmiti*, слцк. *kŕmit'*, *kŕmny*.

8. *пърстѣ*. Рус. *перст* — *перста*, *пёрстный* (Даль), нет оттяжки ударения на предлог (Колесов, 127), схрв. диал. *pŕst* — *pŕstā*; словен. диал. *pŕst* — *pŕstā*; болг. *pŕcŕtŕt*. Лит. *pĩŕštas* имеет II акцентную парадигму, отражающую индоевропейскую баритонезу (Иллич-Свитыч, 128). Возможно, что у этого слова параллельно существовал и другой тип акцентуации, ср. др. инд. (RV) *pŕŕŕhām* 'хребет', словен. *pŕst*, слцк. *pŕst*, рус. *пёрста*, *пёрсту* (см. Stang¹, 11, 15—18, 20; Колесов, 113, 116, 117, 123).

9. *пълкѣ*. Диалектное значение этого слова — 'гурьба'. К показаниям русского языка: *полк* — *полка* — можно добавить схрв. диал. *pŭk* — *pŭka* (Rječnik), хотя в литературном языке *pŭk* — *pŭka*. Окситонезу без всяких отклонений находим в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей», 1647 (Stang¹, 12, 14, 17). То же — в Чудовском новом завете (Колесов, 115, 117). Ударение на предлог не переносится (Колесов, 127).

10. *сърпѣ*. С показаниями русского языка: *серп* — *серпа*, отсутствие оттяжки на предлог (Колесов, 127), прилагательное *серповый* — согласуются укр. *серп* — *серпа*, бел. *серп* — *сярпа*, болг. *sŕpnŕt*, польск. диал. *šyrp* — *šyrpi* (Кусаля, 109) Отклонения от такого распределения дают схрв. *sŕp* — *sŕpa*, словен. *sŕp*, слцк. *sŕp*.

11. *стълбѣ*. Слово, дающее наибольшее число случаев со вторым полногласием¹⁹. На окситонезу в русском языке указывают парадигма слова (*столба*, *столбу*), отсутствие оттяжки ударения на предлог (Колесов, 127). Этому соответствуют показания укр. *стовп* — *стовпа*, схрв. *stŭp* — *stŭpa*, словен. *stŏlb* — *stŏlba*, слцк. *stŭp*, кашуб. *stŭ'p*. Отклонения от окситонезы: рус. *столбовой*, болг. *стълбѣт*.

12. *търнѣ*. Окситонеза прослеживается по укр. *терен* — *терну*, болг. *трѣнѣт*, чеш. диал. (валашск.) *tŕn*, слцк. *tŕñ*, схрв. *tĕrn* — *ternā*, *tŕn* — *trnā*, *tŕn* — *tŕna* (Иллич-Свитыч, 125), польск. диал. *tārñe*, *tārñi*

¹⁹ В. В. Колесов. Развитие второго полногласия..., с. 154.

(Kusała, 62), кашуб. *torń*, др. инд. *tṛṇat* 'трава' (RV). Окситонезу отражают также производные: др. русск. *тёрнье*, схрв. шток. *tṛnje*, чак. (Нови) *tṛni*, словен. *tṛnje*, слцк. *tṛnie* (Дыбо², 182), прилагательное *тернёвый*. Оттяжка на предлог отсутствует (Колесов, 127). Инновацией является акцентовка схрв. *tṛn* — *tṛna* (литературный язык, кайкавские говоры), равно как и русск. *тёрн* — *тёрна*, укр. *тёрен* — *тёрну*.

Недостаток материала не позволяет надёжно установить акцентную парадигму слов *ёрш* и *чернь*, но и у них, по-видимому, было окончательное ударение. Для слова *ёрш* на такую возможность указывает современная акцентовка: *ершá*, *ершú*, *ершóвый*, для слова *чернь* (в говорах означает 'дубовый лес') — акцентная характеристика производящего прилагательного: *чѣрен*, *черна́*, *черно́* (полное прилагательное *чѣрный*, *чѣрная*, *чѣрное*), схрв. диал. *čṛn*, *čṛna*, *čṛnđ*, словен. *čṛn*, *čṛna*, *čṛno* (Иллич-Свитыч, 143), слцк. *čiernu*, польск. диал. *czṛnu* (Kusała, 49, 166), кашуб. *czṛni*. Ср. также *чернёвый* (Даль).

В подвижную акцентную парадигму входят следующие слова:

1. *вѣлкѣ*. На подвижность указывают колонная баритонеза в ед. ч., им.—вин. мн.: *волк* — *во́лка*, *во́лки*, перенос ударения на предлог: *на́ волка*, *на́ волки*, также иноязычные параллели: укр. *воєк* — *вбоєка*: бел. *воўк* — *вбўка*; схрв. *ву̀к* — *ву́ка*; словен. *vòlk*; болг. *вѣлкѣт*; слцк. *vlk*, словин. *vòik* с краткостью (Иллич-Свитыч, 115). Славянская подвижность отклоняется от индоевропейской баритонезы: др. инд. *vṛkas*, др. греч. *λόκος*.

Новая окситонированная парадигма представлена в рус. диал. *волк* — *волка*, бел. *воўк* — *ваўка́*.

2. *дѣлгѣ*. Подвижность прослеживается по русским памятникам: *дблга*, *дблгу*, *пб долгу* и т. д. (Kiparsky, 51; Колесов, 183—189) и показаниям других славянских языков: бел. *доўг* — *дбўгу*; болг. *дѣлгѣт*; схрв. *дўг* — *дуга*; словен. *dòlg*, слцк. *dlh*. На подвижность указывает и прилагательное *дблжен*, *должна́*, *дблжно*, в полной форме *должно́й* (Васильев, 25), *долговб́й*.

3. *пѣрсть*. Рус. *персть* — *пѣрсти*; схрв. *pṛst* — *pṛсти*; словен. *pṛst* — *pṛstí*; болг. *пѣрстѣ́*; слцк. *prstʹ*.

4. *пѣлсть*. Подвижная парадигма слова устанавливается по рус. *полсть* — *пѣлсти*, укр. *повсть* — *пѣвсти*, словен. *pòlst* — *polstí*; слцк. *plstʹ*. Акцентовка прилагательных: рус. *полстеевб́й*, *полстьянб́й*, укр. *повстьянб́й* — соответствует парадигме производящего. На этом фоне схрв. *pṛst* представляет вторичным.

5. *пѣртѣ*. Бел. *порт* — *пѣрту*; рус. *портнб́й*; рус. диал. *портьянб́й*, *пратьянб́й*; укр. *портянб́й*; бел. *парцянб́й*; словен. диал. *pṛtén*, *pṛtēni*. Рус. диал. *портя́нный* вторично (Дыбо³, 17).

6. *скѣрбѣ*. Л. Л. Васильев причислял это слово к подвижной парадигме (Васильев, 38). Указания на подвижность: схрв. *skrṁb* — *скрѣби*; словен. *skrṁb* — *skrbí*; в среднеболгарских текстах: *скрѣбѣ ли* (им. ед., ПС, № 309, 323а), *и скрѣбѣ* (вин. ед., Поуч. Ис. Сир. 5б), *вѣ скрѣби* (там же, 208а), *скрѣбьмъ* (там же, 41а, 44б), *от скрѣбеи* (там же, 46а). В. В. Колесов приводит случаи оттяжки на предлог, встреченные им в русских текстах: *на́ скорбѣ* (вин. ед., Колесов, 74), *на́ скорби* (вин. мн., Колесов, 85). Правда, эти случаи немногочисленны, в Чудовском новом завете в соседстве с энклитиками и проклитиками слово *скорбѣ* имеет ударение на корне (ЧНЗ, 23³, 62³, 73³, 111¹), однако, как уже отмечалось выше, у *i*-основ, имеющих в корне редуцированный с плавным, случаи оттяжки вообще редки. Ударение род. мн. обычно *скорбѣи* (Колесов, 87). С подвижной парадигмой слова согласуются прилагательное *скорбѣй* (Даль) и формы настоящего времени глагола *скорбитѣ*.

7. *тѣврдѣ*, *твѣрдѣ*. Рус. диал. *твердб́й*, *твердѣя*, *твердѣе* (СГСРПО); др. русск. *твѣрдо* (ЧНЗ, 74³). В украинских памятниках XVI—XVIII вв.

преобладает ударение на флексии (Веселовська, 219). Подвижность хорошо прослеживается также по болгарским текстам (Дыбо⁴, 72, 88; Дыбо⁶, 69, 74). Польск. диал. *tjardã, trjardo* (Kusała, 46); схрв. *tърд*; слцк. *tvrđy, tvrđ*.

8. *шёрсть*. Рус. *шерсть* — *шёрсти, но шерсти* (Обнорский, I, 316), бел. *шарстэй* (Колесов, 87); словен. *sřst* — *srsti*; слцк. *srst'*; польск. диал. *šerć* — *šerći* (Kusała, 75); прилагательные *шерстяной, шерстевой* (Даль); укр. *шерсткий*; в глаголе *шерстить* — нафлексивное ударение.

Ряд слов дает колебания между разными парадигмами:

1. *бъртъ*. Из письменных памятников известны формы *бъртей, бъртми* (Колесов, 86, 87), что может отражать либо окситонезу, либо баритонезу. Такое же указание дает прилагательное *бъртный* (Даль). Однако рус. *бортяной, укр. бортяний*.

2. *вървь*. Подвижность отражена в *вервяной*, словен. *vřv* — *vrvi, vrvjě*, рус. диал. *веревной* (СРНГ). Но есть и данные, говорящие в пользу окситонезы: *вёрвный* (Даль), *вёрвё, ёревный* (СРНГ), *вервяный* (Нордстет).

3. *жърдь*. Отражение подвижности парадигмы находим в существительном *жердьё*, прилагательных *жердевой, жердяной*, укр. *жердяний*, в показаниях словенского (*žřd* — *žrdi*) и словацкого (*žrd'*) языков. Однако польск. диал. *zyrc* (Kusała, 113) соответствует окситонированной парадигме.

4. *смъртъ*. Показания славянских языков противоречивы, ср. схрв. *smřt*; словен. *smřt* и *smřt*; болг. *смърттã*; слцк. *smrt'*; польск. диал. *šmerć* — *šmerći* (Kusała, 165). Словинцкий дает указания на окситонезу: *smřerc, -cã*. Среднеболгарское *въ смъртъ* (Дыбо⁶, 184) также может говорить о древней окситонированной парадигме. В русских памятниках — акцентологически неясные варианты, ср. *от смертъ* (ЧНЗ, 142³), *до смърти* (ЧНЗ, 128⁴, 149³), *и смрт* (вин. ед., ЧНЗ, 54¹), *смрътю* (ЧНЗ, 9²). Ср. также прилагательное *смъртный*.

5. *търгъ*. На основании таких старых русских форм как *торгã, торгъ, от торгъ, до торгъ, по торгъ* можно отнести *търгъ* к окситонированной парадигме (Stang², 81, Хазагеров, 86). На окситонезу указывают и прилагательные *торговый, торжный* (Даль). Однако рус. *торг* — *торга*, укр. *торг* — *торга*, схрв. *třg* — *třga*, слцк. *trh* дают другой ряд соответствий, который типичен для подвижной парадигмы (см. Иллич-Свитыч, 143). Ср. у Ю. Крижанича: *nã torgi, torgõw, tõrgi* (Пол., 21).

6. *хълмъ*. На основании схрв. *xřm* — *xřma*, словен. *hõtm* — *hõtma*, русск. *холм* — *холмã* можно говорить о древней окситонезе. Против этого возражает В. Кипарский, считая, что церковные тексты знают только ударение на основе (Kiparsky, 77). Однако в материале, представленном В. В. Колесовым, находим и признаки окситонированной парадигмы: нет оттяжки на предлог (Колесов, 127, 153), в дат. местн. ед. обычно ударение на флексии (Колесов, 121, 115).

7. *чълнь*. Это слово ведет себя в разных говорах по-разному: в одних оно изменяется по окситонированному типу, в других — по подвижному (Колесов, 138). Двойное ударение и в литературных источниках (Булаховский, 183). Окситонезу представляют укр. *човен* — *човнã*, бел. *човен* — *човнã*, кашуб. *čõłn*. В сербо-хорватском, словенском и словацком — подвижность: схрв. *čun* — *čũa*; словен. *čõln*; слцк. *čln*.

8. *чървь*. В русских памятниках представлены оба типа акцентуации, ср. *червя, в том червя* (Колесов, 176), но *чървя, чървьми* (Kiparsky, 87). В пользу окситонезы говорят русск. диал. *червяной* (СГСРПО), польск. диал. *cyrf* — *cyrvu* (Kusała, 127), а также др. инд. *křmis* 'червь, личинка' и литовская (по диалектам) смешанная парадигма *kirmis*, род. п. *kĩrmies*, указывающая на первоначальную баритонезу (Иллич-Свитыч, 61). В

южнославянской области — подвижность: схрв. *цѣв* — *цѣва*; словен. *čŕv* — *čŕvalčŕvā*.

Для некоторых слов структуры *ТъRТъ* не удалось собрать убедительной акцентологической документации, в том числе для полногласных *жолон*, *молость*, *шерешь*, *желедь*, *верешь*, *смерод*. Но если отбросить неясные случаи и сопоставить акцентологические характеристики слов со списком полногласных форм, то окажется, что все существительные окситонированной парадигмы (*верх*, *горб*, *горн*, *горсть*, *дѣрн*, *желчь*, *корм*, *перст*, *полж*, *серп*, *столб*, *терн*) входят в список слов со вторым полногласием. С другой стороны, существительные подвижной акцентной парадигмы (*волк*, *долг*, *персть*, *порт*, *скорбь*, *твердь*, *шерсть*) не дают полногласных форм. Во всем списке полногласие обнаружено только у слова *полсть*. Те полногласные слова, документация по которым спорна, могли иметь, хотя бы в качестве варианта, окончное ударение (*ѣриш*, *холм*, *червь*, *чѣлн*, *вервь*, *жердь*, *чернь*, *борть*, *смерть*).

Из этого сопоставления следует, что полногласие закономерно развивалось в существительных окситонированной акцентной парадигмы, имевших древнее ударение на конечном редуцированном: *стѣльбѣ*, *вѣрьхъ* и т. д. Наоборот, в существительных подвижной акцентной парадигмы ударение было на корне: *вѣлькѣ*, *дѣльгѣ* (ударение на первом редуцированном как отражение старой циркумфлексной интонации). В период падения редуцированных у окситонированных имен происходила оттяжка ударения с конечного слога на предыдущий: *столѣб*, *корѣм*, *серѣп*, *полѣк* и т. д. Появление такого ударения А. А. Шахматов объяснял влиянием сходных образований: *глотѣк* — *глотѣка*, *катѣк* — *катѣка*, откуда *столѣб* — *столба*²⁰. В. М. Марков недавно высказал мысль, что здесь отразились спорадические перетяжки акцента с первого слога, ослаблявшегося при усилении второго²¹. Но, как было показано выше, в окситонированных словах появление ударенного второго слога оказывается вполне закономерным.

Перетяжка ударения со слабого редуцированного создавала в новоударенном слоге особую новоаккутовую интонацию. По наблюдениям В. В. Колесова, в древнерусском новоаккутовые формы парадигмы были сильными формами: существовала тенденция обобщать по ним всю парадигму²². Поэтому полногласие обнаруживается и в открытых слогах, где по фонетическим причинам его быть не должно: *короми*, *терену* и т. д.

Так как второй редуцированный в словах типа *ТъRъТъ* был сильный и к тому же новоаккутовый, первый редуцированный слова должен был выпасть: ожидается **врех*, **стлоб*, **срп*. Однако формы им.-вин. п. сталкивались со значительным числом форм, где редуцированный закономерно вокализировался: *вѣрьха* > *верха*, *вѣрьху* > *верху* и т. д. При выравнивании корня и в им.-вин. получались *верех*, *столоб*, *сереп*.

В существительных подвижной парадигмы, имевших структуру *ТъRъТъ*, ударение искони было накоренным. Поэтому при ослаблении и падении конечных редуцированных здесь не возникло новоаккутовых форм. В косвенных падежах парадигмы второй редуцированный при плавном закономерно ослаблялся: *скѣр(ъ)би*, *скѣр(ъ)бьмѣ* и т. д. Под влиянием косвенных падежей и при ударении на первом редуцированном в языке генерализовались формы типа *полсть*, *скорбь*.

Иной была судьба «глухого полногласия» в несевверных диалектах древнерусского языка. Как показали исследования В. М. Маркова²³, появле-

²⁰ А. А. Шахматов. Очерк..., с. 222.

²¹ В. М. Марков. Замечания..., с. 222.

²² В. В. Колесов. История русского ударения. Л., 1972, с. 158, 225.

²³ В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964, и др.

ние неэтимологических редуцированных в позиции рядом с сонорным столкнулось со встречной тенденцией раннего ослабления исконных /ъ/, /ь/ именно в этой позиции. Некоторые памятники, сохраняющие буквы ъ, ь в таких образованиях, как *весе, зьло, тья*, опускают их в таких словах, как *вѣрный, мирный*²⁴. Написания типа *вѣрный, мирный* характерны для памятников, где обычно -ьр- в корнях структуры ТъRT- (*първый, върхъ*). Если же в памятнике по преимуществу используются написания -ръ-, опущение этимологического еря за плавным, как правило, отсутствует. Из этого В. М. Марков делает вывод, что образования типа *вѣрный* и типа *чърный* в фонетическом отношении оказались сходными. Иными словами, неэтимологические /ъ/, /ь/ в *върхъ, стълъбъ* скорее были факультативными звуками, чем равноправными фонемами языка, как в северо-западных говорах. Начавшееся к тому времени ослабление редуцированных рядом с плавными задержало их на уровне таких «неорганических» факультативных звуков, которые возникли в словах *болѣзнь, огнь, къзнь, ветрь, капль*. На их сходство указывает обозначение тех и других одинаковым надстрочным знаком (две точки) в ряде русских памятников²⁵. Однако наличия этого факультативного звука оказалось достаточно для вокализации предыдущего редуцированного. Вот почему в Ефремовской Кормчей, где нет еще *о, е* на месте сильных /ъ/, /ь/, имеется вокализация в сочетаниях с плавными: *волнениа, съвершиша, въздержатель*, — факт, вызвавший недоумение у С. П. Обнорского²⁶.

Следствие раннего ослабления /ъ/, /ь/ за плавным в период падения конечных редуцированных уже не было вокализации в направлении *столб, верех*. Этому способствовала и другая важнейшая причина: перестройка акцентологической системы языка. Как показал анализ древнерусских памятников²⁷, оппозиция окситонированной и подвижной парадигмы была нарушена (рано у *i*-основ, позже у *о*-основ), в результате чего окситонированные имена теряли колумнальное наконечное ударение.

Особых замечаний требуют прилагательные структуры ТъRTъ. Помимо приведенных выше окситонированных *чърнь* и *твърдъ*, необходимо еще упомянуть *жълтъ, гърдъ, тълстъ, дългъ* и *пълнь*. Русским *жёлт, желтъ, желто* (Словарь 1847) соответствуют схрв. *жѹт, жѹта, жѹто*. У полного прилагательного — накоренное ударение. В. Кипарский приводит фамилию *Желтбе* (Kiparsky, 265). На основании этих данных относим *жълтъ* к окситонированной парадигме. *Гърдъ* и *тълстъ* имеют характеристики подвижного типа. Рус. *горд, горда, гордо, гордой* (Даль); схрв. *gŕd*, словен. *gŕd*. В пользу подвижности говорит и глагол: *гордийшь(ся)*. *Тлст, тлста, тблсто* (полное *толстбй*), глагол *толстйшь*. *Дългъ* и *пълнь* относят обычно к баритонированной парадигме. Рус. *дблгий, дблгая, дблгое*; схрв. *дѹг, дѹга, дѹго*; лтш. *ilgs*; др. инд. *dirghás*. Рус. *пблный, пблная, пблное*; схрв. *пѹн, пѹна, пѹно*; лтш. *piŕns*; др. инд. *pŕiŕás*. Все эти прилагательные не дают полногласия. Слова *чѣрен, долог* и *пслон* не являются полногласными формами, так как ударение в них только на первом слоге. Здесь, видимо, произошла вокализация «неорганического» редуцированного, как в словах *огонь* или *ветер*. То же самое относится к редкой, но все же отмеченной в северо-западных говорах форме *полость* из существительного подвижной парадигмы *пълсть*. Отсутствие полногласия даже в окситониро-

²⁴ В. М. Марков. К истории сочетаний..., с. 121.

²⁵ В. К. Машет. О природе написаний типа *върхъ, вър'хъ, търъгъ, тър'гъ, вълкъ, въл'къ* и других в древнейших рукописях древнерусской письменности. Уч. зап. Каршинского пед. ин-та, вып. 3, 1959, с. 70—76.

²⁶ С. П. Обнорский. О языке Ефремовской Кормчей XII века. «Исследования по русскому языку», т. III, вып. I. СПб., 1912, с. 46, 47.

²⁷ В. В. Колесов. История... †

ванных *жълтъ*, *чьрнь*, *твърдь* можно объяснить двумя причинами: вытеснением кратких форм полными и влиянием прилагательных женского и среднего рода, не имевших редуцированного в конце слова.

Подводя итог, можно сказать следующее: 1) традиционная «метатеза плавных» в древнерусской области выглядела как развитие полногласия в корнях обоих типов: *TeRT*, *ToRT* и *TiRT*, *TuRT*. Первые дали так называемое первое полногласие, вторые — «глухое полногласие». Оба процесса обнаруживают структурный параллелизм и являются одинаково древними; 2) развитие «глухого полногласия» рано столкнулось со встречной тенденцией ослабления редуцированных в позиции после плавного сонорного. Только в северо-западных говорах формы с «глухим полногласием» стали таким же нормальным явлением языка, как формы с первым полногласием; 3) естественным продолжением «глухого полногласия» является второе полногласие северо-западных говоров²⁸. Оно возникло в результате взаимодействия двух факторов: длительного сохранения редуцированных как самостоятельных фонем языка и акцентологической оппозиции окситонеза — подвижность. Окситонезу вплоть до падения редуцированных сохраняли (как и в соседних лехитских говорах) даже имена *i*-основ, которые в большинстве славянских говоров перешли в подвижную парадигму. Второе полногласие в суффиксальных образованиях развивалось, по видимому, двумя путями: фонетически, в соответствующей позиции, и в результате словообразования от полногласной формы именительного падежа.

Условные сокращения

- Булаховский Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.
- Васильев Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука *o* в великорусском наречии. Л., 1929.
- Веселовська З. М. Веселовська. Про деякі особливості наголосу прикметників української мови кінця XVI — початку XVIII століть. «Питання історичного розвитку української мови». Харків, 1962.
- Даль В. И. Даль. Толковый словарь. М., 1935.
- Дыбо¹ В. А. Дыбо. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. «Балто-славянские исследования». М., 1974.
- Дыбо² В. А. Дыбо. Акцентология и словообразование в славянском. «Славянское языкознание». VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.
- Дыбо³ В. А. Дыбо. К вопросу об ударении производных прилагательных в праславянском (прилагательные с суффиксом AN). «Зборник за филологију и лингвистику», кн. XIV/1. Нови Сад, 1971.
- Дыбо⁴ В. А. Дыбо. Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения. «Вопросы языкознания», 1969, № 3.
- Дыбо⁵ В. А. Дыбо. Фрагмент праславянской акцентной системы. «Советское славяноведение», 1968, № 6.
- Дыбо⁶ В. А. Дыбо. Материалы по исторической акцентологии болгарского языка. «Известия на Института за български език», кн. XXII.
- Иллич-Свитыч В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. М., 1963.
- Колесов В. В. Колесов. История русского ударения. Л., 1972.
- Нордстетт В. В. Колесов и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстеттом. СПб., 1780—1782.

²⁸ В научной литературе «глухое полногласие» часто смешивается со вторым полногласием и объединяется с ним под одним общим названием. Хотелось бы, однако, подчеркнуть принципиальное различие этих явлений, которые возникли в разное время и относятся друг к другу как причина и следствие, причем «глухое полногласие» было лишь одной из причин появления второго полногласия, а сфера его распространения — гораздо шире.

- Обнорский, I С. П. О б н о р с к и й. Именное склонение в современном русском языке, вып. I. Л., 1972.
- ОСГКО Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
- Пол. Ю р и й К р и ж а н и ч. Политика. М., 1965.
- Поуч. Ис. Сир. Поучения Исаака Сирина, западноболгарская рукопись 1381 г.—Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 304, № 172.
- ПС, № 309 Псалтырь, среднеболгарская рукопись XIV в.—Всесоюзная государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 304, № 309.
- СГСРПО Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
- Словарь 1847 Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук, т. IV. СПб., 1847.
- СРНГ Словарь русских народных говоров. М.—Л., 1965.
- Хазагеров Т. Г. Х а з а г е р о в. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.
- ЧНЗ Новый Завет господ нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, Митрополита Московского и всея Руси (фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского). М., 1892.
- Kiparsky V. K i p a r s k y. Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962.
- Kucała M. K u c a ł a. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich, Wrocław, 1957.
- Rječnik Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio 1—20. Zagreb, 1880.
- RV Н. G r a s s m a n n Wörterbuch zum Rig-Veda. 3 Aufl. Wiesbaden, 1955.
- Stang¹ Chr. S. S t a n g. La langue du livre. «Учение и хитрость патнаго строения пехотных людей 1647».
- Une monographie linguistique. «Skrifter utgitt av Det Norske Videnskapsakademie i Oslo», 1952. 1 Bind, № 1.
- Stang² Chr. S. S t a n g. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.

СООБЩЕНИЯ

В. И. ВОРОНКОВ

ПСЛ-«ВЫЗВОЛЕНЕ» И ПОЛЬСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1921 ГОДА

В ноябре 1918 г. в условиях революционного подъема, возникшего в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, борьба польского народа за национальную независимость увенчалась успехом. Польское государство складывалось как буржуазное государство, обремененное многими феодальными пережитками. Его конституирование происходило в обстановке напряженной борьбы демократических сил против имущих классов, стремившихся сохранить свое классовое господство.

Важную роль в этой борьбе сыграло ПСЛ-«Вызволене» — польская крестьянская партия, выражавшая в основном интересы средних слоев крестьян.

Впервые конституционные принципы ПСЛ-«Вызволене» были определены в программе партии, принятой в 1916 г. «Выдвигая перед собой цель — достижение независимости Польши, — указывалось в программе, — ПСЛ будет стремиться к тому, чтобы в польском государстве была принята широкая и демократическая конституция, отдающая в руки народа всю законодательную власть...». Партия выдвигала требования демократических свобод, «равенства всех граждан перед законом», проведения всеобщих, равных, тайных и прямых выборов в будущий польский сейм, обеспечения крестьянству соответствующего представительства в сейме и в исполнительной власти государства, а также широкого самоуправления¹. Как видно, эти весьма общие программные установки не выходили за рамки буржуазно-демократических преобразований. Главная цель — завоевание независимости — отодвигала на второй план детальную разработку будущего основного закона.

7 ноября 1918 г. в Люблине было создано первое польское правительство. В него вошли представители ППС и ПСЛ-«Вызволене»². В изданном им «Манифесте к польскому народу»³ объявлялось, что до момента созыва учредительного сейма оно берет целиком и полностью власть в свои руки, но дело социально-экономических и политических преобразований передаст парламенту, избранному на основе всеобщего, равного, прямого, пропорционального и тайного голосования лицами как мужского, так и женского пола, достигшими 21 года. В «Манифесте» декретировалось введение

¹ «Materiały źródłowe do historii polskiego ruchu ludowego», t. I. Warszawa, 1966, s. 422—423.

² ПСЛ-«Вызволене» было представлено четырьмя министрами: Б. Столярским, Т. Ночницким, Ю. Понятовским и С. Тугуттом.

³ «Манифест к польскому народу» был написан лидером ПСЛ-«Вызволене» С. Тугуттом и деятелем ППС Т. Головко и по главным вопросам политического устройства и социально-экономических реформ был идентичен с «Дополнениями к программе ПСЛ в Королевстве Польском от 1916 года», принятыми на съезде партии, проходившем 1—2 ноября 1918 г. в Варшаве. A. A j n e n k i e I. Spór o model parlamentaryzmu polskiego do roku 1926. Warszawa, 1972, s. 65.

в стране республиканского строя, равноправия всех граждан независимо от происхождения и вероисповедания, свободы совести, печати, собраний, демонстраций, создания политических организаций. Правительство брало на себя обязательство внести на рассмотрение будущего сейма проекты социально-экономических реформ: национализации некоторых отраслей промышленности и части крупных земельных владений, принудительной экспроприации крупной и средней земельной собственности «с последующей передачей ее под контролем государства в руки трудящихся масс деревни». В «Манифесте» указывалось на необходимость создания в стране широкого территориального самоуправления⁴.

Люблинское правительство, возникшее на волне революционного подъема, провозгласило широкою программу буржуазно-демократических преобразований. Однако лидеры партий, входивших в правительство, не допускали даже мысли о немедленном и революционном решении вопросов государственного устройства и тешили себя надеждой, что избранный демократическим способом парламент с участием буржуазных партий сможет провести такого рода преобразования.

Люблинское правительство просуществовало 10 дней. 17 ноября в Варшаве был сформирован новый кабинет во главе с членом ППС Е. Морачевским. Это правительство одной из своих главных задач считало подготовку и проведение выборов в учредительный сейм. 16 января 1919 г. после попытки правых совершить государственный переворот правительство Морачевского ушло в отставку. «Отставка правительства в данный момент должна была оказать отрицательные последствия на ход дальнейшей избирательной кампании левых партий, а особенно на шансы их в выборах. Это произвело впечатление капитуляции»⁵. И действительно, выборы в сейм, проведенные 26 января 1919 г. более правым правительством И. Падеревского, не оправдали надежд левых партий, в том числе и ПСЛ-«Вызволене». Оно получило в сейме лишь 56 мест. Всего партии парламентской левой и левого центра имели 154 депутатских мандата, а правые буржуазные партии и партии правого центра — 146 голосов. 6 апреля 1919 г., т. е. еще до начала дискуссии по конституционному законопроекту, сейм пополнился 113 депутатами от некоторых областей Западной Галиции, Познаньщины и Поморья (частично избранными, частично автоматически включенными в состав сейма, как бывшие депутаты парламентов Германии и Австро-Венгрии). Подавляющее их большинство принадлежало к эндееци и близким к ней группировкам. Надежды на принятие демократической конституции в версии ПСЛ-«Вызволене» или даже общего законопроекта левых партий при такой расстановке политических сил были ничтожны, можно было лишь попытаться выторговать кое-какие уступки со стороны правого большинства.

Учредительный сейм был призван решить две основные задачи: выработать закон об аграрной реформе и принять конституцию. Для подготовки проекта конституции 14 февраля была создана парламентская комиссия (30 депутатов); ПСЛ-«Вызволене» было представлено в ней 5 депутатами. Вице-председателем комиссии и фактическим ее руководителем⁶ стал «вызволенец» М. Ратай, что несколько укрепляло позицию левых сил в комиссии.

20 февраля 1919 г. на 3-м заседании сейма был принят закон о временной организации высших государственных органов (так называемая Малая

⁴ «Wyzwolenie», 1918, № 46, s. 407.

⁵ A. P r ó c h n i k. Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej. Warszawa, 1957, s. 44.

⁶ M. R a t a j. Pamiętniki, Warszawa, 1965, s. 50.

конституция). В стране «учреждалась система парламентского правления в его наиболее крайней форме, так как сейму подчинялись и правительство, и глава государства»⁷.

В мае 1919 г. в Конституционную комиссию поступили проекты конституции, представленные политическими партиями и отдельными депутатами. «Различия между представленными проектами были значительными. Все они, однако, исходили из факта существования в Польше республиканского устройства, все они, за исключением проекта Бузека, предусматривали введение парламентской системы правления. Различия проявлялись в определении принципов взаимоотношений государственных органов по вопросу устройства парламента, в способе избрания главы государства и его правах и обязанностях по отношению к законодательному органу»⁸.

Если левые партии стремились как можно шире привлечь народные массы в условиях парламентской системы к управлению страной (единая, основанная на всеобщем, прямом, равном, тайном и пропорциональном голосовании система представительства в государственных органах всех уровней, широкое и независимое самоуправление), то правые пытались ограничить влияние рабочего класса и крестьянства на деятельность государственных органов учреждением недемократически сконструированной верхней палаты парламента, отстранить их от непосредственного участия в выборе главы государства, ограничить местные органы решением только локальных вопросов и подчинить их жесткому контролю со стороны вышестоящих властей. Дискуссия по поступившим в комиссию проектам конституции началась 3 ноября 1919 г. в связи с представлением сейму правительственного законопроекта.

Проект конституции, представленный ПСЛ-«Вызволене», был написан Т. Загорским, членом масонской ложи, поэтому как отмечает Л. Хайн, «в нем мы находим много формулировок героической эпохи масонских конвентов»⁹. Отсюда — архаичный язык документа, сглаженные формулировки требований «вызволенцев», прикрытые общими рассуждениями о всеобщем благе и справедливости для всех. В нем содержались принципы государственного устройства, основанные на трех постулатах крестьянского движения: «земля — народу», «власть — народу», «просвещение — народу».

Основой производственных отношений, по мнению ПСЛ-«Вызволене», должна была стать частная собственность на средства производства, однако «если собственность чрезмерная, сосредоточенная в одних руках, становится в противоречие с всеобщим правом на собственность, Республика имеет право ее ограничить, передавая ее во владение объединениям граждан или проводя ее раздел. Последнее особенно будет касаться сельскохозяйственного производства...»¹⁰. Таким образом, государство могло вмешиваться в сферу социально-экономических отношений и заниматься распределением национального богатства. Размеры допустимой собственности должны были определяться количеством вносимого каждым гражданином труда (отношение к собственности как к «рабочему месту»), а государство было бы обязано обеспечить «всеобщее право граждан на труд», включая сюда опеку над безработными и защиту наемного труда от эксплуатации. Вопрос вознаграждения владельцев экспроприированной

⁷ M. Pietrzak. Rządy parlamentarne w Polsce 1919—1926. Warszawa, 1969.

⁸ A. Ajnenkiel. Ibid., s. 218.

⁹ L. Hajn. Wolnomularstwo w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1974.

¹⁰ Sejm Ustawodawczy RP. Druki (далее — SURP. Druki). 1919—1921. Druk 443, s. 3.

собственности вообще не ставился. «Возможность широкого вмешательства государства, предусмотренная в проекте конституции ПСЛ-«Вызволене», в результате которой должен был произойти раздел крупной частной собственности, был новым и дотоле не встречавшимся постулатом крестьянских партий. Принцип, согласно которому не владелец, а государство решало вопрос о разделе собственности, далеко отходит от типичных конструкций права собственности при капитализме и противоречит постулату неприкосновенности собственности. Принятие такого положения несомненно было попыткой защититься перед концентрацией крупной собственности в одних руках и связанными с этим отрицательными последствиями»¹¹. Таким образом ПСЛ-«Вызволене» предусматривало замену крупной частной собственности собственностью объединений граждан, т. е. кооперативной.

Взгляды ПСЛ-«Вызволене» на основные социально-экономические вопросы претерпели в течение короткого отрезка времени существенные изменения. Если в манифесте люблинского правительства речь шла о национализации некоторых видов крупной частной собственности, то в проекте конституции лозунг национализации заменялся постулатом создания кооперативной собственности. Это было обусловлено спадом революционной волны и поражением левых партий при выборах в сейм. В проекте ПСЛ-«Вызволене» имеется и ряд противоречий: при признании всеобщего права на труд допускалось сохранение армии безработных; принцип частной собственности противостоял экспроприации без соответствующего вознаграждения и др.

Основной социально-экономической единицей общества ПСЛ-«Вызволене» считало «здоровое крестьянское хозяйство», имеющее хозяйственную самостоятельность и связи с рынком¹². Такие крестьянские хозяйства должны были стать экономической опорой политической системы народо-властия¹³, лапидарно выраженной в лозунге «власть — народу». Предусматривалось образование республики с широкой системой демократических свобод. Высшим законодательным органом должен был стать однопалатный сейм, являющийся «представительством народа» и избираемый на три года всеобщим, равным, тайным, прямым и пропорциональным голосованием всех граждан, достигших 21 года. Сейм утверждал бы законопроекты, которые мог представить «каждый гражданин», при этом новый закон вступал бы в силу лишь по прошествии одного месяца после его принятия, в течение которого народ мог бы потребовать повторного рассмотрения его сеймом или передачи его на референдум в соответствии с волей 500 тыс. граждан. К функциям сейма относилось бы «формирование правительства республики», ответственное перед ним, выдвижение кандидатуры на пост высшего представителя государственной власти, утверждение государственного бюджета¹⁴. Глава государства избирался бы на тех же принципах, что и сейм, сроком на шесть лет¹⁵. Высшие органы

¹¹ E. Kulwicki. *Koncepcje społeczno-ekonomiczne ruchu ludowego w latach 1918—1939*. Warszawa, 1971, s. 101.

¹² *Sprawozdania stenograficzne z posiedzenia Sejmu Ustawodawczego RP* (далее — SURP, *Sprawozdania*), 1919—1921, 44 posiedzenie 1919, I. 37.

¹³ «Народовластие — это правление трудящихся, к которым относятся крестьянство, рабочие, творческая интеллигенция, т. е. трудовая Польша... Это власть в руках народа, власть, добытая путем выборов». Народовластие — это прежде всего деятельность народа. Эта деятельность должна была проявляться в активном участии в жизни гмин, земельных комиссий и т. д., т. е. там, «где только появятся возможности деятельности на благо народа, где она принесет пользу обществу и экономике Польши». «*Wyzwolenie*», 1921, № 1.

¹⁴ SURP, *Druki*, № 443, s. 4.

¹⁵ *Ibid*, s. 5.

законодательной и исполнительной власти, по проекту конституции ПСЛ-«Вызволене», должны были опираться в своей деятельности на широкое независимое территориальное самоуправление, основой которого была бы гмина во главе с сеймиком как органом местной законодательной власти и исполняющим власть войтом с подчиненным ему аппаратом чиновников. Эти должности замещались представителями народа, «избираемыми прямым и равным голосованием»¹⁶. Таким образом органы власти всех уровней были бы выборными и народ имел право активного контроля за их деятельностью. «Создание государственной администрации на принципах территориального самоуправления представляло более широкие возможности крестьянским партиям в борьбе за завоевание большинства в парламенте»¹⁷.

В области просвещения ПСЛ-«Вызволене» требовало введения всеобщего начального образования, бесплатного обучения во всех государственных учебных заведениях и быстрого расширения их сети. Проект предусматривал «обеспечение учащимся условий для реализации права каждого человека в области образования». Помощь учащимся должно было оказывать государство.

Проект конституции в редакции ПСЛ-«Вызволене» был одним из примеров наиболее полного решения политических и экономических задач в рамках буржуазно-демократических преобразований. Однако этот довольно радикальный проект не был принят за основу обсуждения конституционной комиссией.

В сейме в ходе борьбы по вопросу аграрной реформы произошли существенные изменения в расстановке политических сил. Имея в виду сильное сопротивление правых, стремившихся воспрепятствовать проведению земельной реформы, крестьянские партии объединили свои усилия в парламенте. 25 июня 1919 г. возник сеймовый блок депутатов ПСЛ-«Вызволене» и ПСЛ-«Пяст», к которому 1 августа присоединилась часть Польского народного объединения (Польске зъєдночене людове — близкая к национальной демократии группировка), а в октябре — ПСЛ-«левица». Объединенный клуб принял название Польске стронництво людове (Польская крестьянская партия). В нем преобладало умеренное крыло крестьянского движения, стремившееся путем компромиссов с эндецией и близкими ей политическими группами добиться хотя бы частичного осуществления своих требований.

В ноябре 1919 г. в результате компромисса между Национально-народным объединением (Народове зъєдночене людове — группа, близкая эндеции), христианскими демократами и Зъєдноченем мешаньским, с одной стороны, и объединенным клубом ПСЛ, с другой, было создано коалиционное правительство во главе с Л. Скульским. Суть компромисса заключалась в том, что «правые уступили в вопросе аграрной реформы, согласившись с принципами, принятыми в июле, ПСЛ уступило в вопросе конституции»¹⁸. Правительство внесло свой проект конституции в комиссию, который по согласению партий должен был быть поддержан большинством членов комиссии. Представленный проект предусматривал создание двухпалатного парламента; верхняя палата — сенат — частично избиралась бы сеймом, а частично комплектовалась бы путем включения высших чиновников территориального самоуправления, католической иерархии, ректоров крупнейших университетов и др. Глава государства — президент избирался бы на семь лет Национальным собранием (на совместном

¹⁶ Ibid., s. 2—3.

¹⁷ A. Ł u c z a k. Samorząd terytorialny w programach i działalności stronnictw ludowych, Warszawa, 1973, s. 57.

¹⁸ M. R a t a j. Ibid., s. 61.

заседании сейма и сената). Сейм значительно ограничивался в своей деятельности сенатом и президентом. Территориальное самоуправление передавалось под строгий контроль высших государственных органов власти¹⁹.

Правительственный законопроект значительно сужал возможность участия народных масс в управлении государством, поэтому Главный совет ПСЛ-«Вызволене» 15 декабря 1919 г. решил выйти из объединенного ПСЛ и образовать свой отдельный клуб в сейме под прежним названием. Группа ПСЛ-«Вызволене» в сейме теперь насчитывала 23 депутата (остальные депутаты остались в объединенном клубе) и практически не могла рассчитывать на осуществление своих прежних программных требований²⁰. Лидеры ПСЛ-«Вызволене» развернули широкую агитационную деятельность вне стен парламента, добиваясь создания однопалатного парламента. М. Ратай писал: «Не брезгующая никакими средствами и аргументами агитация левых партий, особенно „Вызволене“, за однопалатность сейма создала такую атмосферу в деревне, особенно на территории бывшего Королевства Польского, такое давление общественного мнения, что это повлияло на изменение позиции нашего клуба (объединенного ПСЛ.— В. В.), который не хотел потерять своего влияния в деревне. Это было нарушением пакта, заключенного с клубом Скульского — Дубановича»²¹.

В результате большинство в конституционной комиссии, основанное на шатком компромиссе, развалилось. М. Ратай, подчиняясь решениям правления ПСЛ от 2—3 июня 1920 г. об обязательной поддержке требования однопалатного сейма всеми членами ПСЛ, после того, как конституционная комиссия новым большинством²² приняла решение о двухпалатном парламенте, сложил с себя функции руководителя комиссии. В решающий момент, за неделю до передачи на обсуждение в сейме проектов конституции, комиссию возглавил Дубанович, представитель правого Национально-народного объединения.

ПСЛ-«Вызволене» в период голосования по проекту правоцентристского большинства в комиссии выдвинуло 24 самостоятельные и совместные с другими левыми партиями поправки²³.

Понимая невозможность включения в конституционный закон своих положений, ПСЛ-«Вызволене» пыталось изменить проект большинства в духе своих взглядов. Прежде всего оно добивалось исключения из документа статьи об учреждении сената, предоставления права законодательной инициативы «непосредственно гражданам Польской республики, которые имеют активное избирательное право, если какое-либо из предложений поддерживается как минимум 100 000 граждан» (ст. 10 законопроекта большинства сохраняла это право только за сеймом и правительством), а также ограничения срока деятельности парламента с пяти до трех лет, «чтобы депутаты, которые избираются для выражения воли и чаяний народа, чаще могли сменяться, чтобы они чаще считались с тем, чего хочет народ». В поправке ПСЛ-«Вызволене» к статье 39 о порядке выбора главы государства предусматривалось его избрание на тех же принципах, что и сейма, в противовес принятому большинством положению о выборе его на совместном заседании сейма и сената. ПСЛ-«Вызволене» добивалось так-

¹⁹ A. A j n e n k i e l. Ibid., s. 223.

²⁰ «Wyzwolenie», 1920, № 3, s. 25.

²¹ M. R a t a j. Ibid., s. 70.

²² Новое большинство составили: Народно-национальный союз (Звѣзек людово-народовы), Национально-народное объединение (Народове зъедночене людове), Мещанское объединение (Зъедночене мешаньске), христианские демократы и Клуб конституционной работы. A. A j n e n k i e l. Ibid., s. 225.

²³ SURP, Druki, № 1883.

же гласной деятельности всех государственных органов, чтобы обеспечить контроль общественного мнения за ними (поправка к ст. 69).

Все эти предложения были отклонены правым большинством конституционной комиссии, была также отвергнута поправка ПСЛ-«Вызволене» о том, что «по прошествии года со дня установления границ государства первый раз, а затем каждые 10 лет постановления данного закона могут быть изменены сеймом обычным большинством голосов». В статье 131 законопроекта предусматривалась возможность первого изменения конституции лишь по прошествии 10 лет и при поддержке не менее чем 50 % депутатов Национального собрания или по предложению $\frac{2}{3}$ депутатов верхней палаты.

Позиция ПСЛ-«Вызволене» в конституционной комиссии оказала существенное влияние на развитие крестьянского движения. Раскол, происшедший в объединенном крестьянском клубе в результате соглашения ПСЛ с правыми партиями, лишил ПСЛ-«Вызволене» возможности отстаивать свои требования. С другой стороны, его твердая позиция, занятая по вопросу об однопалатном парламенте, вновь усилила интеграционные процессы в крестьянском движении.

6 июня 1920 г. состоялся съезд ПСЛ-«Вызволене», в котором приняло участие несколько тысяч человек. Съезд высказался за создание однопалатного парламента, за принятие такой конституции, при которой «большинство народа, т. е. трудящиеся массы города и деревни были бы соответственно своему положению представлены в государственном управлении», он требовал, чтобы конституция обеспечила широкое и независимое самоуправление, «опирающееся в своей деятельности только на конституцию, свободное от произвола государственных органов», «чтобы конституция гарантировала польскому народу полную гражданскую свободу, возможность получения широкого образования, чтобы в соответствии с конституцией деятельность исполнительных органов была подчинена сейму и сеймикам и соответствовала принимаемым последними решениям»²⁴.

Дискуссия по проекту конституции в сейме началась 8 июля 1920 г. и продолжалась (с перерывом в несколько месяцев, связанным с ходом польско-советской войны) до 17 марта 1921 г. ПСЛ-«Вызволене» попыталось даже изъять вопрос о принятии конституции из компетенции сейма, потребовало его роспуска и немедленного проведения новых выборов, в которых падеялось укрепить свои позиции и затем реализовать свои постулаты²⁵. Когда же и это предложение было отклонено право-центристским большинством сейма, партия обратилась ко всем представленным в парламенте левым силам с предложением объединить свои усилия в борьбе за демократизацию конституционного законопроекта. По многим вопросам парламентская левая выступила единым фронтом, что заставило правых отступить от первоначальных намерений. ПСЛ-«Вызволене» и другие крестьянские партии требовали образования однопалатного сейма, «потому что всякая надстройка над однопалатным сеймом будет соответствовать определенному привилегированному классу населения, который будет стремиться к тому, чтобы установить контроль над деятельностью сейма», а лишь он «является выразителем воли всего народа»²⁶. Однако правым партиям удалось большинством в семь голосов провести решение об учреждении верхней палаты — сената. Депутаты ПСЛ-«Вызволене» демонстративно не участвовали в голосовании по этому пункту конституции «как противоречащему принципу народовластия» и покинули зал заседаний²⁷.

²⁴ «Wyzwolenie», № 21, 1920, s. 234.

²⁵ SURP, Sprawozdania. 184 posiedzenie, 1920, I. 38.

²⁶ Ibid., 167 posiedzenie, 1920, I. 28.

²⁷ Ibid., 203 posiedzenie, 1921, I. 67.

Этот демарш и сплоченность парламентской левой по столь важному вопросу государственного устройства заставили правых пойти на некоторые уступки. Будущий сенат целиком избирался по тем же самым принципам, что и сейм, лишь возрастной ценз избирателей поднимался с 21 года до 30 лет²⁸.

Бурные дебаты вызвал вопрос о выборе и полномочиях президента страны. Согласно взглядам лидеров ПСЛ-«Вызволене» глава государства «выражает также (как и сейм. — В. В.) мнение народа». Эти два высших представительства государственной власти взаимно дополняют и контролируют друг друга²⁹. Это достигалось бы, если и президент и сейм избирались на общих демократических принципах всем народом³⁰; кандидатура президента выдвигалась сеймом³¹; президент мог распустить сейм или по предложению $\frac{1}{3}$ его депутатов, или путем народного плебисцита³². Однако правые партии, боясь потерять свое влияние при таком решении вопроса, в противовес выдвинули принцип выбора президента на общем собрании сейма и сената (Национальным собранием) и опять незначительным большинством голосов провели эту статью в своей редакции.

Острые столкновения по этому положению конституции были связаны с политической ситуацией в стране. ПСЛ-«Вызволене» и другие левые партии стремились обеспечить победу в борьбе за пост главы государства Ю. Пилсудскому³³, миф о котором, как о выразителе интересов трудящихся масс, был очень распространен среди большей части населения и старательно поддерживался мелкобуржуазными партиями. С его помощью надеялись реализовать свои требования. Поэтому при закреплении в конституции предлагаемого ПСЛ-«Вызволене» принципа выборности президента Ю. Пилсудский имел реальные возможности обеспечить себе этот пост. Основные политические противники лагеря Пилсудского — национальные демократы понимали это и стремились ограничить влияние народных масс при выборе президента. Принцип выбора главы государства Национальным собранием давал им большие возможности в этом отношении.

Не удалось ПСЛ-«Вызволене» отстоять и принцип независимости местного самоуправления от центральной государственной власти. Статья 67 конституции гласила, что «право решения вопросов, входящих в сферу деятельности самоуправления, предоставляется выборным советам», однако под руководством назначаемого государством чиновника³⁴. Вырвалось еще одно важное звено системы народовластия, отстаиваемой ПСЛ-«Вызволене».

В области социально-экономических отношений принятая конституция практически сводила на нет принятый в 1920 г. «Закон о проведении аграрной реформы». Статья 99 объявляла частную собственность неприкосновенной и допускала ее ограничение только при условии справедливого вознаграждения, и если такой акт принесет «пользу всем»³⁵. А без проведения радикальной аграрной реформы крестьянство не могло стать, по мнению ПСЛ-«Вызволене», главным экономическим двигателем прогресса общества. В польской деревне продолжало господствовать помещичье хозяйство.

²⁸ K. W. K u m a n i e c k i. Odbudowa państwowości polskiej. Warszawa — Kraków, 1924, s. 511.

²⁹ SURP, Sprawozdania. 217 posiedzenie, 1921, l. 47.

³⁰ Ibid., l. 46.

³¹ Ibid., 174 posiedzenie, 1920, l. 11

³² Ibid., 217 posiedzenie, 1921, l. 47.

³³ A. A j n e n k i e l. Ibid., s. 236.

³⁴ K. W. K u m a n i e c k i. Ibid., s. 514—515.

³⁵ Ibid., s. 518.

Лишь в области народного образования ПСЛ-«Вызволене» полностью реализовало свои программные принципы. Обучение в государственных учебных заведениях объявлялось бесплатным (ст. 119), начальная школа признавалась обязательной для всех граждан³⁶. Практически единогласно была принята статья 109 конституции, формально провозглашающая право «каждого гражданина на сохранение своей национальности, своего языка и своей культуры»³⁷.

Исходным пунктом воззрений идеологов ПСЛ-«Вызволене» был рост роли крестьянства в сфере сельскохозяйственного производства, возрастание его политической и социальной активности. По мнению ПСЛ-«Вызволене», конституция должна была расчистить дорогу для нового общественного строя, в котором мелкое и среднее крестьянское хозяйство и кооперативная собственность стали бы экономической основой политического могущества трудящихся города и деревни. Суть конституционных принципов в редакции ПСЛ-«Вызволене» сводилась к уничтожению класса помещиков, т. е. к решению задачи буржуазно-демократических преобразований. Однако идеологи ПСЛ-«Вызволене», считая крестьян ведущей силой социального прогресса, неправильно оценивали роль крестьянства. Они полагали, что в условиях буржуазного строя крестьянство, как самый многочисленный класс общества, займет соответствующее место в представительных органах государства и осуществит демократические реформы. ПСЛ-«Вызволене» в обстановке революционного подъема выступило с утопическим лозунгом единства интересов всего польского общества, нашедшим свое конкретное выражение в созыве учредительного сейма, где вопреки их ожиданиям большинство, а вместе с тем и все шансы реализации своих основных принципов политико-экономического устройства Польши, оказались у правых партий.

При всем этом борьба ПСЛ-«Вызволене» за демократическую конституцию имела существенное значение. В условиях ожесточенной полемики в сейме ПСЛ-«Вызволене» не раз обращалось к народным массам за поддержкой своих требований. Оно отказалось участвовать в заключительном голосовании по проекту конституции, заявив: «Поставленный на голосование проект конституции явно нарушает волю трудящихся масс, т. к. предусматривает учреждение сената, лишает народ права выбора главы государства, не создает широких основ самоуправления... Именно поэтому мы вынуждены голосовать против утверждения данного законопроекта»³⁸.

Результаты борьбы ПСЛ-«Вызволене» и других левых партий в сейме выразились в том, что польская конституция 1921 г. была одной из самых демократических в капиталистическом мире в межвоенный период.

³⁶ Ibid., s. 520.

³⁷ Ibid., s. 518.

³⁸ SURP, Sprawozdania. 221 posiedzenie, 1921, t. 6.

В. В. ЗЕЛЕНИН, И. И. КОСТЮШКО

«ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ» КРЕПОСТНОГО ПРАВА И ЕВРОПЕЙСКИЙ РЫНОК¹

Вопросы экономического или социально-экономического развития, его общие черты и особенности в отдельных регионах и странах Европы в XIII—XVIII вв. представляют большой научный интерес. Поэтому заслуживают одобрения инициатива и усилия организаторов конференции, работа которой несомненно будет способствовать развитию исследований в этой области.

Нам кажется нечеткой формулировка проблемы, поставленной на конференции. Разделяя мнение проф. А. Н. Чистозвонова, мы полагаем также, что «развитость и слаборазвитость» в социально-экономическом отношении должны рассматриваться как историческая категория. Явления этого порядка определяются конкретными условиями, в которых реализуются общие закономерности исторического процесса. При поступательном движении человеческого общества, обусловленном развитием производства материальных благ, в антагонистических общественно-экономических формациях имеют место и застои, и регресс, и другие подобные явления.

Неравномерность развития отдельных районов или областей страны, отдельных стран и регионов обнаруживается в рамках одной и той же общественно-экономической формации. Еще более усиливаются различия между странами и регионами с разнотипным общественно-экономическим строем. Необходимо при этом отметить, что неравномерное развитие в одних случаях является независимым, в других — связанным, в третьих — обусловленным.

Пользуясь понятиями «развитость и слаборазвитость» с указанными оговорками, мы хотели бы здесь кратко остановиться на рыночных связях в XVI — первой половине XVIII в. между странами западного, восточного и юго-восточного регионов Европы (за некоторым исключением), на связях, в которых отразились существенные различия в социально-экономическом развитии этих регионов. Данная проблема привлекала внимание многих историков-экономистов, и ими уже немало сделано для ее изучения. Однако она остается еще недостаточно разработанной. В связи с этим хотелось бы высказать некоторые соображения.

Как известно, в XVI в. начинается эра капитализма. Утверждение капиталистической формации в Нидерландах (конец XVI в.), в Англии (середина XVII в.), а затем и в других странах Западной Европы означало

¹ Доклад, прочитанный 10 апреля 1978 г. на научной конференции в Международном институте экономической истории «Ф. Дати» в Прато (Италия).

существенный прогресс в общественном развитии и имело не только локальное и региональное, но и общеевропейское и мировое значение.

В отличие от Западной Европы, где крепостная зависимость крестьян, связанная преимущественно с денежной рентой, в основном была упразднена в XIII—XV вв., в северо-восточной Германии в XVI в. складывается фольварочно-барщинная система хозяйства, сопровождавшаяся суровыми формами крепостничества. Эта система получила наименование «второго издания» крепостного права. Ее предпосылкой были экономические процессы, важную роль в ее становлении играло насилие. Во «втором издании» крепостного права проявились диалектика исторического развития, противоречивый характер действительного прогресса и явления общественного регресса. Такие же или подобные черты имела и фольварочно-или поместно-барщинная система хозяйства, сложившаяся в XVI—XVII вв. в Польше, восточной Прибалтике, Чехии, Венгрии.

Если на первых порах или в отдельных странах в некоторые периоды существование фольварочно-барщинного хозяйства обуславливалось прежде всего или главным образом внутренними факторами, то широкое распространение этой системы хозяйства в дальнейшем несомненно было связано с запросами внешнего рынка.

В странах Западной Европы, вступивших на путь капиталистического развития, ускорился процесс общественного разделения труда, происходил быстрый рост городов, промышленного производства и торговли. Эти социально-экономические сдвиги вызвали устойчивый и растущий спрос на продовольствие и сельскохозяйственное сырье. Внутренние ресурсы, однако, не удовлетворяли этого спроса, и в орбиту капиталистического рынка вовлекались соседние и отдаленные страны.

Утверждавшийся на Западе капитализм в своих интересах использовал и социально-экономическую систему, существовавшую в восточном регионе (северо-восточная Германия, Польша, восточная Прибалтика). Более того, капитализм определял масштабы и характер рыночных связей западных стран с этим регионом, консервировал или стимулировал в нем общественно-экономические процессы, приспособлял их к своим потребностям. С развитием капитализма связано и возникновение восточнее Эльбы крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян.

Связи и взаимодействие в экономическом отношении двух регионов Европы — западного, где развивался капитализм, и восточного, где сохранялся и ужесточался феодальный строй, — осуществлялись главным образом посредством торговли между ними. В рассматриваемое время торговля между западным и восточным регионами значительно расширяется. Вместе с тем изменяется и ее характер по сравнению с предшествующим периодом.

В Нидерландах с конца XVI в. ускоряется развитие капиталистической мануфактуры. Особенно большие масштабы в XVII в. приобретают производство текстильных товаров и судостроение. Располагая самым большим торговым флотом, Нидерланды в это время играют ведущую роль и в посреднической торговле. Они являлись образцовой капиталистической страной XVII столетия. Быстрыми темпами развивалась и экономика Англии. Ее промышленное производство, торговля и флот за период 1660—1680 гг. увеличиваются более чем вдвое². В конце XVII в. Англия выдвигается на первое место в Европе по промышленному производству, а затем — и по торговле.

² «Всемирная история», т. V, М., 1956, с. 72.

Капиталистическая мануфактура, удовлетворяя потребности внутреннего рынка, в значительной мере ориентировалась на экспорт. Важным условием развития мануфактуры являлась реализация ее изделий на внешнем рынке.

Нидерланды и Англия поставляли в страны, расположенные восточнее Эльбы, большое количество собственных изделий, а также товаров, произведенных в других странах западного региона и привозимых из колоний. В Польшу ввозились дешевые нидерландские и английские ткани, дорогое тонкое полотно из прирейнских областей, Фландрии и Нидерландов. В 1565 г. и в 1575 г. в Гданьск было привезено свыше 8000 кусков тканей³. Из Нидерландов в страны Прибалтики в 1596 г. было доставлено 1853, в 1618 — 26 999, в 1636 г. — 70 285 кусков тканей. По количеству привезенных тканей в Нарву в 1677 г. первое место занимала Англия, в 1696 г. на втором месте после Любека находился Амстердам⁴.

С Запада в Польшу привозились в большом или значительном количестве морская рыба (особенно сельдь), соль, фаянсовые, стеклянные и металлические изделия, вино, сахар, пряности, предметы роскоши⁵. В начале XVIII в. в Польшу было ввезено товаров на 45 млн. злотых, в том числе вина на 15 млн, пряностей и предметов роскоши почти на 18 млн. злотых⁶. Польша и другие страны восточного региона получали с Запада главным образом потребительские товары, удовлетворявшие запросы преимущественно господствующего класса. Структура импорта оставалась в основном феодальной.

Что же касается экспорта этих стран, то его структура уже определялась потребностями общеевропейского рынка. При этом цены на вывозимые товары устанавливались на биржах Амстердама и Лондона.

С развитием городов, промышленного производства и торговли в Западной Европе возрастал спрос на хлеб и другие продукты сельского хозяйства. Потребности в этих продуктах в определенной мере удовлетворялись за счет их ввоза из восточного региона, в связи с чем в странах восточнее Эльбы происходил рост цен на зерно, связанный и с тогдашней «революцией цен». Во второй половине XVI в. быстро росли цены на хлеб в северо-восточной Германии⁷. В Гданьске, через который вывозилось зерно из Польши на запад, цена ржи с 1497 по 1564 г. увеличилась в пять раз⁸. В Чехии цена пшеницы, ржи и овса возросла в два раза в течение второй половины XVI в.⁹

Это побуждало помещиков к расширению фольварочно-барщинного хозяйства. Зерно, производимое в помещичьем хозяйстве, вывозилось в Западную Европу. Значительное количество его поступало из северо-восточной Германии через Любек¹⁰. Вывоз зерна, главным образом ржи, через Гданьск в конце XV в. составлял несколько тысяч ластов, во второй половине XVI в. — 40—50 тыс., в 1618 г. — 116, в 1643 г. — 111 тыс. ластов; в 1650—1660 гг. экспорт зерна резко падает, затем достигает в среднем 30 тыс. ластов в год, в последней четверти XVII в. несколько увеличивается, а в первой половине XVIII в. сокращается (в некоторые годы вывозилось менее 10 тыс. ластов)¹¹.

³ «Historia Polski», t. I, cz. II, Warszawa, 1957, s. 131.

⁴ «Проблемы генезиса капитализма», М., 1970, с. 48, 50.

⁵ «Historia Polski», t. I, cz. II, s. 130—131.

⁶ «История Польши», т. I, М., 1954, с. 273—274.

⁷ «Вопросы истории», 1958, № 2, с. 111.

⁸ «История Польши», т. I, с. 161.

⁹ «История Чехословакии», т. I, М., 1956, с. 237.

¹⁰ «Проблемы генезиса капитализма», с. 44.

¹¹ «Historia Polski», t. I, cz. II, s. 127—128, 462, 659—660 (ласт = около 2 т).

На Прибалтику в XVII в. приходилось 10—13% общего вывоза хлеба на Запад. Через Ригу, Ревель, Пярну и другие порты Прибалтики экспортировалось в 1638—1642 и 1670 гг. 13—14 тыс., в 1694 г. — около 50 тыс. ластов зерна¹². Часть зерна, произведенного в Чехии, направлялась через порты Балтийского моря на север и запад Европы¹³.

Важное или большое место в экспорте северо-восточной Германии, Польши и Прибалтики в западном направлении занимали лен, пенька и изделия из них. Лен являлся ценным сырьем для текстильной промышленности, он был необходим для производства парусины, из пеньки изготовлялись корабельные канаты и рыболовные сети. Главным экспортером льна и пеньки, вывезенных через датские проливы в 60—70-х годах XVI в., являлся Гданьск. Им было поставлено в 1565 г. 40 950, в 1575 г. — 27 554 английских центнеров, в 1657 г. — 23 482 шиффунта (шиффунт = 135—136 кг) льна и пеньки. Большое количество льна и пеньки в XVII в. вывозилось из Эльблонга, Кенигсберга, Нарвы, Риги¹⁴.

Существенное значение имел экспорт продуктов животноводства. Польша в значительном количестве вывозила скот, кожи и шерсть¹⁵.

Важными статьями экспорта стран восточного региона являлись древесина, смола и деготь. Северо-восточная Германия, Польша и восточная Прибалтика поставляли пригодную для судостроения ель и сосну, тес вывозился главным образом через Гданьск. В 1537—1576 гг. ежегодно через Влоцлавскую таможенную проходило около 182 тыс. бревен и 18 тыс. кряжей тиса, 200 ластов смолы и 2500 ластов золы¹⁶. Большая часть лесоматериалов из Нарвы в 1671—1696 гг. направлялась в Нидерланды, остальная древесина, за некоторым исключением — в Англию и Португалию. Из Риги и Пярну древесина экспортировалась в основном в Нидерланды. Восточная Прибалтика поставляла значительное количество смолы и дегтя¹⁷.

Даже эти данные фрагментарного характера свидетельствуют о больших масштабах и росте торговли между западным и восточным регионами Европы в рассматриваемое время. Она обуславливалась различиями в уровнях экономического развития этих регионов и состоянием природных ресурсов в них. Экономика торговли основывалась на низкой цене мануфактурных изделий на Западе и высокой цене их на восточноевропейском рынке и на низкой цене продовольствия и сырья в восточном регионе и высокой их цене в Западной Европе. Продовольствие и сырье в условиях господства крепостного хозяйства в восточном регионе доставались помещикам почти без вложения ими капитала.

Торговые связи между западным и восточным регионами имели неодинаковое значение для обоих «партнеров». Экспорт продовольствия и сырья из восточного региона способствовал развитию мануфактурного производства и судостроения в Западной Европе, расширению ее посреднической и колониальной торговли, первоначальному накоплению капитала и становлению капиталистической формации. Существенное значение имели рынки восточного региона и для сбыта западных товаров. Здесь реализовывалось значительное количество мануфактурных изделий и колониальных товаров.

Иными были последствия торговли с Западом для стран восточного региона. Импортируемые ими товары, главным образом потребительского

¹² «Проблемы генезиса капитализма», с. 44—45.

¹³ «История Чехословакии», т. I, с. 237.

¹⁴ «Проблемы генезиса капитализма», с. 32—34.

¹⁵ «Historia Polski», t. I, cz. II, s. 129—130, 464.

¹⁶ Ibid., s. 128.

¹⁷ «Проблемы генезиса капитализма», с. 20—26.

характера, тормозили развитие местного ремесла. Вывоз продовольствия и сырья, производимого преимущественно на основе крепостного труда, консервировал феодальный строй, содействовал утверждению и развитию фольварочно-барщинной системы хозяйства и связанных с ней реакционных явлений. Экспортная, а отчасти и импортная торговля велась самими феодальными землевладельцами через купцов-посредников или своих приказчиков. В результате свертывались ремесло и торговля, происходило захирение бюргерства и купечества. В то же время в портовых городах усиливались позиции патрициата иноземного происхождения. Доходы, получаемые помещиками от экспорта продуктов земледелия и лесного хозяйства, использовались непроизводительно. Часть зерна перерабатывалась на помещичьих винокурнях, а водка продавалась в барских корчмах и заезжих дворах. Крестьянство в основной своей массе не было связано с товарным производством и обменом, его экономическая жизнь осушествовалась в рамках натурального хозяйства.

Включение стран восточного региона в общеевропейский и мировой рынок сопровождалось переплетением там феодальных и капиталистических форм угнетения. Указывая на такую тенденцию, К. Маркс писал: «Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда»¹⁸. Связанное с внешним рынком распространение крепостничества в Германии было одной из причин, помешавших развитию в ней промышленности в XVII—XVIII вв.

Лишь в малой степени, попутно, торговые связи с Западом способствовали развитию товарного производства и созданию предпосылок для формирования капиталистических отношений в восточноевропейских областях.

Явления такого или подобного характера имели место и в экономических связях Запада со странами Центральной и Юго-Восточной Европы.

Одной из отличительных черт связей юго-восточного региона с внешним миром было то, что в них наряду с торговлей со странами Средиземноморья и Западной Европы важную, а с середины XVIII в. — главную роль играл торговый обмен с наиболее развитыми провинциями габсбургской монархии и в первую очередь с австрийскими землями.

Основная масса крестьянского населения югославянских земель Австрийской империи испытала все тяготы «второго издания» крепостного права. Известное исключение составляли жители так называемой Военной границы, освобожденные от ряда феодальных повинностей за несение военной службы.

На протяжении XVI—XVIII вв. основой экономики Хорватии и Славонии было экстенсивное сельское хозяйство, в котором преобладающую роль играло животноводство (разведение крупного рогатого скота, в меньшей степени — свиноводство, в отдельных районах — коневодство). Главным предметом экспорта был крупный рогатый скот (в конце XVI в. Хорватия вывозила ежегодно до 80 тыс. голов), большая часть которого отправлялась через порты Хорватского приморья в Италию и другие страны Средиземноморья, меньшая — сухопутными путями доставлялась в Грац, Вену, города Южной Германии¹⁹.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 247.

¹⁹ «История народа Югославии», книга друга. Београд, 1960, с. 400.

В XVIII в. большое значение приобрела торговля свиньями (в конце века из Славонии ежегодно вывозилось до 100 тыс. голов на сумму до 1 млн форинтов). Из продуктов земледелия первое место в экспорте занимало вино. Лишь в наиболее урожайные годы продавалось небольшое количество зерна. К концу рассматриваемого периода (конец XVII — начало XVIII в.) с введением культуры кукурузы и повышением уровня возделывания зерновых (в первую очередь пшеницы) обозначился переход к более интенсивным формам земледелия и скотоводства. Крупные феодальные хозяйства стали вывозить пшеницу в больших количествах. Во второй половине XVIII в. начался вывоз табака в Италию, Испанию и другие страны²⁰. В середине века в лавках Загеба, Риеки, Земуна, Осиека продавались шерстяные, шелковые и льняные ткани из Англии, Голландии, Франции, Швейцарии, Италии, Бельгии, Силезии, Моравии²¹. Из Италии поступали мануфактурные изделия — высококачественный текстиль, колониальные товары.

Выполняемая хорватскими землями роль аграрно-сырьевого придатка австрийских земель, в которых в первую очередь началось развитие мануфактурного производства, была закреплена терезианскими реформами второй половины XVIII в., и в частности, установлением таможенной границы между Австрией и землями Венгерской короны (в состав которой входила и Хорватия). Последним отводилась роль исключительно поставщика сырья и сельскохозяйственных продуктов для промышленно развитых областей империи²².

Нормальное развитие средневековой Сербии, которая в середине XV в. была богатой страной с развитым сельским хозяйством (полеводство, виноградарство, пчеловодство, скотоводство, шелководство), ремеслом и горным делом (добыча серебра, меди, свинца, железа), осуществлявшей интенсивный торговый обмен со странами Запада (преимущественно Италией) и Востока (страны Леванта), было прервано турецким завоеванием. Феодальный класс был либо истреблен, либо покинул страну, часть его приняла ислам, слившись с завоевателями; Сербию покидали ремесленники, торговцы и нарождавшееся сербское бюргерство. Земледелие переживало упадок, усугублявшийся турецкой налоговой системой (натуральная рента, произвол феодалов и чиновников). Преобладающей отраслью хозяйства стало скотоводство (в горных районах, мало доступных завоевателям). В результате угона в рабство и ухода из страны основной массы торгово-ремесленного населения городов, запрещения немусульманам заниматься наиболее доходными видами ремесла деградировали ремесло и торговля, прекратилась добыча металлов. Города, заселенные турецкими гарнизонами и представителями администрации, превратились в опорные пункты иноземного владычества. Коренное христианское население было превращено в бесправное податное сословие — райю, по отношению к которому любой завоеватель-мусульманин обладал неограниченными правами.

В первые века турецкого ига (со второй половины XV в.) торговля Сербии была по-прежнему ориентирована преимущественно на обмен с Дубровником, Венецией и другими средиземноморскими государствами. С середины XVII в. все большее значение стала приобретать торговля с Австрией, и австрийцы постепенно вытесняют дубровницких купцов. Пожаревацкий мир 1718 г. дал Австрии значительные преимущества в торговле с Турцией: австрийские купцы получили право свободной тор-

²⁰ Там же, с. 999—1000.

²¹ Там же, с. 1012—1013.

²² Там же, с. 820.

говли в турецких провинциях при уплате незначительной пошлины (3% стоимости товара).

Будучи исключительно аграрной страной, Сербия вывозила продукты животноводства — скот, кожи, шерсть, а также мед, воск, древесину и другие виды сырья. Главной статьей экспорта были свиньи, в большом количестве вывозившиеся в Австрию, откуда поступали изделия мануфактурного производства — ткани, галантерея, стекло, посуда, металлические изделия. Существенным препятствием торговому обмену в условиях турецкого владычества была необеспеченность охраны личности купца и его товара от произвола турецких сатрапов и пашей.

Привилегированное положение европейских купцов в обширных владениях Османской Турции (система капитуляций) оказывало отрицательное воздействие на экономическое развитие Сербии: сербское купечество, страдавшее от произвола турецкой администрации, не могло конкурировать с австрийским; ввоз более дешевых мануфактурных изделий приводил к упадку местного ремесла. Все это на многие десятилетия задержало Сербию в положении аграрно-сырьевого придатка промышленно развитых земель Австрии, изолировало ее от активных торговых связей со странами Западной Европы.

Важную роль в торговом обмене между европейскими и азиатскими провинциями Турции и странами Средиземноморья (Италия, Франция, Испания) играла в XVI—XVIII вв. феодально-аристократическая республика Дубровник (Рагуза), находившаяся в вассальной зависимости от турецкого султана. Доставляя сырье, колониальные товары, предметы роскоши из Турции в страны Запада в обмен на изделия западной мануфактуры и промышленности, дубровницкие купцы стали одними из богатейших на юго-востоке Европы.

Таким образом, торговые связи между странами Западной, Восточной и Юго-Восточной Европы в это время определялись международным разделением труда, связанным с развитием товарного и капиталистического производства, их положением на европейском рынке. «Второе издание» крепостного права в восточном регионе и иноземное османское иго в юго-восточном регионе сковывали и деформировали социально-экономическое развитие и обуславливали отмеченное своеобразие торговли этих регионов. В условиях господства капиталистических государств на европейском рынке страны Восточной и Юго-Восточной Европы оказывались в неравноправном положении, подвергались дискриминации; цены на рынке складывались не в пользу этих стран, выгоды из торговли извлекали землевладельцы-крепостники и завоеватели, а отчасти и местное купечество. Развитие капитализма в Западной Европе происходило в значительной мере за счет неравноценного обмена товарами между нею и другими странами континента.

Л. В. МИЛОВ

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ЗАКОНА СУДНОГО ЛЮДЕМ КРАТКОЙ РЕДАКЦИИ

Академическое издание Закона Судного людем (ЗСЛ) Краткой редакцией выявило, что в Древней Руси списки этого древнейшего памятника славянского права сохраняют удивительное единство рукописной традиции, представляя собой в сущности единый канонический текст. Исследование истории текста ЗСЛ Краткой редакцией по 54 сохранившимся спискам с применением их автоматической классификации на ЭВМ показывает, что в основе рукописной традиции был один из протографов Устюжской Кормчей начала XIV в.¹ Создание единого генеалогического древа, в систему которого логично включаются все древнейшие списки, позволяет предполагать, что до нас дошла единственная рукописная традиция памятника.

Между тем, есть доказательства, что ЗСЛ Краткой редакцией бытовал на Руси в разных редакторских версиях. Обратимся к анализу XVIII титула Эклоги, трактующего о разделении добычи. Исходя из того, что постановления Эклоги о военной добыче были основополагающими и практически без изменений повторены в Частной Эклоге, в Градских законах, в Эклоге, измененной по Прохирону (градским законам), в Эпанагоге и т. д., сравним славянские переводы этого постановления.

Греческий текст Эклоги гласит: «Те, кто воюет с врагами, должны остерегаться всех дурных речей и дел и направлять свои мысли и молитвы к одному только богу и вести войну продуманно. Помощь божья ведь дается тому, кто обращает к ней за советом свое сердце. Ибо победу на войне дает не многочисленность войсковых сил, а сила, исходящая от бога. Когда бог даст победу, то шестую часть добычи должно посвятить казне, а остальную долю разделить равными частями между войском, поровну между великим и малым, ибо достаточно хватает архонтам доходов от получаемого ими жалования. Если же среди архонтов найдутся такие, которые сражались мужественно, находящийся там стратиг предоставит им из упомянутой шестой части, предназначенной фиску, и воздаст им должное, как положено. И пропорционально полученному на войне да будет таковой же, в соответствии с записанным, и доля тех, кто следует с обозом»².

Наиболее ранний перевод этого постановления, сохранившийся в древнерусских рукописях, имеет следующий вид: «Исходящимъ на враги

¹ См. Л. И. Бородин, Л. В. Милов. О некоторых аспектах автоматизации текстологических исследований (Закон Судный людем). В кн. Математические методы в историко-социальных и историко-культурных исследованиях. М., 1977.

² «Эклога, византийский законодательный свод VIII века». Вступ. ст., перевод и комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965, с. 75—76.

на рать хранитис(я) подобаеть от(ъ) всякого лукаваго г(лаго)ла и вещи и къ единому б(ог)у умъ свои имѣти и молбу и съ свѣтомъ творити брань. Помощь бо от(ъ) б(ог)а подается съ с(е)рдцемъ свѣтливомъ не множество[м] бо сил(ъ) побѣда брании, но от(ъ) б(ог)а крѣпость.

Б(ог)у же подающую побѣду з-ю часть достоинь взимати кн(я)зю. А прочее все число взимати всѣмъ людемъ равную часть разделить великаго и малаго, довлѣть бо *жюпаномъ* ч(а)сть княжа и прибытокъ оброку людскому имъ. Аще ли обрящются етири, от(ъ) них(ъ) дерзнувше или *кметици* или *простыхъ* люди подвиг(ъ) и храбрость съдѣя[в]ше, и обрѣтаися кн(я)зь или *воевода* в то время от(ъ) реченаго урока княжа да подаетъ, яко лѣпо. Да под(ъ)емлетъ их(ъ) по части и еже обѣтающимся на брани бывает(ъ), и часть останушим(ъ) на стану ть. Тако бо и г(лаго)л(е)но и писано и предано отъ прор(о)ка Д(а)в(и)да»³.

При сравнении текста и перевода сразу же обнаруживаются весьма существенные расхождения в нормативной части. Шестая часть добычи в тексте Эклоги идет в казну, а в переводе — князю. Возможность льготного награждения добычей в Эклоге предусмотрена лишь для отличившихся архонтов, а в переводе и для «кметици или простых людей». Столь сильные отличия, свидетельствующие по существу о качественно иных нормах закона, заставляют нас ознакомиться со славянскими переводами аналогичного постановления из Градского закона (Прохирина). Вот этот текст: «Иже на противныя побѣду поставивше користемъ нѣкимъ яко же подобаеть обретающимся 2-я часть токмо отиметься въ людское скровище по равнѣи части и власти обладаеми и прочее вся да раздѣлять, довлѣть бо бояромъ приложение ругама ихъ. Аще же обрящутся нѣции от(ъ) тѣхъ боярь изряднее храбровавше воевода от(ъ) прежде реченое чьсти людскаго скровища власть имать дати имъ почеть по чести же и иже възбрании обрѣтающагося и иже въ станохъ оставшимс(е)»⁴. Славянский перевод, представленный здесь, сербского происхождения и восходит ко временам деятельности архиепископа Саввы, т. е. к первым десятилетиям XIII в. Известен и древнерусский перевод этого текста в составе так называемых «Книг Законных», по мнению А. С. Павлова, впрочем, позднее оспоренному, датируемых домонгольским периодом. Приведемъ его полностью: «Иже на съпротив'ныя побѣду поставив'шеи и користѣмъ нѣкимъ обретшимся, шестой токмо доли отдѣленѣ к' об'чей казнѣ, еже есть — ко князю, равными же чьстями владущей убо и обладаеми прочее все раздѣлять: доволѣвает' бо властелемъ честь и власти, яже от князя. Аще ли же обрящются нѣции от боярь мужествовавше воевода от реченая доли об'чей казны область имѣеть подарити ихъ»⁵.

³ Государственный исторический музей (ГИМ). Отдел рукоп., Синод. собр. № 525, л. 212—214. Мерило Праведное по рукописи XIV века. Издано под наблюдением и со вступ. статьей акад. М. Н. Тихомирова. М., 1961, с. 379 (с начала до слов «творити брань»).

⁴ ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отд. рук., Ф, II, № 311, л. 329.

⁵ А. С. П а в л о в. «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы..., СПб., 1885, с. 78. По поводу перевода этой статьи «Книг законных» выскажем следующее соображение. Еще А. П. Соболевский отметил, что текст «Книг законных» был известен переводчикам полного сербского перевода «Градского Закона», приведя в подтверждение ряд взаимно близких чтений (см. ЖМНП, 1886, февраль, с. 353—354). Однако есть основание утверждать, что, наоборот, текст полного сербского перевода Прохирина был известен либо переводчику «Книг законных», либо их редактору: один из фрагментов статьи по тексту «Книг законных» явно зависит от сербского перевода. При всей тщательности переработки терминологии на более позднюю во фрагменте статьи «О разделении користи» видна ее сербская основа. Фраза «аще ли же обрящются нѣции от боярь мужествовавше» почти без изменений осталась от сербского текста. Она выглядит даже инородной, так как термин «бояре» здесь кажется нелогичным, ибо ранее речь шла о «властелях» («доволѣвает' бо власте-

Таким образом, с точки зрения передачи смысла нормативов постановления о дележе добычи, разработанного в Эклоге и повторенного в Прохироне, оба перевода следуют за греческим текстом. Здесь нет никаких отклонений, даже отдаленно напоминающих отклонения славянского перевода Эклоги, дошедшего до нас в юридических сборниках «Мерило Праведное»⁶.

Е. Э. Липшиц обратила внимание, что отступления в нормах дележа военной добычи, которые мы встречаем в славянском переводе XVIII титула Эклоги, полностью совпадают с текстом одной из статей («О полоне») Закона Судного людем⁷. Однако Е. Э. Липшиц не объясняет это сходство. Между тем объяснения на этот счет весьма необходимы. Вот текст этой статьи по Устюжскому списку из Кормчей начала XIV в.: «Исходя к супостатомъ на брань, подобаетъ хранитися от(ъ) всѣхъ непри(а)зненныхъ словесъ и вещии, къ б(ог)у мысль свою имѣти и м(о)л(и)тву творити и съ свѣтъ творити брань. Помощь бо дається от(ъ) б(о)га съ с(е)рцемъ свѣтивъмъ не въ премногу бо силу побѣда брани, нъ от(ъ) б(о)га крѣпость. Таже б(о)гу даюцати побѣду шестую часть достоитъ взимати князю, а прочее все число взимати всѣмъ людемъ в равную часть, раздѣлити великаго и малаго, довлѣетъ бо жюпаномъ княжа часть и прибытокъ оброку людскому имъ. Аще ли обрящутьс(я) етери, от(ъ) тѣхъ дързнувшие или къмети или простыхъ людии подвиги и храбрство съдѣявшие, обрѣтаются князь или воевода в то время от(ъ) реченаго урока княжа да подаеть, яко и лѣпо. Да подъемлетъ ихъ по части еже обрѣтающимся на брани бываеть и часть останущимъ на стану ть. Тако бо и (глаго)лано и писано и предано от(ъ) пр(о)р(о)ка Д(а)в(и)да»⁸.

В нормативной части сходство текста из Закона Судного людем со славянским переводом Эклоги таково, что можно считать эти статьи текстом одного памятника. Шестая часть военной добычи идет князю. Из нее могут получать вознаграждение как отличившиеся в бою «жюпаны», так и простые люди, «кметы» («кметищи»). В преамбуле поучительного характера прослеживается вместе с тем много стиливых отличий. Так, вместо «супостатов» в славянском переводе фигурируют «врагы», вместо «брани» — «рать».оборот «от всех неприязненных словес» заменен выражением «от всякого лукавого глагола». В славянском переводе Эклоги вместо слов «к богу мысль свою имети и молитву» идет оборот «к единому богу ум свои имети и мольбу», вместо «не в премногу бо силу» — «не множеством бо силы» и т. д. Перед нами, таким образом, не перевод греческого текста Эклоги, а текст, содержащий творческую переработку византийского свода законов. Именно такой переработкой является, как известно, Закон Судный людем. Следовательно, мы имеем в данном случае не просто совпадение, сходство отрывков славянского перевода Эклоги и Закона Судного людем, а включение в славянский перевод Эклоги отрывка из Закона Судного людем. Убедительнейшей деталью, свидетельствующей в пользу

лемъ честь и власти яже от князя»). В сербском переводе термин «архонт» последовательно переведен как «боляре». В статье из «Книг законных» несообразность возникла из-за буквального заимствования из сербского перевода. Таким образом, мы имеем важный аргумент в пользу гипотезы о сравнительно позднем появлении перевода «Книг Законных».

⁶ А. С. Павлов. Там же.

⁷ Впрочем, здесь нужна оговорка. В фразе «шестой токмо долес отдѣлень к' об'чеи казнѣ, еже есть — ко князю», есть отступление от греческого текста. Оно заключается в оговорке «еже есть — ко князю». Смысл ее может быть разъяснен в том плане, что шестая доля идет в казну, но, если есть князь — то князю. Думается, что эта не вполне удачная альтернатива обязана своим происхождением явному знакомству переводчика или редактора с текстом Закона Судного людем (об этом ниже).

⁸ «Закон Судный людем в Краткой редакции». Подг. к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1960, с. 47—48.

этого тезиса, является присутствие в конце текста о дележе военной добычи славянского перевода Эклоги заключительного пассажа — «Тако бо и глаголено и писано и предано от пророка Давида». Этой фразы нет в греческом тексте Эклоги⁹. Она известна только по спискам Закона Судного людем.

Несвойственность, чужеродность разбираемого текста переводу византийского законодательного памятника доказывается рядом других обстоятельств. Автору этих строк удалось показать, что известный в историографии Славянский перевод Эклоги на самом деле является древнерусским переводом, предпринятым в очень раннюю эпоху (не позже XI столетия). В связи с этим специфичная терминология, содержащаяся в статье о дележе военной добычи Закона Судного людем, несвойственна переводу Эклоги, сделанному в Древней Руси. Иллюстрируем это на следующем материале.

В тексте Закона Судного людем термин «архонт» заменен на «жюпан» («довлѣеть бо жюпаномъ княжа часть»). Для югославянского перевода Эклоги присутствие такого термина не вызвало бы особого удивления. Но дело, однако, в том, что данному древнерусскому переводу органически свойственна единственная четкая трактовка термина «архонт» как «князь». Так, текст Эклоги «пусть он войдет в святую божью церковь и обратится к надлежащим архонтам» (титул VIII, ст. 5)¹⁰ переведен следующим образом: «да придетъ къ с(вя)тѣи б(ожи)и ц(ѣ)ркви и к под(о)бнымъ княземъ»¹¹. Фрагмент из XVII титула (статья 5) «Если же он забрал что-либо чужое, то да будет он избит местным архонтом как сам себя сделавший эдиком, не будучи архонтом, и затем возвратит за это то, что взял»¹² дан в древнерусском переводе так: «Ли чюже взя, да отъ князя мѣста того биенъ будетъ, яко не владѣя и самъ себѣ бивъ суперникъ, ти тако устроение створити, отъ него же отъя»¹³. Отрывок из статьи 24 XVII титула Эклоги, предписывающий наказание женатому человеку за блуд с рабою: «то местному архонту надлежит забрать ее (рабу.— Л. М.) и продать за пределы провинции, а стоимость ее передать в ведомство казны»¹⁴, в древнерусском переводе передан следующим образом: «си отъ мѣстнаго князя пояти отъ него и за епархию продати, цѣнѣя приносимъ людѣстѣи»¹⁵. Следовательно, древнерусский перевод знает только одну трактовку термина «архонт» («князь»), и термин «жюпан» в статье о дележе военной добычи является для него чужеродным.

Как же получилось, что в древнерусском переводе Эклоги, сохранившемся в списках Мерила Праведного и попавшем из них в Печатную Кормчую, оказался фрагмент из Закона Судного людем? На этот вопрос ответить пока очень трудно. Сейчас нам известно только одно. Текст древнерусского перевода Эклоги, сохранившегося в списках Мерила Праведного, в том месте, где ныне находится статья о дележе военной добычи, был дефектным.

В Троицком списке Мерила Праведного XVI в. текст о дележе добычи («о разделении корысти») сохранил лишь самое начало статьи (до слов «и съ свѣтомъ творити брань»). Далее в рукописи две страницы чистых (л. 188 и 189), они были заполнены посторонним текстом позже, и лишь с последней строки л. 189 вновь появляется текст славянского перевода

⁹ См. «Эклога...», с. 76.

¹⁰ Там же, с. 57.

¹¹ «Мерило Праведное...», с. 368.

¹² «Эклога...», с. 68.

¹³ «Мерило Праведное...», с. 388.

¹⁴ «Эклога...», с. 69.

¹⁵ «Мерило Праведное...», с. 385.

Эклоги (глава 5. О ударившем кого мечемь). В другом списке Мерила Праведного (Синодальном II) этого дефекта нет, и мы можем прочитать текст двух страниц, недостающих в Троицком списке. Это полный текст статьи о дележе добычи («о разделении корысти»), заканчивающийся фразой «Тако бо и глаголено и писано и предано от пророка Давида». Но дальше мы сталкиваемся снова с испорченным текстом: третья статья XVII титула Эклоги начинается с полуфразы («съ иними кленетсы на на нь или на кр(е)-стьянское житие творя...»). Не хватает слов: «Поднимающего восстание против императора или злоумышляющего или...». Отсутствуют первые две статьи XVII титула Эклоги. Из XVII титула в рукописи нет еще двух статей (по Троицкому списку ст. 20, 21), но для них оставлено место. Все эти дефекты сохранились и в тексте Печатной Кормчей¹⁶.

Статья о дележе добычи в греческом тексте Эклоги значится как XVIII титул. В древнерусском тексте она поставлена в начало XVII титула на место недостающих первых двух статей и идет как первая статья XVII зачала. Вполне возможно высказать предположение, что над дефектным текстом протографа древнерусского перевода Эклоги была проделана определенная работа редактора-книжника. Появление статьи о дележе добычи как статьи XVII титула Эклоги могло быть только в одном случае: под рукой редактора-книжника был текст Закона Судного людем — компиляции в основном из того же XVII титула Эклоги. Редактор-книжник пытался править дефектный текст древнерусского перевода Эклоги, сверяя статьи по Закону Судному.

Чтобы дознаться, что Закон Судный был компиляцией из византийского свода законов — Эклоги, надо было проделать огромную работу по поиску и сопоставлению юридических текстов. Так или иначе, безвестный книжник такую работу, видимо, проделал или умудренный знаниями был уже готов к вышеупомянутой правке древнерусского перевода Эклоги¹⁷.

В итоге до нас дошел небольшой фрагмент текста Закона Судного людем в неизвестной редакции, непохожей на ту, что сохранилась в более чем полусотне древнерусских рукописей. По небольшому фрагменту весьма сложно судить о древности текста неизвестной рукописной традиции. Можно лишь высказать предположение, что именно в домонгольский период в Древней Руси имели распространение списки этой традиции. В ту эпоху этот памятник был ближе к практике, вследствие чего и подвергался более решительной стилистической правке. Сохранившаяся же до наших дней рукописная традиция Закона Судного людем, в основе которой был текст одного из протографов Устюжской Кормчей в наибольшей неприкосновенности донесла до нас славянский текст Закона.

¹⁶ На пропуск этих статей в Мериле Праведном по Троицкому списку и в Печатной Кормчей обратил внимание болгарский историк права М. Андреев. См. М. А н д р е е в. Римского право и славянската Эклога. «Годишник на Софийския Университет», юридически факултет, т. I. София, 1959, с. 9.

¹⁷ О том, что такая практика существовала, в какой-то мере свидетельствует состояние рукописи Мерила Праведного XIV в. из Троицкого собрания ГБЛ (№ 15). Как уже говорилось, на л. 188—189 есть пропуск, и листы оставлены чистыми. Поскольку почерк писца до пропуска и после пропуска один и тот же, объяснить присутствие двух чистых страниц можно только одним. В оригинале, с которого списывалось Троицкое Мерило Праведное, выпал лист, и писец это заметил. Он рассчитал число пропущенных строк в переводе на изготавливаемый им Троицкий список, оставил место для них и далее снова приступил к работе. В пользу такого предположения свидетельствует то обстоятельство, что работу он продолжил с последней строки чистого 189-го листа, дав киноварный заголовок продолжения текста (глава 5. О ударившем кого мечемь). Чистое место оставлено для восполнения утраченного текста XVII титула Эклоги по другим спискам, что в конечном счете сделать не удалось. Так же обстоит дело и с пустым пространством на л. 191, оставленным для восполнения отсутствовавших в оригинале 20 и 21 глав XVII зачала текста «Леона и Константина вЪрная царя» (древнерусский вариант названия Эклоги).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

BEJDA VASIL. *Politika a ideológia. K vývoju v strane a spoločnosti v nedávnom období.* Bratislava, 1977, 233 s.

В. БЕЙДА. *Политика и идеология. К положению в партии и обществе в недавнем прошлом*

Автор этой актуальной и интересной работы ставил перед собой задачу выяснить причины, приведшие к тому, что после многих лет успешного строительства социализма в Чехословакии здесь смогли выступить антисоциалистические силы, в чем заключались промахи в идеологической работе, породившие у этих сил надежду на удачу разрушительной работы, и благодаря чему удалось одержать победу над врагом. Вопросы, которые решает автор книги, имеют безусловно большое принципиальное и практическое значение для всего социалистического мира.

Своей работой он преследовал в первую очередь утилитарную цель — способствовать идеологическому воспитанию нового человека, справедливо отмечая, что наряду с созданием материально-технической базы это является одним из главных условий строительства социалистического и коммунистического общества.

В первой главе — «Борьба на два фронта — лозунги и действительность» — автор уделяет основное внимание анализу двух сходных форм извращения марксизма-ленинизма в международном рабочем движении, проявившихся и в рабочем движении Чехословакии: «левого» догматизма и правого ревизионизма. Отмечая идейную близость ревизионизма и догматизма, или сектантства (этот термин автор иногда употребляет для обозначения догматизма, хотя полной идентичности между догматизмом и сектантством не существует), В. Бейда подчеркивает необходимость борьбы в равной мере против каждого из этих направлений. При этом главной опасностью в международном рабочем движении остается ревизионизм.

Представляется интересным имеющийся в книге анализ эволюции ревизионизма, и в особенности выявление основной направленности подрывной деятельности ревизионистов в послевоенные годы. Можно, очевидно, согласиться с интерес-

ной трактовкой автора периодизации развития ревизионизма: первый этап — до Октября 1917 г.; второй — межвоенный период; третий — послевоенные годы, когда в условиях усилившейся борьбы двух систем ревизионизм приобретает новые качественные черты (с. 25). При всех модуляциях ревизионизма остаются без изменения, как справедливо указывает автор, главные линии выступлений ревизионизма против марксистско-ленинской теории: отрицание исторической обусловленности социалистической революции, замена диктатуры пролетариата абстрактно понимаемой демократией, отрицание ведущей роли марксистско-ленинской партии, возбуждение национализма и подрыв основ пролетарского интернационализма, распространение принципов сосуществования только на социалистическую систему.

Основными причинами появления ревизионизма в социалистических странах В. Бейда считает: пополнение рядов рабочего класса за счет выходцев из мелкобуржуазных слоев; усиление активности представителей свергнутых, но недобитых эксплуататорских классов, ориентирующихся на Запад, особенно при усложнении условий социалистического строительства, причем они дезориентируют и часть трудящихся; колебания не твердых индивидуумов, пришедших в партию из мелкобуржуазных слоев в период трудностей и неудач (с. 26). Ревизионизм, говорит В. Бейда, опасен не числом своих приверженцев, а тем, что за ним стоит со всем своим общественным весом класс буржуазии.

Рассматривая борьбу КПЧ с ревизионизмом в период социалистического развития, автор отмечает следующие периоды активизации ревизионизма в чехословацком рабочем движении: в 40-е послевоенные годы основными носителями ревизионизма являлись социал-демократическая и национально-социалистическая партии; в середине 50-х годов ревизионизм впервые выступает

открыто в самой Коммунистической партии Чехословакии; вторая волна ревизионизма начинает набирать силу после XII съезда КПЧ (1962); третья волна ревизионизма относится к 1967—1969 гг. Эта наиболее значительная и «самая грозная волна» (с. 33) ревизионистских выступлений рассматривается в специальной главе. Автор много внимания уделяет критике элитарной теории об исключительности роли интеллигенции в социалистическом обществе как одной из конкретных форм проявления ревизионизма, излагая при этом марксистскую трактовку роли интеллигенции в обществе (с. 48). Автор подвергает критике освещение в мемуарах бывшего видного деятеля КПЧ В. Копецкого хода съезда писателей (с. 49). В этой же части В. Бейда критикует различного рода ревизионистские теории (например теорию «потерянных лет») и выступления в чехословацком литературоведении, журналистике, историографии и т. д., когда под ширмой «чисто научных дискуссий», «творческого» развития марксизма и выработывалась политическая программа правых (с. 64). Охарактеризовав основные положения этой программы, автор показывает попытки ее осуществления антисоциалистическими силами, а также связь выступлений чехословацких правых с проявлениями ревизионизма на Западе (Фишер, Сартр и др.).

При критике ревизионистских выпадов автор использует материалы съездов КПСС и КПЧ, постановления партийных органов и выступления партийных руководителей.

Во второй главе — «Январь 1968 г. и высшая точка кризиса партии и общества» — автор рассматривает постановления партийных органов, содержащие оценку известных событий, связанных с выступлением антисоциалистических сил в ЧССР.

В послеполуварский период (1968), как отмечает автор во второй главе, в общественной жизни проявили себя две тенденции диаметрально противоположного характера. Представители первого направления исходили из марксистско-ленинских принципов и интересов социализма и ставили целью возможно быстрое преодоление всех ошибок и недостатков прошлого развития как и использование его позитивных сторон для дальнейшего успешного развития общества и повышения уровня активности партии.

Представители другого направления стремились опорочить весь период социалистического строительства, а свои деструктивные цели маскировали борьбой за «последовательную демократизацию партии и государства».

Все более широкому проявлению этой тенденции, по мысли автора, способствовала неспособность и неподготовленность нового руководства к решению на-

зреших задач общественного развития. При этом некоторые из указанных представителей в такой обстановке стали ставить уже вопрос не только о реформе, об устранении деформации 50-х годов, а об осуществлении «настоящей, действительной революции», как об этом писал Е. Лёбль в газете «Культурны живот» (1968/21).

Ценность этой главы книги Бейды, на наш взгляд, заключается в том, что он вводит в исследование значительный словацкий материал, который у большинства авторов этой тематики, как правило, оставался в тени. В частности, он много внимания уделяет разоблачению антисоциалистических выступлений М. Кусы, в том числе и его тезиса о пресловутой «институциональной революции» в Чехословакии. Автор при этом указывает на определенное отличие социально-экономического положения в Словакии и в Чешских землях и вызванные этим некоторые различия в развитии так называемого «обродного процесса» в обеих частях республики, воздавая «должное» как словацким, так и чешским и моравским «возрожденцам».

Глубокое знание автором фактического материала позволило ему убедительно и всесторонне раскрыть существо хорошо законспирированных конечных замыслов вдохновителей «тихой», ползучей, контрреволюции в Чехословакии, проследить ее поэтапное развитие, глубину и подлинный размах. Он показывает, что «возрожденцев» в действительности выполняли социальный заказ международной контрреволюции, стремившейся идеологически разрушить социалистический лагерь, как об этом откровенно высказался такой идеолог империализма, как З. Бжезинский.

В политической линии «возрожденцев», как хорошо показывает автор, махровый национализм соседствовал с антисоветизмом, ставшим наиболее типичным проявлением так называемого демократического процесса (с. 122).

В. Бейда отмечает три основные направления проявления антисоветизма: дискредитацию внутренней и внешней политики Советского Союза; фальсифицированное изображение советско-чехословацких отношений; правоопортунистические вымыслы и надежды на оппортунистическое движение в СССР.

Две последние главы работы посвящены идеологической борьбе в стране в новых условиях, возникших в связи с вступлением в Чехословакию союзных войск стран Варшавского договора, и в обстановке перехода здоровых сил в партии и обществе в контрнаступление против реакции.

Высоко оценивая значение самого акта вступления союзных войск в защите социалистических завоеваний народов ЧССР, в укреплении позиций и формиро-

вании здоровых сил в партии, автор считает этот акт исторически обусловленным своеобразным лекарством «для больного чехословацкого общества» (с. 127). Едва ли можно согласиться с тезисом автора о «болезни общества», учитывая, что выступление антисоциалистических сил нельзя рассматривать как болезнь всего социалистического общества. Очевидно, такое «медицинское» сравнение является не очень удачным.

Автор анализирует формы идеологической борьбы в обстановке, когда оппортунистические и ревизионистские элементы изменили методы антисоциалистической борьбы, применяя тактику «перезимования» с тем, чтобы сохранить свои кадры на решающих идеологических позициях. Показывает, как здоровые силы в партии и обществе в тяжелой борьбе постепенно овладевали ситуацией и наконец нанесли решающее политическое поражение ревизионистам и другим контрреволюционным элементам. Рас-

сматривает значение в этой борьбе апрельского и майского пленумов ЦК КПЧ 1969 г., XIV и XV съездов КПЧ и других исторических событий в деятельности партии, а также высоко оценивает личную роль Г. Гусака в борьбе с контрреволюцией.

В заключительной главе отмечается возросшее значение партии в общественной жизни страны и освещаются основные линии и задачи идеологической работы КПЧ в условиях мирного наступления стран социализма и строительства развитого социалистического общества, подчеркивается, что и далее главным принципом идеологической работы партии является единство политики, идеологии и экономики.

Работа, на наш взгляд, представляет интерес для работников идеологического фронта, лекторов, преподавателей вузов. Содержит новую информацию, в особенности об идеологической работе КПЧ в последние годы.

А. Недорезов

У ИСТОКОВ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НОВОГО ТИПА

Рассматриваемая монография¹ посвящена советско-польскому сотрудничеству и экономическим связям в первый год существования народной Польши. Проблематика эта до сих пор не была предметом специального анализа, хотя и затрагивалась в работах по политическим аспектам указанного периода или в работах о советско-польских отношениях за все послевоенные годы. Автор ее — сотрудник Лодзинского университета М. Вильк использовал архивный материал из хранилищ Варшавы и Лодзи, публикации документов, прессу, воспоминания, литературу вопроса. Список этот приложен к работе (с. 238—255). В нем — что не всегда бывает — указаны работы и советских авторов, к сожалению, весьма неполно. Однако странно, что в списке не содержится такого доступного для польского читателя и исследователя издания как совместная советско-польская публикация «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», восьмой том которой (Москва — Варшава, 1974) посвящен изучаемому автором периоду. В приложении к монографии опубликованы семь документов по советско-польским эконо-

мическим отношениям. Книга щедро иллюстрирована документальными фотографиями, многие из которых воспроизводятся впервые. Работа снабжена статистическими таблицами (21 таблица), которые дают интересный цифровой материал, возможность наглядного сравнения и в то же время разгружают текст, облегчая его чтение.

Изученные автором источники позволяют проследить три основных аспекта советско-польских отношений в тот трудный и радостный год завершения войны против фашизма, а именно: первый — участие Красной Армии в обеспечении сохранности и восстановлении польских заводов и фабрик, транспорта и связи, продовольственная помощь гражданскому населению; второй — помощь Советского правительства Польше и, наконец, третий — советско-польские торговые отношения, т. е. проследить переход от чрезвычайной помощи армии и Советского правительства в ходе военных действий к становлению нормальных экономических отношений между государствами. Указанная проблематика изложена в трех главах, построенных по хронологическому принципу. В первой главе дается краткий обзор переговоров делегации Крайовой рады народной (КРН), а затем и Польского комитета национального освобождения (ПКНО) с Советским правительством летом 1944 г. и подписан-

¹ М. Wilk. Pomoc i współpraca. Polsko-radzieckie stosunki gospodarcze w latach 1944—1945. Warszawa, 1976, s. 259.

ных советско-польских документов. Интересен для советского читателя раздел о советских военных комендатурах в Польше и их взаимоотношениях с польскими властями и населением (с. 32—35, 128—131).

Вторая глава «Помощь СССР Польше в период существования ПКНО» (22 VII—31 XII 1944 г.) характеризует экономическое положение освобожденных земель, продовольственную помощь советских войск гражданскому населению. На многочисленных фактах раскрывается роль Красной Армии в налаживании работы транспорта и связи, радиовещания, восстановления фабрик и заводов, нефтепромыслов, обеспечении их материалами и сырьем. Здесь же дается анализ советско-польского экономического соглашения о поставках товаров и об условиях расчета от 20 октября 1944 г., показывается ход его выполнения обеими странами. Заслугой автора является то, что при раскрытии явлений он не ограничивается хронологическими рамками, указанными в заглавии, и сообщает о конечных итогах их развития, делая экскурсы в 1947 и даже 1948 г. В данном случае речь идет о согласии советской стороны отсрочить и видоизменить в соответствии с экономическими возможностями Польши выполнение ее обязательств по соглашению от 20 X 1944 г. (с. 100—102). Автор подмечает и зарождение такой формы экономического сотрудничества, как непосредственные связи польских предприятий с соответствующими предприятиями и объединениями СССР.

В третьей главе — «Польско-советские экономические отношения в 1945 г.» — отмечаются новые аспекты и направления этого сотрудничества: политическое и экономическое освоение воссоединенных земель, приводятся данные об экономическом вкладе Польши в ведение войны

(поставки Красной Армии и Войску Польскому)² (с. 124—125) и т. д.

Особое внимание уделено освещению комплексной советской помощи при восстановлении Варшавы. На ее примере М. Вильк прослеживает зарождение и первые шаги советско-польского научно-технического содружества. В параграфе «Новые области сотрудничества» сообщается о деятельности советской экономической миссии, об обмене научно-технической литературой и документацией, знакомстве польской стороны с советской технологией и практикой в ряде отраслей народного хозяйства. Специальный раздел отведен «Польско-советскому торговому договору от 7 июля 1945 г.», истории его подписания и ходу выполнения Соглашения о товарных поставках на 1945 г. Детальное ознакомление с материалами позволяет автору опровергнуть некоторые утверждения, ранее приводившиеся в литературе (с. 189).

Встречаются досадные ометчатки: искажение фамилий (с. 8), дат (с. 160 и 161, 174 или 161 и 175, 172), неточности (с. 215).

В целом автор делает вывод, что советско-польское сотрудничество, начавшееся как интернациональная и классовая помощь СССР Польше, дало ей возможность экономического и политического старта, постепенного завоевания прочных позиций в мире. Ныне это сотрудничество «достигает с каждым годом нового, высшего этапа, приносит выгоды обоим дружественным государствам». С таким заключением автора нельзя не согласиться.

В. С. Парсаданова

² Вопросы советской материально-технической помощи в создании Войска Польского не являются предметом рассмотрения в монографии, хотя для полноты картины М. Вильк приводит данные об основных советских поставках Войску Польскому (с. 111).

М. KASPER, *Geschichte der Sorben*. Bd. 3. Ven 1917—1945. Bautzen. Domowina — Verlag, 1977

М. КАСПЕР. *История серболужичан*

Третий том «Истории серболужичан» открывается 1917 годом, который ознаменован событием всемирно-исторического значения — Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Она оказала громадное влияние на подъем национально-освободительного и революционного движения во всем мире.

В ноябре 1918 г. вспыхнула революция в Германии. Эти события, падение

монархии способствовали подъему национально-освободительного движения серболужичан как составной части общего революционного массового движения. Для лужичских сербов начался новый этап борьбы не только за национальное равноправие, но и за социальное освобождение. Поражение Ноябрьской революции в Германии тяжело отразилось на судьбе серболужичского национального

движения. Для расправы с ним германская буржуазия, используя старый демагогический прием запугивания немецкого обывателя опасностью «вендского сепаратизма», разместила в Лаузитце в феврале 1919 г. отряды гренадцуга и фрайкорпсфербанда. Автор книги справедливо подчеркивает, что иллюзии руководства серболужицким национальным движением, их проекты присоединения Лаузитца к Чехословакии, надежды на помощь Вильсона и Ллойд-Джорджа и защиту ими серболужичан не оправдались и не могли оправдаться. На Парижской мирной конференции серболужичане совместно с представителями Польши и Чехословакии выступили с требованием гарантий прав национальных меньшинств в Германии и их закрепления в специальном международно-правовом соглашении. Германское правительство обещало учесть эти требования. Однако по возвращении с Парижской мирной конференции представитель серболужицкого национального движения А. Барт был арестован и приговорен к двум годам тюрьмы за «предательство».

Автор отмечает преувеличение значения национально-культурных аспектов мелкобуржуазными руководителями серболужицкого национального движения. Так, в «Представлении» германскому правительству 7 октября 1919 г. «последней программы» сербского национального движения вновь повторялись требования создания автономного Лужицкого округа, требования национального равноправия и введения в школах преподавания на родном языке.

Формально в Веймарской республике были гарантированы демократические права и свободы национальным меньшинствам, однако 113 статья конституции, гарантировавшая эти права, оставалась лишь на бумаге. Более того, по мере усиления в Веймарской республике левинистической пропаганды, появления лозунгов о «славянской опасности» и «вендской ирреденте», активизировалась деятельность всякого рода националистических и милитаристских организаций. Автор обращает внимание на тот факт, что уже в эти годы, еще до прихода к власти нацистов, в Веймарской республике разрабатывались планы германизации этого района путем интенсивной земельной колонизации. Правительство земли Саксония требовало от общегерманского правительства выделения одного миллиона марок на цели «укрепления германского элемента» в Лаузитце, а социал-демократическая фракция рейхстага требовала увеличения этой суммы до трех миллионов.

Правильное решение национального вопроса в стране нашла только Коммунистическая партия Германии. Автор поэтому подчеркивает особенно важное

значение для развития серболужицкого движения создания Лужицкого округа КПГ в июне 1919 г. Правда, в книге отмечается, что организации КПГ имели влияние прежде всего в городах, на лужицкую деревню оно распространялось слабо.

В условиях национального неравенства сопротивление серболужичан национальному и социальному угнетению проявлялось в самых разнообразных формах. В области экономической оно напоминало борьбу поляков против бисмарковской политики германизации и колонизации в прусской части разделенной Польши в 80-х годах прошлого века (основание Вендского народного акционерного банка, возникновение Сербского экономического товарищества, Торгового общества и т. д.; с. 48). В общественно-политической жизни оно сопровождалось появлением мелкобуржуазной народной партии и отделившегося от нее кулацко-клерикального крыла — Кирилло-Мефодиевского союза. По-прежнему, подчеркивает автор, серболужицкое национальное движение продолжало носить преимущественно мелкобуржуазный характер.

Приход к власти в Германии фашистов открыл печальную страницу в истории лужичан. Фашизм в соответствии с его расовой теорией обрекал серболужичан на германизацию, их язык и культуру — на уничтожение. Нацисты утверждали, что серболужичане являются не национальным славянским меньшинством, а народностью немецкого происхождения. С приходом нацистов к власти начались аресты руководящих деятелей серболужицкого национального движения, роспуск его организаций, запрет серболужицких газет, преследования лужицкой интеллигенции, в частности, выселение из Лужиц учителей. 18 марта 1937 г. была запрещена культурно-просветительная организация «Домовина», а 24 августа 1937 г. вышел последний номер газеты «Србске новины». В начале нового учебного 1938 г. последовал запрет преподавания серболужицкого языка в школах Лужицы и пользования им в общественных местах. Автор убедительно показал, что политика германского фашизма в отношении серболужичан была политикой планомерной насильственной ассимиляции и вытекала из антиславянских планов, из расовой теории национал-социализма.

Начавшееся 16 апреля 1945 г. наступление частей 1-го Украинского фронта, форсирование Нисы частями Красной Армии в районе Лужицы принесли освобождение серболужичанам. Разгром германского фашизма Советской Армией обусловил спасение серболужичан и их национальное существование.

Книга представляет значительный научный интерес.

Г. Григорьянц

Школа европейских стран социализма. Послевоенное развитие и современные проблемы. Под редакцией М. Н. Кузьмина. М., Педагогика, 1976, 295 с.

Рецензируемая монография представляет собой первый крупный итог работы, осуществляемой уже ряд лет сектором школы и педагогики социалистических стран НИИ общей педагогики АПН СССР по проблематике школы стран социалистического содружества.

Работа состоит из девяти глав. Восемь из них посвящены школьным системам отдельных европейских стран социализма — Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Албании. Все эти главы построены по единому плану — вслед за краткой характеристикой наследия дается исторический обзор, фиксирующий основные вехи послевоенного развития школы и образования в этих странах во взаимосвязи с главными этапами социалистического строительства, после чего следует характеристика действующей системы образования (в целом и по звеньям), а затем — характеристика основных направлений школьной реформы на современном этапе.

Главам, характеризующим школьные системы отдельных стран, предпослана общая глава — «Исторические предпосылки и основные этапы развития школы и образования в европейских странах социализма». В ней рассматриваются общие закономерности и типологические особенности изучаемых процессов, их сравнение с аналогичным процессом становления и развития социалистической школы в СССР.†

Многие положения рецензируемой книги представляют большой интерес. В первых, внимание читателя несомненно привлечет общая периодизация развития школы и образования в Европе в XIX—XX вв. (с. 13—16), позволившая внести четкие критерии в оценку исторического уровня, достигнутого к моменту освобождения школой каждой из восьми рассматриваемых стран. Сделанная на ее основе группировка стран по уровню предшествующего развития и типологизация исторических предпосылок (с. 18—21) дала авторам возможность дифференцированно охарактеризовать состав и объем задач, вставших перед каждой из этих стран в деле строительства социалистической

школы и формирования нового человека, позволила наметить некоторые типологические особенности последующего развития школы и образования в разных странах этой группы в зависимости от типа полученного наследия.

Другое важное в теоретическом плане положение — периодизация развития социалистической школы европейских стран социализма, вычленение в рамках истекшего тридцатилетия единых, общих для школы всех стран этапов этого развития. Единым критерием такого вычленения является сама цель воспитания социалистической школы — новый человек, всесторонне и гармонически развитая личность, рассматриваемая, однако, не абстрактно и статично, но в конкретной исторической динамике. Периодические «скачки», расширение степени и масштабов реализации школой социалистического идеала личности (детерминируемые, в свою очередь, социально-экономическим развитием общества) и выступают в качестве вех, отмечающих исторические по своему значению этапы в развитии социалистической школы.

Разумеется, как и всякая большая работа, подготовленная коллективом авторов, монография не свободна от недостатков. Мы могли бы отметить неровный уровень и характер отдельных глав, недостаточное внимание, уделенное звену профессионально-технической школы, отсутствие проблематики учительства и т. д. Все это так. Тем не менее, значимость коллективной монографии «Школа европейских стран социализма» — первого в нашей научной литературе крупного обобщающего исследования по зарубежной социалистической школе — вряд ли можно недооценить. Ее выход облегчает подготовку последующих синтетических исследований по педагогике и школе зарубежных социалистических стран. Ее выводы представляют интерес не только для всех занимающихся проблемами зарубежной социалистической и советской школы, но и для историков педагогики и специалистов по зарубежной педагогике в целом.

И. И. Поп

В. П. ЧОРНИЙ. Героическая эпопея болгарского народа. Апрельское восстание 1876 года. Львов, 1976, 136 с.

Книга об Апрельском восстании 1876 г. в Болгарии принадлежит перу известного исследователя истории болгарского национально-освободительного движения, доцента исторического факультета Львовского университета В. П. Чорния. Работа В. П. Чорния является первым в советской историографии монографическим исследованием крупнейшего выступления болгарского народа за свое национальное освобождение. Вооруженное восстание 1876 г. тесно связано со всем предыдущим ходом национально-освободительного движения в Болгарии. Именно это обстоятельство, а также значение восстания в углублении Восточного кризиса середины 70-х годов XIX в., закончившегося победоносной русско-турецкой войной 1877—1878 гг. и освобождением Болгарии, вызывают закономерный интерес историков к этому событию.

Во вводной части работы В. П. Чорний показал принципиальное различие в трактовке проблемы исследования марксистской историографией и буржуазными историками. Автор справедливо выделяет вопросы, в трактовке которых обнаруживаются разногласия в освещении национального движения 70-х годов XIX в. в работах современных историков НРБ: о характере и движущих силах восстания, социально-классовой структуре болгарского общества, расстановке политических сил. В силу дискуссионного характера этих проблем В. П. Чорний наряду с задачами систематизации и обобщения материалов по истории восстания и других специально выделил в рецензируемой книге задачи изучения роли национальной буржуазии в Апрельском восстании и отношения к нему различных слоев болгарского общества (с. 12). Решение поставленных проблем в работе В. П. Чорния опирается на использование многочисленных публикаций документов, осуществленных в последнее тридцатилетие, в том числе и совместных советско-болгарских изданий, а также документов из архивов СССР и НРБ.

В первом разделе — «Подъем революционного движения в Болгарии в 1874—1875 гг.» — отмечается рост недовольства народных масс, вызванный политическим и национальным гнетом и, прежде всего, новым повышением налогов в это время. Главное внимание в этом разделе сосредоточено на выяснении положения дел в революционных кругах, особенно среди болгарской эмиграции в Румынии. Характеризуя борьбу между Х. Ботевым и Л. Каравеловым как борьбу революционно-демократической и буржуазно-радикальной группировок внут-

ри болгарской революционной организации, автор выделяет вопросы, связанные с подготовкой вооруженного восстания. После начала восстания в Герцеговине и Боснии, оказавшего большое влияние на подъем болгарского революционного движения, усиливается организационная деятельность по подготовке восстания в Болгарии. В силу целого ряда причин, и в первую очередь отсутствия опыта массовой революционной борьбы, восстание в сентябре 1875 г., известное под названием Старозагорского, потерпело неудачу. Интересно в этой связи заключение В. П. Чорния, высказывавшееся им и в других его работах, что в Болгарии в то время еще не созрела революционная ситуация (с. 27). В данном случае это положение, на наш взгляд, нуждается в дополнительной аргументации. Необходимо выяснение всех компонентов революционной ситуации в рамках европейских владений Турции и своеобразия их проявления в болгарских землях.

Во втором разделе книги рассматривается непосредственная подготовка массового вооруженного выступления. Автор подчеркивает, что «революционная ситуация в Болгарии полностью созрела лишь на рубеже 1875—1876 гг. ... именно в этот период в стране сложились все объективные социально-политические предпосылки для буржуазно-демократической революции...» (с. 35—36). При этом наличие революционной организации существенным образом влияло на приближение революции. По вопросу о социальной программе, в частности об аграрных требованиях болгарских революционеров, автор рецензируемой книги придерживается неоднократно высказывавшейся (акад. Д. Косев и др.) точки зрения, согласно которой в силу специфических условий Болгарии вопрос об освобождении трудящихся масс от феодальной эксплуатации и национальном освобождении сливался в одну общую проблему.

В. П. Чорний основное внимание уделяет организационной стороне подготовки восстания: действиям Гюржевского революционного комитета, игравшего роль центра, а также окружных комитетов непосредственно в Болгарии. Отмечая неравномерный характер подготовки восстания в различных округах, он выделяет Панагюрский округ, в состав которого входили наиболее развитые в капиталистическом отношении районы южной Болгарии. Здесь соотношение сил складывалось в пользу революционно-демократического крыла, во главе которого стал Г. Бенковский, тогда как в дру-

гих округах руководство оказалось в руках буржуазных деятелей (с. 55).

Анализируя результаты Обориштенского собрания, В. П. Чорний обращает внимание на деятельность Подготовительной комиссии, ее проекты создания органов власти. Важным, на наш взгляд, является вывод автора о том, что в решении этой комиссии «нашли отражение стремления трудящихся масс не только к национальному, но и к социальному освобождению» (с. 64). Это положение, в котором речь идет не столько о социальном содержании национального освобождения, сколько о социальной направленности действий революционеров, позволяет говорить о преемственности в руководстве национально-освободительным движением, об идеологическом главенстве в нем революционно-демократических сил.

В разделе, посвященном ходу восстания, синтезированы сведения о развитии вооруженной борьбы в различных округах Болгарии. Автор воссоздал картину массового выступления болгарских повстанцев, показал героизм защитников Панагюришта, Перуштицы, Батака. Вместе с тем в этом разделе вскрыты причины и проявления неравномерного развития восстания по регионам. В. П. Чорний специально прослеживает героический путь четы Хр. Ботева, отмечает ее исключительную роль в Апрельском восстании.

Заключительный раздел книги — «Характер и движущие силы восстания. Причины поражения» — подводит итоги исследования, в нем решаются актуальные вопросы истории завершающего периода национально-освободительной борьбы в Болгарии. Автор характеризует Апрельское восстание как высшую точку буржуазно-демократической революции в Болгарии. В. П. Чорний отмечает также, что «независимо от социальных устремлений трудящихся масс и субъективных намерений отдельных руководителей, объективно восстание было направлено на ликвидацию феодальных отношений и утверждение капиталистического способа производства» (с. 117). В связи с вопросом о движущих силах восстания в книге утверждается, что в нем «массово участвовали главным образом беднейшие и средние слои крестьянства» (с. 117). В городах активное участие в восстании принимали мелкобуржуазные слои и городские низы. Чрезвычайно важную роль сыграла в вооруженной борьбе мелкобуржуазная интеллигенция, прежде всего учительство.

Эти положения о движущих силах восстания, созвучные с уже высказывавшимися в историографии выводами¹, со-

четаются в рецензируемой книге с интересными наблюдениями и заключениями о роли национальной буржуазии в освободительном движении. В. П. Чорний отмечает недовольство болгарской средней торгово-промышленной буржуазии существовавшими в османской империи порядками. При этом автор подчеркивает, что политической платформой этой части национальной буржуазии был либерализм, «в преобладающем большинстве они добивались изменения существующего положения без революционной борьбы, возлагая надежды на реформы турецкого правительства или на освобождение Болгарии от турецкого ига силами иностранных держав» (с. 118—119).

Хотя изложенный вывод относится непосредственно к Апрельскому восстанию, но, учитывая значение этого вывода для истории национально-освободительного движения в Болгарии на протяжении ряда предшествовавших десятилетий, отметим важное место этой проблемы для выяснения многих вопросов болгарской буржуазно-национальной революции. В связи с появлением новых исследований, где иначе трактуется роль средних слоев болгарской буржуазии², в связи с острой дискуссией о роли национальной буржуазии в освободительном движении в целом³ возникает необходимость в широком обобщении политического развития болгарской буржуазно-национальной революции. Если 20—30 лет назад признание прогрессивности позиций средних слоев болгарской буржуазии было редким явлением в марксистской историографии, то на современном этапе ее развития наблюдается поляризация в оценках роли отдельных слоев национальной буржуазии и ее участия как класса в освободительном движении 70-х годов.

Как нам представляется, принятие или непринятие вывода автора книги о месте средних слоев буржуазии в Апрельском восстании должно быть связано с проведением новых исследований о развитии буржуазной политической мысли в эпоху болгарского национального возрождения. Связь этой задачи с необходимостью выяснения еще недостаточно изученных вопросов отражения изменений в социальной структуре болгарского общества на политическую борьбу внутри освободительного движения делает мало убе-

дене Болгарии от турецкого ига. Сборник статей. М., 1953.

² К. К о с е в, Н. Ж е ч е в, Д. Д о й н о в. История на Априлското въстание 1876. София, 1976.

³ Кр. Ш а р о в а. Научни резултати от дискусиата за ролята на буржоазията в българското освободително движение и предстоящи изследователски задачи. «Исторически преглед», 1978, кн. I.

¹ С. А. Н и к и т и н. Революционная борьба в Болгарии в 1875—1876 годах и Апрельское восстание. В кн. Освобожд-

дательным любой вывод об участии буржуазии в этом движении и ее политической роли на заключительном этапе движения.

Завершая рассмотрение книги В. П. Чорния об Апрельском восстании в Болгарии, хочется отметить последовательное раскрытие автором важнейших сюжетов этого выдающегося события, постановку и ясное решение узловых вопросов его истории. Все это позволяет говорить об удаче исследователя, внесшего заметный вклад в изучение истории

болгарского национально-освободительного движения. В заключение добавим, что его долготелный труд и многочисленные статьи по этой проблеме получили положительную оценку в Народной Республике Болгария⁴.

⁴ Л. Генцова. Апрельското въстание в изследванията на един съветски историк. «Исторически преглед», 1976, кн. I, с. 140—143.

В. Г. Карасев, Б. Н. Билунов

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в 1977—1978 гг. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Багдасаров В. Ш. XXV съезд КПСС о дальнейшем укреплении дружбы и сотрудничества с социалистическими странами. Сборник науч. трудов Ташк. ун-та, 1977, № 536.

Багдасаров С., Могилатов М. XXV съезд КПСС об укреплении дружбы и сотрудничества социалистических стран, боевого содружества братских армий. Коммунист Вооруж. Сил., 1978, № 3.

Бейда В. Революционное наследие Февраля и развитие социализма в ЧССР. Междунар. жизнь, 1978, № 2.

Благо Р. Влияние Октября на развитие коммунистического и рабочего движения, активизацию борьбы за победу социализма в Чехословакии. В кн. Ленинская дружба народов — великое завоевание Октября. Ужгород, 1977.

Знаменська М. В., Мітряева С. І. Засідання Наукової ради з історії світової системи соціалізму. Укр. іст. журн., 1978, № 3.

Козенко Г. М. Мировая социалистическая система — главная революционная сила современности. Вопр. обществ. наук, Киев, 1978, вып. 36.

Малинин П. В. Мифы антикоммунизма и реальная действительность социализма. Научн. докл. высш. школы. Научн. коммунизм, 1978, № 2.

Миросников В. В. Рабочий класс ПНР — движущая сила общественного прогресса страны. В кн. Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Мятев Д. Пролетарский интернационализм и его критики. Рабочий класс и соврем. мир, 1978, № 1.

Мнацаканян М. О. Мировой социализм и развитие антиколониальной борьбы народов. Научн. докл. высш. школы. Научн. коммунизм, 1978, № 2.

Недорезов А. И. Введение. В кн. Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Недорезов А. И. Рабочий класс Чехословакии — ведущая сила в создании социалистического общества. В кн. Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Пухов В. Н. Октябрь и рабочее, национально-освободительное и общедемократическое движения. (Обзор работы III секции Международной научно-теоретической конференции «Великий Октябрь и современная эпоха».) Рабочий класс и соврем. мир., 1978, № 1.

Развитие всестороннего сотрудничества и укрепление братского единства стран социалистического содружества. «Коммунист Узбекистана», 1978, № 1.

Рой Э. Э. Розвиток інтернаціональних зв'язків трудящих поріднених областей і міст УРСР та європейських країн соціалізму. Укр. іст. журн., 1978, № 1.

Романов В. М. Несостоятельность методологических основ правооппортунистической «критики» реального социализма. В кн. Развитие социалистическое общество. Свердловск, 1977.

Сапрыкин А. Г. Закономерности развития мировой системы социализма. Вопр. обществ. наук, Киев, 1978, вып. 36.

Сохань П. С. Возрастающее влияние социализма на мировое развитие. «Коммунист Украины», 1977, № 12.

Степанов В. Тридцать лет строительства социализма (ЧССР). План. хозяйво, 1978, № 2.

Чинчар Й. 30 лет социалистической Чехословакии. Воен.-ист. журн., 1978, № 2.

Щербак Ю. ЧССР: 30 лет после Февраля. «Наука и религия», 1978, № 2.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Борьба социалистических стран за мир в Индокитае. В кн. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. (В 2-х т.) Т. I. 1945—1957 гг. М., 1978.

Векилов Я. Принцип мирного сосуществования в условиях разрядки международной напряженности. В кн. Мирное сосуществование и социально-политическое развитие. Ежегодник, 1976. М., 1977.

Глушкова Э. В. Сотрудничество балканских социалистических стран с Францией как фактор укрепления европейской безопасности. В кн. Борьба социалистических стран за дальнейшую разрядку международной напряженности в Европе. М., 1977.

Зорин В. А. «С Советским Союзом на вечные времена» (О развитии советско-чехословацких отношений в 1945—1948 гг.). «Новая и новейшая история», 1978, № 2.

Ковальский В. Т. Становление и развитие внешнеполитических связей СССР и Польши. В кн. СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность, т. 2. М., 1978.

Кузнецов В. Л. Критика буржуазных фальсификаций ленинского положения о мирном сосуществовании как одного из важнейших принципов внешней политики развитого социализма. В кн. Развитие социалистического общества. Свердловск, 1977.

Кулиш В. М. От политической разрядки к разрядке военной. В кн. Борьба социалистических стран за дальнейшую разрядку международной напряженности в Европе. М., 1977.

Лекомцев Г. З. Миролюбивая антифашистская политика СССР и поддержка ее польскими трудящимися. В кн. СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность, т. 2. М., 1978.

Липский А. Е. Политика Польши в области нормализации двусторонних отношений с ФРГ. В кн. Борьба социалистических стран за дальнейшую

разрядку международной напряженности в Европе. М., 1977.

Матвеев В. Белградская встреча. «Коммунист», 1978, № 5.

Моисеев Е. Г. Борьба Советского Союза за превращение Балтийского моря в море мира. В кн. Советское государство и международное морское право. М., 1977.

Никольский А. Советско-болгарское братство и сотрудничество. Мировая экономика и междунар. отношения, 1978, № 3.

Обзор докладов ученых Польской Народной Республики. В кн. Мирное сосуществование и социально-политическое развитие. Ежегодник, 1976. М., 1977.

Пестрецов В. И. Чехословацко-западногерманские отношения и их место в развитии связей между Востоком и Западом в Европе. В кн. Борьба социалистических стран за дальнейшую разрядку международной напряженности в Европе. М., 1977.

Проккофьев В. Окрыленное братство. (К 30-летию Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ.) «Под знаменем ленинизма», Киев, 1978, № 4.

Успехи стран Азии в социалистическом развитии на основе их союза с СССР и социалистическими странами Восточной Европы. В кн. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. (В 2-х т.) М., I. 1945—1957 гг. М., 1978.

Хнеуек Б. Международная разрядка и внешняя политика ЧССР. Международный. жизнь, 1978, № 2.

Целищев Н. Н. Социалистический интернационализм — основа нового типа международных отношений. Вопр. философии, 1978, № 1.

Шевцов В. С. Организация Варшавского Договора — инструмент мира и безопасности народов. В кн. Советский ежегодник международного права. 1975. М., 1977.

Язкова А. А. Юго-Восточная Европа и проблемы европейской безопасности. В кн. Борьба социалистических стран за дальнейшую разрядку международной напряженности в Европе. М., 1977.

3. Коммунистические партии социалистических стран

Кулаков Ф. Д. Речь на XI съезде болгарской коммунистической партии. 29 марта 1976 года. В кн. Ф. Д. Кулаков. Избранные речи и статьи. М., 1978.

Порфирьева Т. В. Сотрудничество КПСС и ПОРП в области идеологии и культуры. В кн. СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность, т. 2. М., 1978.

Сыздек Б. Сотрудничество ППР и ППС с ВКП(б) после второй мировой войны. В кн. СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность, т. 2. М., 1978.

Штрыцкова С. Марксистско-ленинское учение о субъективном факторе и его развитии в теоретической и практической деятельности Клементы Готвальда. В кн. Философия, экономика, современность. Л., 1978.

4. Экономика. Экономическое сотрудничество

Абдулин Р. А. Международные экономические организации стран — членов СЭВ в машиностроении. В кн. Сотрудничество социалистических стран. М., 1977.

Аболихин Г. А. Некоторые методологические аспекты исследования международных социалистических производственных отношений. В кн. Сотрудничество социалистических стран. М., 1977.

Аверкин А. Г., Калиш В. П. Сотрудничество стран — членов СЭВ в ходе реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции (Обзор за 1974 г.). В кн. Советский ежегодник международного права. 1975. М., 1977.

Алисов Н. В. II сессия постоянного университетского семинара географов социалистических стран в Благоевграде (НРБ). Вестн. Моск. ун-та. География, 1978, № 2.

Анастасов Х. Жилищное строительство в Народной Болгарии. Жил. и коммунал. хоз-во, 1978, № 2.

Байбаков Н. Великий Октябрь и социалистическое планирование. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 6.

Баранецки С. Достижения производственных кооперативов в Польше. Междунар. с.-х. журн., М., 1978, № 1.

Бауман Л. Расширяется сотрудничество братских стран. «Агитатор», 1978, № 3.

Бёниш Р. Планирование размещения производительных сил в Германской Демократической Республике и социалистическая экономическая интеграция. В кн. Региональные проблемы и территориальное планирование в социалистических странах, вып. 2, М., 1978.

Боголюбов Н. Дубна — центр международного сотрудничества ученых. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1978, № 1.

Богомолов О. Т. Международное социалистическое разделение труда. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1978, № 2.

Бочкарев Э. Научно-техническое сотрудничество по проблеме «Создание новых полупроводниковых материалов и металлов высокой чистоты».

Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 6.

Бредова В. М., Строгова А. И. Сравнение обобщающих показателей динамики и уровня развития экономики стран — членов СЭВ и стран — членов ЕЭС. В кн. Социально-экономическое развитие стран социализма в 1971—1975 гг. М., 1978.

Будкин В. С. Социалистическая экономическая интеграция — важное условие функционирования развитого социалистического общества. Вопр. обществ. наук, Киев, 1978, вып. 33.

Бутиков Д. Д. Некоторые тенденции в развитии кредитования оборотных средств в промышленности стран — членов СЭВ. «Деньги и кредит», 1978, № 1.

Быков А. Социалистическое сотрудничество и международный обмен технологиями. Мировая экономика и междунар. отношения, 1978, № 2.

Вавжиньчак С., Венжик С. Научно-техническое сотрудничество Польши со странами — членами СЭВ в области животноводства. Междунар. с.-х. журн., М., 1978, № 2.

Василевская Е. В. Экономическое сотрудничество между странами с различными социально-экономическими системами. В кн. Сотрудничество социалистических стран. М., 1977.

Васильев В. П. Международные экономические организации в экономическом механизме социалистической интеграции. В кн. Цена в системе хозяйственного механизма. М., 1978.

Васильев Л., Лядов А. Совершенствование интеграционного планирования при совместном строительстве объектов странами — членами СЭВ. План. хоз-во, 1978, № 2.

Вильдан Н. В. Внедрение промышленных методов производства в животноводство ПНР. Научн. труды Ленингр. с.-х. ин-та, 1977, т. 331.

Владова Н. Освоение новой продукции в промышленности европейских стран — членов СЭВ. Вопр. экономики, 1978, № 1.

Вязовов Б. А. К вопросу об организации планирования деятельности международных хозяйственных объединений. В кн. Сотрудничество социалистических стран. М., 1977.

Ганичев И. А. О жилищно-гражданском строительстве в Югославии. Жил. стр-во, 1978, № 1.

Георгиев Г. Взаимные консультации стран — членов СЭВ в области экономической политики. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 6.

Георгиев С. Вклад НРБ в сотрудничество с развивающимися странами. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1978, № 1.

Гниденко А. Эффект бригадной организации труда. Из опыта экономиче-

ской работы на предприятиях НРБ. Эконом. газ., 1978, № 3.

Головачев Г. К. Железнодорожный транспорт стран — членов СЭВ в 1976—1980 гг. Ж.-д. транспорт в СССР и за рубежом, 1977, вып. 8.

Гомбожав Д. Роль экономического сотрудничества с братскими странами в развитии экономики МНР. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1978, № 1.

Гремяцкая Л. Д. Прибыль в промышленных организациях Польской Народной Республики. Экономика и организация пром. производства. Новосибирск, 1978, № 1.

Гроза А. Сотрудничество стран — членов СЭВ в разработке научных основ развития контейнерной транспортной системы. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1978, № 1.

Гук Е. Международное сотрудничество социалистических стран и развитие вычислительной техники в Польской Народной Республике. Вычислительная техника соц. стран, 1977, вып. 1.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи в 1977 году. Эконом. газ., 1978, № 14.

Дзисько Л. Курортные комплексы в Югославии. «Архитектура СССР», 1978, № 3.

Журавлев Ю. Международные связи Совета Экономической Взаимопомощи. Внешн. торговля, 1978, № 1.

Журек О. Территориальный аспект перспективного плана развития народного хозяйства Чехословацкой Социалистической Республики. В кн. Региональные проблемы и территориальное планирование в социалистических странах, вып. 2. М., 1978.

Завадский С. Эффективность регионального развития. В кн. Региональные проблемы и территориальное планирование в социалистических странах, вып. 2. М., 1978.

Зайцев Г. Е. Развитие швейной промышленности стран — членов СЭВ в условиях социалистической экономической интеграции. Швейная пром-сть, 1978, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«*Ceskoslovenský časopis historický*», 1977, № 6

Ю. Кржишек. К вопросу о предпосылках и историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции; Я. Цесар. Великая Октябрьская социалистическая революция и мировой революционный процесс в 1917—1923 гг.; В. Налевка. Великая Октябрьская социалистическая революция и формирование коммунистического движения в Латинской Америке; М. Грох, В. Грохова, Л. Кобылкова. Методологические проблемы в современной советской историографии.

1978, № 1

Я. Черны. Элементы новой внешней политики Чехословакии в дофевральский период; В. Фиц. Национальное объединение в политической структуре Чехословакии в 1934—1935 гг.; Й. Жемличка. К характеристике средневековой колонизации в Чехии; Б. Н. Флоря. Вацлавская легенда и культ Бориса и Глеба; Я. Звада. Предмет истории международного рабочего движения и методы исследования.

«*Slovanský přehled*», 1978, № 1

В. Краль. Перерастание народной и демократической революции в социалистическую. Победоносный февраль

1948 г.; М. Тейхман. Международные отклики и взаимосвязи чехословацкого Февраля 1948 г.; Д. Черна. Отклик Февраля 1948 г. в Венгрии; Б. Литера. Конференция в Женеве о завершении войны и восстановлении мира в Индокитае в 1954 г.

«*Kwartalnik Historyczny*», 1978, № 1

А. Поппе. Русь и Византия в 986—989 гг.; Э. Опалинский. Политика пожалований Зигмунда III Вазы на территории Познаньского и Кошицкого воеводства; В. Черепица. Связи Польского освободительного движения с Белоруссией в 60—70-е годы XIX в.; Я. Мишгаль. Пропагандистская деятельность немецкого подполья в Опольской Силезии после войны в 1945—1949 гг.

«*Исторически преглед*», 1977, № 5—6

Хр. Христов. Россия, западные державы и освобождение Болгарии; А. Пантев. Англо-русские отношения и Освободительная война; Ц. Генев. Некоторые военные и дипломатические вопросы Освободительной войны; В. Трайков. Объявление независимости Румынии и ее участие в войне 1877—1878 гг.; В. Паскалева. Болгарская буржуазия в период национального возрождения и освобождение страны от османского ига; Ив. Панайо-

тов. Из истории дипломатической подготовки Берлинского конгресса; Г. Георгиев. Переустройство традиционной системы поселений в результате Освобождения.

«Historický časopis», 1977, № 4

М. Кропалак. Великая Октябрьская социалистическая революция и мирная политика Советского Союза; М. Потемра. Юридическое положение Словацкой национальной партии в Венгрии; А. Шпис. Воздействие рынков на развитие городов в Словакии в период позднего феодализма.

1978, № 1

М. Барновски. Февраль 1948 г. и строительство основ социализма; В. Дянгл. Антивоенное движение словацкой социал-демократии в период балканских войн (1912—1913); Б. Варсик. Национальный профиль Венгрии и национальные аспекты антигабсбургского сопротивления; Р. Марсина. Города и рынок в Словакии до конца XIII в.

«Slavia orientalis», 1977, № 3

Х. М. Малговская. Очерк в польской и советской литературе; Н. Петрова. «Тихий Дон» М. Шолохова и традиции русской классической литературы; М. Зелиньская. Из проблематики раннего творчества К. Федина; В. Пилат. О лирической прозе Виктора Лихоносова; В. Мокры. К вопросу о польских исследованиях последнего десятилетия в области украинской литературы.

№ 4

З. Збыровский. Проблемы исследований истории русской поэмы; Д. Шимоник. Натуралистические и реалистические элементы в поэтике романа А. Куприна «Яма»; В. Заворский. «Донские рассказы» М. Шолохова; В. Мокры. Теоктыст Пачовский — исследователь польско-украинских литературных связей; Т. Милейковская. Неизвестные редакции «Словарей Русской Академии».

1978, № 1

Б. Бялокозович. Лев Толстой — его жизнь и творчество; Р. Лужны. Лев Толстой — «народный» писатель; Д. Кулаковская. Толстой и его формула веры; А. Гулак. Высокое небо Аустерлица; З. Оконь. «Хаджи-Мурат» Льва Толстого; Э. Дикманн. Проблемы реализма в позднем творчестве Л. Н. Толстого; А. Вечорек. Лев Толстой и «знание»; Л. Ершов. Михаил Шолохов и Лев Толстой; Т. Поз-

няк. Русский советский роман тридцатых годов в кругу проблематики и поэтики Льва Толстого.

«Литературна мисъл», 1977, № 10

П. Зарев. Октябрьская революция и наша культура; Х. Радевский. Октябрь; И. Пачев. А. В. Луначарский и некоторые вопросы теории социалистического реализма; Л. Георгиев. Исторические корни нашей общности (у академика Дмитрия Лихачева); М. Канадирская. Измерения творческих взаимосвязей; С. Баева. Два поколения — две эпохи; П. Анчев. Мотив смерти в поэзии П. Р. Славейкова; Д. Василев. Публицистика Мастера (Георгий Кирков); К. Иванов. Патриарх Евтимий и агиографическая традиция в средневековой литературе.

«Slavia», 1978, № 1

Тридцать лет чехословацкой славистики (1948—1978) (Рабочие результаты и актуальные задачи); В. Бланар. Предмет и методы ономастики; И. Немец, Е. Михалек и др. Отношение семантики старочешского словарного запаса к общественной ситуации; З. Хауптова. Развитие текста старославянского апостола с точки зрения лексического анализа; В. Шаур. Oržga, oržyp, orditi, orby? К. Крейчи. Греко-славянские фантазии в предмартовской Европе (философско-социологические теории); П. Винчер. Проникновение форм популярной литературы в «высокую» литературу в художественной прозе после второй мировой войны (стратегия автора по отношению к читателю); З. Генык-Березовская. По поводу неоромантической драмы; Р. Парлек. Мировое значение и специфика русской революционно-демократической критики (типологические заметки).

«Česká literatura», 1977, № 6

Й. Петерка. «Месяцы» Томана в сравнении с другими вариациями календарного цикла; А. Гайкова. Месть индивидуалиста; М. Благинка. Два шага к реализму; В. Куделка. Межвоенная чешская драма и мир; Д. Коржикова. Построение мотивов «Сжигателя трупов» Фукса; Московский симпозиум о чешской и словацкой литературе.

1978, № 1

М. Погорский. Чешский романтизм в европейском контексте; П. Вапшак. Текстология и системы в творчестве К. Г. Махи; В. Форст. Жизнь и борьба; Я. Колар. К драматургии чешского народного театра; М. Ржеикова. К искусству портрета в творче-

стве трех авторов поколения «Мая»; Я. Л о у ж и л. Бернард Болзано и РКЗ.

«Slovenská literatúra», 1977, № 4

Д. О к а л и. Октябрьская революция и наша литература; З. К л а т и к. Образ революции в словацкой и славянской поэзии двадцатых годов; А. Б а г и н. Слово поэзии Валека; В. П е т к о. О представлении исторической псевдоперспективы в современной литературе;

Д. Ф. М а р к о в. Исторически открытая система правдивого отображения жизни.

№ 5

З. К л а т и к. Образ революции в словацкой и славянской поэзии двадцатых годов; П. П е т р у с. Переводы Есенинского из лирической поэзии Сергея Есенина; О. Ч е п а н. Парадоксы Ионы Заборского; Э. Г о м б а л а. Кароль Штур и Карел Гинек Маха; М. Ж и т н у. Проблемы науки о литературе в ГДР.

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СЛАВИСТОВ И БАЛКАНИСТОВ В ЗВЕНИГОРОДЕ

14—16 марта 1978 г. в Звенигороде проходила всесоюзная научная конференция «Итоги и перспективы славяноведческих и балканистических исследований; вопросы координации», организованная Научным советом АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики. В ней приняли участие более 30 научно-исследовательских учреждений Академии наук СССР и академий наук союзных республик, высших учебных заведений, учреждений различных ведомств. В работе конференции участвовали представители различных гуманитарных наук: историки, археологи, этнографы, историки культуры, лингвисты, литературоведы, искусствоведы и др.

Конференция была организована с целью дальнейшего развития и активизации в масштабах страны научного сотрудничества славистов и балканистов, подведения итогов разработки актуальных проблем славяноведения и балканистики, определения перспективы их дальнейшего изучения в ближайшие годы, конкретных форм координации научно-исследовательской работы в этих областях. Хотя главное внимание было сосредоточено на сравнительно-исторических и комплексных (междисциплинарных) проблемах славяноведения и балканистики, рассматривались и проблемы социалистического этапа развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе проблематика социалистического строительства, становления и развития социалистического содружества, комплексные проблемы социалистической культуры.

В первый день конференции на пленарном заседании были заслушаны и обсуждены 8 докладов. С основным докладом «За дальнейшее развитие сравнительно-исторических и комплексных исследований в области славяноведения и балканистики» выступил председатель Научного совета, директор Института славяноведения и балканистики, чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков. Подчеркнув возрастающую роль общественных наук, отмеченное в решениях КПСС значение АН СССР как центра теоретических исследований, докладчик подробно остановился на состоянии научно-исследовательской работы в области истории, истории куль-

туры и истории литературных языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы, подвел итоги развития сравнительно-исторических и комплексных исследований в области славяноведения и балканистики, наметил дальнейшие перспективы их углубления и совершенствования.

Выступившие с докладами В. В. Кропоткин («Этногенез славян в советской историографии»), А. С. Мыльников («Комплексное изучение проблемы „Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму“»), В. И. Злыднев («Итоги и перспективы изучения культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы»), В. К. Волков («Место и роль Центральной и Юго-Восточной Европы в международных отношениях на первом этапе общего кризиса капитализма»), А. И. Недорезов («Советская историография о социалистическом строительстве, становлении и развитии социалистического содружества»), В. А. Дьяков («Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории славяноведения») констатировали, что за период, прошедший после Всесоюзного координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения (Москва, 1961), советские ученые добились немалых успехов в разработке наиболее важных вопросов истории, истории культуры и истории литературных языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы. За это время опубликован ряд ценных исследований, освещающих социально-политическое и культурное развитие народов указанного региона, подготовлены крупные работы в области изучения литературы и языков южных и западных славян. Успешно развивается и крепнет творческое сотрудничество советских ученых с учеными стран социалистического содружества.

Работа конференции проходила в пяти секциях.

По мнению участников секции «Этногенез славянских и балканских народов» (руководитель секции В. Д. Королук), в последнее время в изучении проблематики этногенеза достигнуты значительные успехи, особенно благодаря археологическим изысканиям, и в меньшей степени

за счет лингвистических, антропологических и этнографических исследований. Дальнейшая активизация работы в области этногенетической проблематики в первую очередь зависит от реального налаживания комплексного изучения с привлечением накопленных данных археологии, истории, этнографии, лингвистики, фольклора, антропологии, с применением новых методов и расширением полевых исследований. Причем, исследованию подлежат весь этнический процесс от древности, от вероятных районов прародины славян и до формирования народностей в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе в период раннего феодализма.

Секция предложила два основных направления координационной работы: 1 — материальная культура и антропология; 2 — духовная культура и этнос. Первое направление предполагает изучение проблем «Реконструкция славянской материальной культуры в археологическом, лингвистическом и этнографическом аспектах», зарубенецкой, пшеворской, черняховской и ряда других археологических культур, проблемы «Древности антов и склавинов» и др. Однако особое внимание нужно обратить на изучение духовной культуры как на одну из перспективных областей, тесно связанных не только с собственно этногенетическими аспектами, но и с изучением истоков национального самосознания и культурной самобытности славянских и балканских народов — доклад Н. И. Толстого «Основные проблемы и задачи изучения древней славянской духовной культуры (этногенетический аспект)».

Второе направление включает в себя проблемы: реконструкции славянской духовной культуры в лингвистическом, этнографическом, историческом и фольклористическом аспектах; комплексного этнолингвистического изучения архаических славянских зон в языковом и этнокультурном отношении; праславянского диалектного членения в лингвистическом и культурно-мифологическом аспектах; славянской и балканской топонимики и ономастики; исследования архаической славянской истории; славянских культурных древностей, славянского язычества и др. По всем названным темам были выделены головные организации, на которые возложена миссия координации работ, намечены ответственные исполнители.

Между участниками секции — представителями крупных славистических центров страны состоялся деловой разговор по поводу определения практических задач. Они крайне разнообразны по своему масштабу, объему и характеру. В качестве иллюстрации можно назвать такие — подготовка и публикация древнейших свидетельств о славянах и древнейших славянских исторических свидетельств, активизация полевых исследований, пуб-

ликация и перевод классических трудов по славянскому этногенезу, славянской духовной культуре, публикации материалов полевых исследований, серии атласов (Общеславянского лингвистического, Общекарпатского диалектологического, Белорусского лексического, Украинского диалектологического и др.), публикация областных словарей и т. п.

Участники секции «Формирование наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (руководитель секции — А. С. Мыльников), заслушав доклады Ю. А. Писарева «Становление государственности у народов Балканского полуострова», К. Л. Струковой «Проблемы национально-освободительного движения балканских народов (вторая половина XVIII — начало XX в.) в советской историографии», В. И. Фрейдзона, Т. М. Исламова «Итоги и задачи изучения истории освободительных движений народов Австрийской империи (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)», С. М. Фалькович, Л. А. Обушковой «Проблемы формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе», С. В. Никольского «Задачи изучения процесса формирования национальной литературы», Л. Н. Смирнова, Г. К. Венедиктова «Формирование национальных литературных языков зарубежных славян», отметили, что за последние 5—7 лет достигнуты существенные результаты в области разработки закономерностей развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму, в частности в изучении истории национально-освободительных движений, процессов формирования наций и национальных культур. Ряд изданных и подготовленных к печати коллективных трудов демонстрирует плодотворность сравнительно-исторического подхода в изучении национально-освободительных движений и важнейших факторов, определивших процессы складывания и развития наций.

Несмотря на то что особенностью этих исследований является переход к новому, более высокому этапу — комплексному сравнительно-историческому изучению проблематики в масштабах всего региона (примером могут служить работы «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе», «Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» — М., 1977), секция рекомендовала по-прежнему считать первостепенной задачей дальнейшую подготовку обобщающих трудов комплексного и сравнительно-исторического характера по истории и культуре народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму, таких, например, как «Польпа на путях перехода от феодализма к капитализму», «Чешская нация на заключительном этапе ее формирования», «Основные проблемы истории Венгрии в

эпоху перехода от феодализма к капитализму», «Просвещение и романтизм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы» и др.

Было признано необходимым также продолжить углубленное исследование проблем экономики, социальных структур, политических и государственно-правовых институтов, культуры и языка народов региона с учетом межэтнических и межнациональных контактов (проблемы взаимовлияния и взаимодействия), обратить особое внимание на вопросы развития общественной мысли, науки, просвещения, художественной культуры, фольклора и народного искусства в этнокультурном контексте, а также на роль культурных центров в формировании национального самосознания. Кроме того, было высказано предложение продолжить исследование процессов формирования отдельных литературных языков народов региона как в историко-культурном, так и в лингвистическом планах и закономерностей формирования национальных литератур, специфики этого процесса в условиях национального гнета, типологических тенденций литературного развития и т. д., обратив особое внимание на подготовку обобщающих трудов по истории и культуре балканских народов.

На секции «Проблемы истории культуры славянских и балканских народов» (руководитель секции — В. И. Злыднев) были обсуждены проблемы: изучения культуры славянских и балканских народов эпохи средневековья и, в частности, вопрос о координации исследований в области межславянских культурных связей (доклад А. И. Рогова); изучения культуры в эпоху формирования наций славянских и балканских народов (доклад И. И. Лециловской); изучения современной социалистической культуры в европейских странах социализма (доклады М. Б. Ешича, С. А. Шерлаимовой, Б. И. Ростокского); изучения славянского и балканского фольклора в контексте народной культуры (доклады И. М. Шептунова, Б. Н. Путилова).

В изучении этих проблем, по мнению участников секции, в последние годы намечился определенный сдвиг в сторону усиления историко-системного подхода. Отдельные сферы культуры, общественного и художественного сознания рассматриваются в ряде трудов в диалектическом взаимодействии, в общем комплексе исторического процесса развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Особенно заметные позитивные результаты были достигнуты в исследовании культуры эпохи формирования наций. Однако по-прежнему главной задачей ученых, работающих в области культуры, остается широкое внедрение и применение комплексных и сравнительно-исторических методов исследования.

Особое внимание было обращено на необходимость продолжить изучение конкретных процессов развития культуры стран этого региона на различных этапах строительства социализма как в однодисциплинарном («отраслевом»), так и в комплексно-систематическом и сравнительно-историческом плане, генезиса и развития социалистического искусства, процессов сближения и интернационализации социалистической культуры и складывания культурной общности мировой системы социализма. Одна из важнейших задач состоит в изучении славянского и балканского фольклора как явления народной культуры, участвующего в обогащении национальной культуры на разных исторических этапах.

Заметное оживление научной деятельности произошло в последние годы и в области исследования проблем международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в новое и новейшее время. Участники секции «Славянские и балканские народы в системе международных отношений» (руководитель секции — В. К. Волков) отметили, что активизировалось изучение международных отношений в Юго-Восточной Европе в первой половине XIX в., связанных с историей возникновения первых независимых государств в этом регионе (доклад И. С. Достян «Проблемы и задачи изучения международных отношений в Юго-Восточной Европе в первой половине XIX в.»), появились новые работы по истории внешней политики России на Балканах в XIX в. (доклады С. И. Бочкаревой, Е. К. Вяземской «Внешняя политика России от Парижского мира до Берлинского конгресса (1856—1878) в советской историографии», В. Я. Гросула «Восточный кризис 1875—1878 гг. в советской историографии»). Особенно много сделано в советской историографии по изучению отношений Советского Союза со странами Центральной и Юго-Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами: доклады И. И. Попа «Советская историческая литература о процессе складывания системы государств в Центральной и Юго-Восточной Европе после первой мировой войны», Г. М. Славина «Интернационалистская солидарность трудящихся в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1920) и в борьбе против фашизма в годы Великой Отечественной войны (1941—1945)».

В резолюции секции также подчеркивается, что в настоящее время ведутся исследования по истории антифашистской национально-освободительной борьбы в годы второй мировой войны и международным аспектам возникновения социалистического содружества в Европе.

Несмотря на то что проблематика международных отношений стала предметом широких сравнительно-исторических исследований с учетом многообразия фак-

тов, формирующих эти отношения, многие важные проблемы истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе еще не стали объектом исследования советских историков. Учитывая этот факт, а также высказанные в ходе дискуссии предложения, для улучшения координационной деятельности признано необходимым выделить ряд проблем. Речь идет о международных аспектах возникновения независимых государств на Балканах в новое время, о международных аспектах развития национально-освободительных движений народов Центральной и Юго-Восточной Европы, о проблемах «Балканы и Восточный вопрос», «Восточный кризис 1875—1878 гг.» и др. Секция сочла также необходимым дальнейшее развитие исследований империалистических противоречий и национально-освободительной борьбы в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в., революционных связей народов Центральной и Юго-Восточной Европы, проблемы пролетарского интернационализма и др. Было подчеркнуто, что в настоящее время на передний план выдвигаются проблемы координации исследований советских историков по международным отношениям в Центральной и Юго-Восточной Европе, особенно в новейшее время, по проблематике международного значения Октябрьской революции и ее роли в образовании новой системы государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, международных аспектов становления социалистического сотрудничества.

Участники секции «Историография и источниковедение» (руководитель секции — В. А. Дьяков) подчеркнули особо важное методологическое значение исследований, посвященных разработке проблем славяноведения и балканистики в рамках каждой отдельной страны и во всемирном масштабе (доклады С. М. Стецкевича «Разработка проблем истории южных и западных славян. Некоторые вопросы координации в вузах РСФСР», П. А. Дмитриева «Разработка проблем славянской филологии и координация учебной и научно-исследовательской работы в вузах СССР», С. В. Смирнова «Итоги и перспективы развития истории славянского языкознания»). Поэтому секция рекомендовала продолжить изучение особенностей идейно-теоретических направлений и научных школ тех научных дисциплин, которые образуют славяноведение и балканистику, т. е. в исторической науке, языкознании, литературоведении и т. д.; эволюции понимания предмета славяноведения и балканистики как в прошлом, так и в настоящее время; определение предмета славяноведения и балканистики на современном этапе, разработка научно-обоснованной периодизации и др.

Были одобрены исследования, направ-

ленные на систематическую разработку проблем истории отечественной славистики, проводимые в славистических центрах страны.

Несмотря на положительную оценку результатов расширившейся в последние годы работы над теоретическими и методологическими вопросами в области историографии, участники секции констатировали, что историографическое изучение проблематики балканского региона разворачивается с отставанием. Поэтому внимание научных учреждений и отдельных ученых должно быть обращено на этот круг проблем, так же как и на теоретические вопросы, касающиеся определения балканистического комплекса научных дисциплин, периодизации истории балканистики, характеристики основных научных направлений и школ.

В целях дальнейшего развития сравнительно-исторических и комплексных исследований в области славяноведения и балканистики участники конференции рекомендовали сконцентрировать усилия на разработке и уточнении методологии и методик комплексного изучения истории, истории культуры и истории литературных языков народов Центральной и Юго-Восточной Европы, шире использовать с этой целью конкретно-научные методы, находящие применение в советской философии, этнографии, социологии и других общественных науках, включить методологическую проблематику в программы исследований всех научных центров.

Учитывая важность объединения научных сил для комплексного сравнительно-исторического изучения первоочередных вопросов, было решено обратить особое внимание на совершенствование координации и организации исследований в этих областях в общесоюзном масштабе. В частности, признано необходимым привлечь к решению этих вопросов не только историков, историков культуры и филологов, но и этнографов, искусствоведов, историков философии, права и представителей других наук.

По мнению участников конференции, для выполнения этих целей следует наладить систематический учет информации о работах, ведущихся по указанным проблемам, шире привлекать научные силы университетов, библиотек и других научно-исследовательских и культурно-просветительных учреждений Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Минска и других городов, учреждений Академии наук и республиканских академий.

Принимая во внимание, что при разработке планов научно-исследовательских работ на следующее пятилетие необходимо учесть высказанные в ходе обсуждения предложения, Научному совету по комплексным проблемам славяноведения и балканистики поручено создать сводный план работы. В то же время

признано целесообразным ввести в практику работы Научного совета регулярное (не реже одного раза в пять лет) проведение пленарных сессий совета, приурочиваемых к моменту разработки планов научно-исследовательской работы на очередное пятилетие, создать отделения Научного совета в Киеве, Львове, Минске, Кишиневе. Для рассмотрения научных и научно-организационных вопросов признано необходимым проводить периодические сессии секций, рабочие заседания бюро секций (не реже, чем один раз в два года).'

Возрастающая научно-политическая значимость изучения комплексных проблем социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, широкая география научных центров, ведущих их разработку, обострение идеологической борьбы по этим проблемам в историографии требуют активизации работы в данной области исследований на базе Института славяноведения и балканистики АН СССР, секции по истории социалистического строительства, существующей в составе Научного совета АН СССР «Мировая социалистическая система».

Кроме того, для полной реализации намеченной программы были поставлены существенно практические конкретные задачи: проведение координационных совещаний по отдельным проблемам, научных конференций и симпозиумов, например, в 1979 г. конференции «У истоков славянской духовной культуры. Принципы и методы изучения древней славянской духовной культуры», в 1980 г. координационного совещания представителей ведущих центров страны, занимающихся проблемами социалистической культуры европейских стран социалистического сотрудничества, конференции по проблемам сравнительного изучения литературы и др.

Для успешной популяризации среди широких кругов читателей результатов комплексных исследований в области истории, истории культуры и языков народов региона признано целесообразным создание новых серийных и продолжающихся изданий (типа «Славянского архива»), информационно-реферативного сборника — «Славяноведение и балканистика за рубежом» и др. 5

З. С. Пенашеева

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Л. А. БУЛАХОВСКОГО

12—13 апреля 1978 г. в Киеве состоялись Научные чтения, посвященные памяти Л. А. Булаховского (к 90-летию со дня рождения). В чтениях, организованных Институтом языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, приняли участие языковеды Москвы, Киева, Львова, Харькова.

Научные чтения открыл директор Института языковедения АН УССР академик И. К. Белодед. В своей вступительной речи он говорил о значении научного наследия Л. А. Булаховского для отечественной и мировой науки о языке, подчеркнул роль исследований ученого прежде всего как слависта широкого профиля. Большую роль в укреплении и развитии научных контактов между отечественными, в частности, украинскими и зарубежными славистами сыграли многолетние научные связи Л. А. Булаховского с А. Мазоном, Б. Гавранком, Ф. Травничком, Т. Лером-Славинским и многими другими выдающимися учеными.

В докладе «Булаховский — славист» Т. Б. Лукинова (Киев) отметила, что при всей многогранности научной деятельности ученого, он известен прежде всего как славист. Особенно многочисленны и важны сравнительно-исторические славистические труды Л. А. Булаховского, в частности в области акцентологии и лексикологии. В докладе были освещены главные направления исканий ученого на путях усовершенствования сравнительно-исторического метода. Из общих идей подчеркнута неоднократно высказывавшаяся

Л. А. Булаховским мысль о том, что славянское языковедение должно развиваться в тесном единстве с другими науками о славянстве (историей, археологией, этнографией, фольклористикой, литературоведением и т. п.). Немало сделал ученый для изучения проблемы взаимодействия славянских языков.

Позиция ученого в решении проблемы хронологии и динамики возникновения украинского письменного языка была представлена в докладе Л. Л. Гумецкой (Львов) «Взгляды Булаховского на староукраинский письменный-литературный язык». Справедливо отмечено, что Л. А. Булаховский дал наиболее полную характеристику староукраинского письменного языка; он показал, что в славянских языках уже начального периода при всей совокупности их общих черт обнаруживались специфические особенности, определявшие в дальнейшем пути развития каждого из них.

Основной идеей доклада В. А. Дыбо (Москва) «Труды Л. А. Булаховского об ударении глаголов в свете новейших исследований» является мысль о неиссякаемой актуальности разработок ученого в области акцентологии славянских языков.

А. П. Непокупный (Киев) в докладе «Булаховский и балтийское языковедение» привел ряд фактов, раскрывающих контакты ученого с балтийскими языковедами, в частности, с Я. Эндзелином и К. Бугой. Основной статьей Л. А. Булаховского, посвященной балтийскому язы-

кознанию (а их всего 10), по праву считается «Из Baltica в русской лингвистической литературе (1914—1922)», опубликованная в Литве при содействии К. Буги (Tauta ir žodis, II, 1924). Перу Л. А. Булаховского принадлежат интересные исследования по литовской диалектологии, при этом особое место отведено в его статьях вопросам акцентологии.

В докладе «Исторический вокализм украинского языка в исследовании Л. А. Булаховского» проф. М. А. Жовтобрюх (Киев) проанализировал достижения в области изучения истории украинского вокализма, связанные с научной деятельностью ученого. Докладчик подчеркнул, что целый ряд явлений в истории украинских гласных впервые получил объяснение в трудах Л. А. Булаховского.

Л. С. Паламарчук (Киев) в докладе «Л. А. Булаховский как лексиколог и лексикограф» отметил, что в круг постоянных научных интересов ученого входило выяснение природы слова, многообразия его функций в речи. Как лексикограф Л. А. Булаховский выступил в качестве редактора Русско-украинского словаря (М., 1948).

М. М. Пещак (Киев) выступила с докладом «Понятие системности языка в трудах Л. А. Булаховского». Ученого постоянно привлекала сущность периферических явлений в языке, которые по своей природе противостоят основным закономерностям языка и представляют собой «факты компромиссности системы» (аналогия, грамматическая индукция, различного рода контаминации и т. п.). Докладчик анализирует и обобщает значения термина «система» в трудах Л. А. Булаховского.

В представленном А. И. Багмут докладом «Вопросы ритмомелодики в трудах Л. А. Булаховского и их исследование в украинском советском языкознании» отмечается, что понятие ритмомелодики речи в трудах Л. А. Булаховского освещается через раскрытие природы словесного и фразового ударения, членение речи на словесные такты, ее тональность, интонационную связь отдельных предложений, их темпоральную характеристику, ритмическую организацию речи.

Акад. И. К. Белодед (Киев) выступил с докладом «Язык и искусство. Язык как искусство». Докладчик осветил глубинные связи естественного языка человека с языком искусства, их взаимодействие в психике творческой личности. Изучение эффективности, действительности процессов взаимопроникновения и взаимосвязи слова с различными видами искусства — проблема и психологическая, и эстетическая, и социолингвистическая.

С докладом «О семантических „регистрах“ в славянской лексике» на чтениях выступил проф. Н. И. Толстой (Москва). Докладчик предложил ввести в научный оборот понятие «семантического регист-

ра», предполагающего отнесение к определенному семантическому классу того или иного слова, объединенного с другими общей специфической семьей, а в историческом плане — общей глубиной семьей. Предложенная методика позволит определить новые семантические ряды, территориально отдаленные лексические соответствия в различных славянских языках.

Результаты изучения номинальной флексии хетто-лувийских языков, а также некоторых вопросов грамматической системы этих языков представлены в докладе проф. А. А. Белецкого (Киев) «Хетто-лувийская номинальная флексия в сравнительном аспекте».

В докладе «О происхождении качественных различий индоевропейских гласных» проф. А. С. Мельничук (Киев) сформулировал исходные положения предлагаемого им объяснения генезиса индоевропейского вокализма. В индоевропейских языках сохранились многочисленные данные, свидетельствующие о единстве происхождения, с одной стороны, гласных е и і, с другой — гласных о и и. Автор исходит из предположения, что в фонетической системе раннеиндоевропейского языка отсутствовали качественно различные гласные фонемы, оформление слога происходило путем соединения согласного звука с фонологически неопределенным гласным призвуком.

В. М. Русановский (Киев) в докладе «Вопросы сопоставительного изучения истории славянских литературных языков» анализирует основные направления исследования этих вопросов в трудах Л. А. Булаховского и намечает возможные подходы к созданию сопоставительной истории славянских литературных языков как отдельной языковедческой дисциплины.

В. Т. Коломиец и А. Н. Шамота (Киев) выступили с докладом «Семантическая мотивация украинских названий растений в украинском языке». Авторы устанавливают в украинском языке 15 основных моделей семантической мотивации названий растений.

«История акцентуации имен существительных s-основ в славянских языках» — тема доклада, представленного В. Г. Скляренко (Киев). На материале восточнославянских и южнославянских языков проанализированы акцентуационные особенности имен существительных s-основ от праславянской эпохи до современности.

С большим интересом присутствовавшие прослушали магнитофонную запись воспоминаний Л. А. Булаховского о годах обучения в Харьковском университете.

В обсуждении докладов выступили Л. Н. Смирнов, Г. Д. Вербес. Научные чтения, посвященные памяти Л. А. Булаховского, предполагается сделать периодическими.

Т. А. Черныш

ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ ШЕПТУНОВ

23 мая 1978 г. скоропостижно скончался известный советский славист, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики Игорь Михайлович Шептунов. Вся почти тридцатилетняя научная деятельность И. М. Шептунова связана с Институтом. Длительное время он был ученым секретарем Института, ряд лет — заместителем директора, а в последние годы — руководителем Группы фольклора славянских и балканских народов. С момента основания журнала «Советское славяноведение» он беспрерывно был членом редколлегии, активно участвуя в подготовке номеров, в определении его научной направленности. В изданиях Института появились и наиболее значительные работы ученого, получившие признание в Советском Союзе и за рубежом.

И. М. Шептунов родился 29 VI 1918 г. в г. Майкопе. В июне 1941 г. окончил русско-славянское отделение Ленинградского государственного университета и ушел на фронт. В 1942 г. он окончил курсы военных переводчиков, а затем был политработником. После демобилизации из армии, в 1947 г., И. М. Шептунов поступил в аспирантуру Института славяноведения АН СССР по специальности «история болгарской литературы». Под руководством акад. Н. С. Державина он подготовил кандидатскую диссертацию «Отражение гайдуцкого движения в болгарской литературе 50—70-х годов XIX в.», которую успешно защитил в 1958 г.

Научные интересы И. М. Шептунова (мл. научный сотрудник Института с 1951 г. и старший — с 1962 г.) развивались по нескольким направлениям. Большой интерес он проявлял к болгарской литературе эпохи национального Возрождения. Для коллективного труда «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.» (1959), в котором он был одним из основных авторов, им было написано «Введение» (совместно с Д. Ф. Марковым), обобщающая глава о болгарской литературе 50—70-х годов XIX в., а также монографические главы о Л. Каравелове и Х. Ботеве. В сборнике Болгарской Академии наук «Г. С. Раковский. Взгляды, деятельность и жизнь» (1964) им опубликована большая статья

«Первая болгарская революционная поэма „Лесной путник“ Г. С. Раковского». В «Истории Болгарии», т. 1 (М., 1954) ему принадлежит раздел «Культура Болгарии в период национального Возрождения». Эти работы получили положительную оценку в советской и болгарской научной печати и свидетельствовали о вкладе советского ученого в освещение важных проблем болгарского литературного процесса времени формирования и утверждения реализма.

Другое направление в научных интересах И. М. Шептунова было связано с изучением проблем становления болгарской социалистической культуры. Им написаны очерки о творчестве О. Василева, А. Каралийчева, вступительные статьи к романам А. Гуляшки, Э. Манова, С. Даскалова, рецензии на произведения Г. Караславова, Л. Стоянова, Т. Павлова, а также свыше 40 статей по болгарской литературе в изданиях Советской энциклопедии (Краткая литературная энциклопедия; Большая советская энциклопедия, изд. 2; Малая советская энциклопедия, изд. 3; Белорусская энциклопедия). В статьях и рецензиях, посвященных современным писателям, использован не только литературный материал, но и опыт многолетнего личного общения литературоведа с писателями. В советских и болгарских изданиях опубликованы его статьи по проблемам социалистической культуры, из которых специально следует отметить: «Культура народно-демократической Болгарии» (1955) (написана совместно с К. Н. Державиным); «О некоторых проблемах социалистической культурной революции в Болгарии» (1967); «Г. Димитров и проблемы строительства социалистической культуры в Болгарии» (1974).

На протяжении всей своей научной деятельности И. М. Шептунов проявлял большой интерес к фольклору южнославянских народов и особенно к болгарскому фольклору. Еще в 1953 г. вышел составленный им сборник «Болгарская народная поэзия» с комментарием составителя, а пять лет спустя — хрестоматия «Эпос южнославянских народов», в которой И. М. Шептунов был одним из редакторов, составителем и автором комментариев. Известность приобрели его статьи: «Болгарские гайдуцкие песни», «Сен-

тябрьское народное восстание 1923 г. в народной поэзии», «Эпос южных славян». И. М. Шептунов выступал с докладами на международных конгрессах балканистики («Советско-балканские культурные связи», «Жанры гайдуцкого фольклора»), на симпозиумах фольклористов в Социалистической Республике Македонии («Юрьев день», в фольклоре балканских народов), на советско-болгарских конференциях историков и литературоведов.

Много сил и энергии И. М. Шептунов отдал созданию в Институте славяноведения и балканистики Группы фольклора, призванной объединить усилия советских фольклористов по изучению наследия зарубежных славян. В ряде изданий Института — «Литература славянских народов», «Межславянские культурные связи», «Славянский и балканский фольклор» — И. М. Шептунов выступал как их организатор и ответственный редактор. Он был также членом редколлегии совместного советско-болгарского труда «До-

кументы и материалы по истории советско-болгарских отношений», членом редколлегии ряда других изданий. Болгарское правительство высоко оценило вклад ученого в изучение болгарской литературы и культуры, наградив его орденом Кирилла и Мефодия I степени и рядом медалей НРБ.

В своей повседневной работе И. М. Шептунов проявлял глубокую заинтересованность в развитии советской славистики и балканистики. Для него — человека общительного, доброжелательного, интересующегося, Институт был своим домом, которому он беззаветно отдавал всю свою энергию и опыт организатора. Друзья и коллеги И. М. Шептунова навсегда сохранят о нем — человеке и ученом — светлую память, а работы его будут служить дальнейшему развитию советской славистики и балканистики.

В. И. Злыднев

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1978 ГОДУ

СТАТЬИ

А в к с е н т ь е в а А. Г. Следы древнейших акцентных парадигм во втором полногласии	№ 6
Б а г и н с к и й Э. С. Политические концепции санации и польская конституция 1935 г.	№ 1
Б и р м а н М. А. Тесняки и марксистская пропаганда среди болгарского пролетариата в начале XX в.	№ 3
Б о г о м о л о в а Н. О пушкинской традиции в творчестве Юлиана Тувима	№ 4
Б р о м л е й Ю. В. Этнографическое изучение славянских народов в СССР	№ 6
В е р е щ а г и н Е. М. Выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян с помощью методики «цепочки»	№ 1
В и н о г р а д о в В. Н. Освобождение балканских народов от османского ига (70-е годы XIX в.)	№ 3
В о й ц е х о в с к и й М. Консервативная оппозиция в гитлеровской Германии и Польша (1933—1944)	№ 3
В о л к о в В. К. Мюнхен: внутривосточные и международные последствия для Югославии	№ 1
Г а б о в ш т я к А. О некоторых причинах лексической дифференциации в словацких диалектах	№ 6
Г а л а к т и о н о в И. В. Еще раз об Андрусовском договоре 1667 года.	№ 4
Г р и г о р я н Э. А. Некоторые семантические явления в болгарской географической терминологии	№ 1
З а л и з н я к А. А. Новые данные о русских памятниках XIV—XVII веков с различием двух фонем «типа о»	№ 3
З а л и з н я к А. А. Противопоставление букв о и ѿ в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное»	№ 5
З е л е н и н а Э. И. Терминология ткачества в балканских говорах болгарского языка в ее соотношении с литературной	№ 4
И в а н о в а Р. П. Общественное движение на Украине и польское восстание 1863 года	№ 3
И с а е в а З. Развитие драматургии Югославии в период народно-освободительной борьбы (1941—1945)	№ 6
К а д а ц к и й В. Ф. Антифашистская борьба демократических сил Болгарии (май 1934 — май 1936 гг.)	№ 2
К а л и г а н о в И. И. Текстологические заметки о южнославянских списках Жития Георгия Нового	№ 4
К а р а с е в А. В. Из истории русско-сербских отношений в 60-х годах XIX в.	№ 2
К и р ш е в с к а я А. К вопросу о классовом характере конфликта в болгарском обществе в конце XIX — начале XX века	№ 5
К и ш к и н Л. С. О факторах, обуславливающих литературные связи	№ 4
К л е в а н с к и й А. Х. К истории распада Австро-Венгрии и образования Чехословацкого буржуазного государства	№ 5
К о с т ю ш к о И. Традиции совместной борьбы народов СССР и ПНР за свободу, независимость и социальный прогресс	№ 5
К у з ь м и н В. Пражский договор 1973 года — вклад в европейскую безопасность	№ 3
К у ч и н к о М. М. Средневековые города Побужья в свете летописных и археологических источников	№ 4
Л а п т е в а Л. П. А. Л. Дювернуа и его работы по истории славян	№ 3
Л и п а т о в А. В. Славянские литературы и общеевропейский литературный процесс эпохи средневековья (Общие закономерности, связи, специфика)	№ 4

Логачев К. И. Советское славяноведение до середины 1930-х годов	№ 5
Мананчикова Н. П. Социальная структура морской торговли в XIII — начале XIV в. по данным морского права Дубровника и Задара	№ 6
Майорова М. Реакционные законодательные акты болгарского парламента (1924—1943 гг.)	№ 2
Матула В. Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура	№ 2
Ненашева З. С. Софийский съезд неославистов 1910 года	№ 5
Пенкова П. Лексикографическая характеристика Синайского евхология	№ 2
Сизова Т. И. Журнал «Новые виднокренги» — орган польской прогрессивной эмиграции в СССР (1941—1943)	№ 6
Софронова Л. Театр и театральность в польской и русской культуре XVII — первой половине XVIII века	№ 2
Стрекалова З. Н. Научные контакты между советскими и польскими лингвистами в послевоенный период	№ 2
Сумарокова М. М. Ф. Филипович о революционном движении в России (1905—1917 гг.)	№ 4
Утешены С. О современной диалектографии чешских говоров	№ 5
Харцьева Г. Ю. Газета «Словенске народне новине» (август 1845 — июнь 1848) и формирование программы словацкого национального движения	№ 1
Шафир М. А., Ковешников Е. М. Конституция социалистического общенародного государства	№ 1
Шептунов И. М. Освобождение Болгарии от османского ига и устное народное творчество	№ 2
Шерлаимова С. А. К 100-летию со дня рождения Зденека Неедлы	№ 1
Щербаков Ю. Февраль 1948 года — великий рубеж в истории народов Чехословакии	№ 1
Яжборовская И. С. Важная веха на историческом пути польского народа	№ 6

СООБЩЕНИЯ

Воронков В. И. ПСЛ-«Вызволене» в борьбе за аграрную реформу (ноябрь 1918 — июнь 1919 г.)	№ 3
Воронков В. И. ПСЛ-«Вызволене» и польская конституция 1921 г.	№ 6
Гусев В. Е. Рукописные заметки П. Шафарика на первых номерах «Сербского летописа»	№ 3
Зеленин В. В., Костюшко И. И. «Второе издание» крепостного права и европейский рынок	№ 6
Карасев В. Г., Корольюк В. Д., Санчук Г. Э. Академик В. И. Пичета	№ 5
Львин Ю. А. Кампания солидарности трудящихся СССР с польским революционным движением (1922—1923 гг.)	№ 5
Милов Л. В. К истории текста Закона Судного людем Краткой редакции Пиримкулов Ш. Д. Трудовая деятельность и социальное обеспечение польских эмигрантов в СССР в 1943—1946 гг.	№ 2
Усенко П. Г. Новые материалы о деятельности З. Сераковского в 60-х годах XIX века	№ 2

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Альтман А. О. М. Говорухин в эмиграции	№ 5
Лабынцев Ю. А. Памятник старопольской письменности	№ 4
Стеклова Ф. И. В кругу декабристов	№ 4

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография (составители: Дябина Н. И., Колоева И. А., Козловская И. И., Кошкина Е. А., Скворцова Н. М., Смирнова Р. Н.)	№ 1—6
Билунов Б. Н., Москаленко А. Е., Тарасова В. Г. Из истории балканских стран	№ 1
Бэла И. Труды польских историков культуры	№ 2
Валев Л. Б. Труд по истории Болгарии для французского читателя	№ 3
Горский И. К. Г. Д. Вервес. В интернациональных литературных связях	№ 1
Горский И. К. Г. Германов. Окърваено навечерие (България и българите в руската литература)	№ 5
Григорьянц Т. М. Kasper. Geschichte der Sorben	№ 6
Дьяков В. А. Новые архивно-библиотечные справочники	№ 2

Карасев В. Г., Билунов Б. Н. В. П. Черный. Героическая эпопея болгарского народа. Апрельское восстание 1876 года	№ 6
Кишкин Л. С. 50 лет Славянской библиотеке	№ 2
Клепикова Г. П. Я. В. Закревська. Нариси за диалектного словотвору в ареалному аспекти	№ 3
Колесов В. В. R. Krajčovič. A Historical Phonology of the Slovak Language	№ 1
Копруковняк А. J. Jachymek. Oblicze społeczno-polityczne wsi lubelskiej 1930—1939	№ 1
Кудрявцева Н. И. Józef Kowalczyk. Za kulisami wydarzeń politycznych z lat 1936—1938 w świetle raportów posła Czechosłowacji w Warszawie i innych archiwaliów	№ 4
Лаптева Л. П. Новое издание Збраславской хроники	№ 4
Лещиловская И. И. «Театр в национальной культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв.»	№ 5
Липатов А. В. Из истории культурного общения Московской Руси и Польши.	№ 3
Мавродин В. В. И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой орды (на рубеже XIV—XV вв.)	№ 2
Мельцер Д. Б. П. С. Сохань. Очерки истории украинско-болгарских связей	№ 5
Мигев В. В. Д. Мозеров. Совершенствование управления промышленностью в Болгарии. 1944—1968	№ 2
Мыльников А. С. «Зарубежные славяне и Россия»	№ 1
Наумов Е. П. Развитие историографии славянских стран и история византиноведения	№ 4
Недорезов А. Bejda Vasil politika a ideológia. K vývojn v strane a spoločnosti v nedávnom období	№ 6
Носкова А. Z. Kozik Partie i stronnictwa polityczne w Krakowskiem. 1945—1947	№ 1
Носкова А. А. К. Кавко. Польша: отечество и социализм	№ 5
Парсаданова В. С. Ценный труд польского историка	№ 1
Парсаданова В. С. У истоков советско-польских экономических отношений нового типа	№ 6
Перхавко В. Б. Новое о великоморавском государстве	№ 2
Поп И. И. Школа европейских стран социализма. Послевоенное развитие и современные проблемы	№ 6
Свирида И. Пополнение «Богемияны»	№ 3
Тесемников В. А. В. В. Зеленин. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917—1921	№ 4
Яковлев Н. Н. Цола Драгойчева. Повеля на дълга	№ 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В. З. Празднование 100-летней годовщины со дня рождения академика Н. С. Державина	№ 1
Исламов Т., Венедиктов Г. Научная конференция в Будапеште	№ 4
Клепикова Г. П. X Семинар македонского языка, литературы и культуры	№ 2
Кузьмин М. Первое заседание Бюро Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур	№ 1
Можяева И. Е. Международная научная конференция по Общекарпатскому диалектологическому атласу	№ 4
Ненашева З. С. Всесоюзная научная конференция славистов и балканистов в Звенигороде	№ 6
Пирко В. А., Туривненко Н. И. VIII Всесоюзная научная конференция историков-славистов	№ 5
Прокофьева Н. А. Заседание Международной комиссии по истории славистики	№ 4
Фирсов Е. Ф. Советско-чехословацкий коллоквиум по истории фашизма и антифашистской борьбы в Европе	№ 5
Черныш Т. А. Чтения памяти Л. А. Булаховского	№ 6

НЕКРОЛОГИ

Злыднев В. И. Игорь Михайлович Шестунов	№ 6
Илья Соломонович Миллер	№ 4
Судник Т. М., Толстой Н. И. Памяти Мечислава Карася	№ 3

CONTENTS

<p><i>Jazhborovskaja I. S.</i> An important landmark on the historical way of the Polish People. <i>Bromley Ju. V.</i> Ethnographical study of the Slav Peoples in the USSR. <i>Isajeva Z.</i> The development of the Yugoslav drama in the time of People's Liberation War (1941—1945). <i>Sizova T. I.</i> The magazine «Nowe Widnokren-gi» — the organ of the Polish progressive emigration in USSR (1941—1943). <i>Mananchikova N. P.</i> The social structure of the sea-trade in the XIIIth — begin-ning XIV century according to the sea-law of Dubrovnik (Raguza) and Zadar (Zara). <i>Gabovštitak Anton</i> (ČSSR). About some causes of lexical differentiation in Slovak dialectes. <i>Avzentieva A. G.</i> The traces of the most ancient accentual paradigmes in the second vowelness</p>	3
--	---

COMMUNICATIONS

<p><i>Voronkov V. I.</i> PSL — «Wyzwolenie» and the Polish Constitution 1921. <i>Zelenin V. V.</i>, <i>Kostjushko I. I.</i> «The second edition» of serfdom and the European market. <i>Milov L. V.</i> To the history of the text of the «Zakon sudny l'udem» in its Short Wording</p>	69
---	----

REVIEWS AND REVIEW-ARTICLES

<p><i>Nedorezov A.</i> Bejda Vasil. Politika a ideológia. K vývoju v strane a spoločnosti v ne-dávnom období. <i>Parsadanova V. S.</i> At the sources of Soviet-Polish economical relations of new tipe. <i>Grigoriantz T. M.</i> Kasper. Geschichte der Sorben. B. 3, 1917—1945. <i>Pop I. I.</i> Школа европейских стран социализма. Послевоенное развитие и современные проблемы. <i>Karasjov V. G.</i>, <i>Bilunov B. N.</i> В. П. Чор-ний. Героическая эпопея болгарского народа. Апрельское восстание 1876 г.</p>	102
---	-----

Bibliography

<p>The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1977 (continu-ed). The content of foreign periodicals</p>	110
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>Nenasheva Z. S.</i> The All-Union scientific conference of the Slavists and Balkanists in Zvenigorod. <i>Chernysh T. A.</i> The readings in memoriam of L. A. Bulahovsky</p>	116
<p><i>Zlydnev V. I.</i> <u>Igor Mikhajlovich Sheptunov</u>.</p>	122
<p>Guide of articles and materials published in the Soviet Slavonic Studies in 1977</p>	124

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ,
А. И. НЕДЕРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХБЕВ (зам. главного
редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.08.78. Подписано к печати 17.10.78 Т-18329 Формат бумаги 70×108^{1/16}
Высокая печать Усл. печ. л. 11,2 Уч.-изд. л. 12,1 Бум. л. 4 Тираж 1220 экз. Зак. 806

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099. Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891